

ПРАВИТЕЛЬСТВО ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОУ ВПО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ЦЕНТР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. А. Вавилова

ВОЛОГОДСКИЙ ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Пособие для учителя

1440639

Вологда
2007

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Предисловие

Устное народное поэтическое творчество любого региона России соединяет в себе два компонента: богатую национальную и местную поэтическую традицию. Подобное соединение не противоречит развитию фольклора, такова его закономерность и специфика. Фольклор не существует сам по себе, не живет обособленно от быта его носителей, он входит как обязательная органическая часть в комплекс духовной культуры народа.

Начало активного изучения фольклора в Вологодской губернии, как и в большинстве губерний России, относится к сороковым годам XIX века, ко времени возникновения Русского географического общества и Отделения русского языка и словесности при Российской академии наук (1846 г.). Эти организации явились координационными центрами фольклорно-этнографической собирательской и научной работы, объединив огромный коллектив местных краеведов-любителей и ученых всей России. Во все концы обширного российского государства были разосланы инструкции, программы, анкеты, вопросники для собирателей материала по фольклору и этнографии, требующие комплексного подхода: изучать народную словесность в связях с этнографией, учитывать язык, «духовную» и «телесную» сферы народной жизни, быт, семейное устройство, обычаи, обряды, верования, народные забавы, игры, развлечения, народные представления о красоте и т.д. Инструкции ориентировали не на выборочное собирательство, а на необходимость учета связи словесного народного творчества с другими элементами культуры, на его функциональное назначение.

Все это стимулировало развитие местного краеведения. Краеведческой деятельностью были охвачены разные по своему социально-политическому, образовательному, общественному статусу, но единые в любви к своему краю люди: инспектор вологодской гимназии Н.Ф. Фортунатов, преподаватели гимназии Н.И. Иваницкий и Ф.Д. Студитский, учителя из Кадникова Е.В. Кичин, В.Е. Кичин, Н.Ф. Бунаков, впоследствии известный русский педагог, историк А.Е. Мерцалов, библиограф П.А. Дилакторский, земские врачи Н.Г. Ордин и С.А. Дилакторский, священнослужители Ф.Е. Малевинский, С.А. Непеин, П. Воронов, П. Шайтанов, писатель А.В. Круглов, политический ссыльный Н.А. Иваницкий, крестьянин

А.А. Шустиков, выходец из крестьян, ученый-геолог, фольклорист, этнограф М.Б. Едемский и др. Они были связаны с Русским географическим обществом, были его членами, отвечали на многочисленные вопросы, выполняли программы этнографического, статистического, юридического содержания, требующие как наблюдений над живыми процессами народной жизни, так и знаний того, что сохранилось в народной памяти. Собранные материалы – бесценный источник изучения духовной культуры Вологодского края.

Первые научные публикации вологодского фольклора относятся к сороковым годам XIX века. П.И. Савваитов в журнале «Москвитянин» опубликовал несколько песен, выполненных с филологической тщательностью, с сохранением особенностей местного произношения (1842).

Очень ценная публикация принадлежит Ф.Д. Студитскому. В сборнике «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний» (СПб, 1841) помещены 123 песни, записанные «с голоса и со слов жителей», указано место и время записи, манера исполнения песен.

Наибольшей активности собирательская работа в Вологодской губернии достигла в конце XIX – начале XX века. Особый научный вклад в изучение народной культуры внесли Н.А. Иваницкий, А.А. Шустиков, М.Б. Едемский. Они собирали разные жанры фольклора: песни, сказки, загадки, пословицы, поговорки, поверья, предания, частушки, говор местных жителей, обряды и т.д. не изолированно, а в бытовом контексте, что позволяет воссоздать целостную и многогранную картину культурной истории Вологодского края конца XIX – начала XX века – одного из очагов традиционной культуры России.

Фольклорные произведения Вологодчины вошли в состав широко известных научных изданий. В семитомном собрании «Великорусских народных песен» А.И. Соболевского (СПб, т. I – VII, 1895 – 1902) около 400 песен, собранных вологодскими фольклористами; в сборнике П.В. Шейна «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. (СПб, 1898 г.) примерно такое же количество вологодских песен; в сборнике сказок А.Н. Афанасьева 16 из Вологодской губернии, 48 в сборнике «Великорусских сказок» архива РГО (ПГ, 1917). Вологодский край привлекал многих талантливых фольклористов и этнографов, опубликовавших свои материалы из Вологодской губернии в журналах

«Этнографическое обозрение», «Живая старина», «Русский филологический вестник» (А.В. Марков, Л.Н. Майков). Значительным явлением не только для Вологодского края, но и для всей русской науки явились сборники Б. и Ю. Соколовых «Песни и сказки Белозерского края» (М., 1915), «Великорусские песни в народной гармонизации Е.Э. Линевой» (СПб, 1904), «Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской» Ф.М. Истомина и С.М. Ляпунова (СПб, 1899) и др. Эти книги являются не только художественным документом эпохи, отразившим особенности бытования различных фольклорных жанров в Вологодском крае, но и историческим документом, позволяющим представить жизнь русской деревни конца XIX – начала XX века.

На современном этапе изучения народного творчества Вологодского края продолжают традиции, заложенные предшественниками. По-прежнему наш край – место «паломничества» фольклористов из Москвы и Петербурга, большую собирательскую работу ведут филологический и музыкально-педагогический факультеты Вологодского государственного педагогического университета, Школа традиционной культуры, ее филиалы в районах области.

Представление об угасании и окончательном исчезновении фольклора из фонда национальной народной культуры ошибочно. Под влиянием урбанизации происходит разрушение традиционной культурной среды деревни, основной, как принято считать, хранительницы фольклорных традиций. Бесспорна и переориентация на новые типы культуры. Параллельно с фольклором существует литература, театр, кино, профессиональное искусство, «сжимающее» фольклорное поле культуры. Формируется новый историко-культурный процесс. Какова в нем роль фольклора – актуальная научная задача, стоящая и перед учеными, и перед краеведами-любителями, она не менее актуальна, как и изучение фольклорной классики.

Изучение регионального фольклора, его специфики, бытования, необходимо вести в общерусском контексте.

Понятие о фольклоре и его специфике

Фольклор – международный термин, обозначающий в буквальном переводе «Народную мудрость», «Народную культуру». В научный оборот термин «фольклор» вошел во второй половине XIX века и употреблялся в двух значениях: в широком контексте, включая весь комплекс духовной и материальной культуры народа (устное творчество, музыкальный фольклор, народную хореографию, народное изобразительное, драматическое искусство, прикладное и т.д.); и в узком значении, когда предметом изучения становилась только устная словесность, различные ее жанры: былины, сказки, лирические песни, загадки, пословицы и поговорки, частушки и т.д. Наука, изучающая происхождение фольклора, его историю и эволюцию, систему жанров, их поэтику, носит название «фольклористика».

В русской науке XIX века чаще использовался термин «Устная словесность», «Русская народная словесность».

В XX веке вошли в научный оборот термины «Русское народное творчество», «Русское народное поэтическое творчество», «Русское устное народное творчество». Почти до конца XX века чаще всего предметом изучения был крестьянский и частично рабочий фольклор.

В XXI веке наблюдается тенденция рассмотрения народного творчества в контексте русской народной духовной культуры, а также использование термина «Русский фольклор» в расширенном жанровом и социальном аспектах [1].

Термины, характеризующие содержания понятия «Фольклор», объединяет общий признак – принадлежность всех его родовых, видовых, жанровых разновидностей к «наследственной памяти коллектива» [2:326], которая сохраняет в устной традиции исторически сложившийся опыт предшествующих поколений: обычаи, образы, события, этикет, имена героев и т.д.

Фольклор – бесписьменное творчество. Хранение в памяти и устное воспроизведение – естественная форма его бытования. Устный текст существует в реальной жизни во всем многообразии бытовых связей. **Записанный фольклорный текст**, попав в книгу, становится письменным текстом, приобретая черты текста литературного, и воспринимается как индивидуальный текст информато-

ра. Устная коммуникация предполагает прямую передачу текста, при которой слушатели становятся потенциальными рассказчиками (С – Р; – РС – С; – РС т.п.).

Каждое новое исполнение одного и того же сюжета в устной передаче непредсказуемо и зависит от многих причин: от времени, которым располагает исполнитель-информатор, от состава аудитории (дети, мужчины, женщины), обстановки, мастерства рассказчика, его настроения и т.д. «Сказка может быть короткой и длинной. Ее сложить и разложить можно», – говорил сибирский сказочник Магай (Е.И. Сороковиков).

Один и тот же сюжет в передаче разных информаторов отличается друг от друга, сохраняя «типическую схему», но «оживляется новым настроением», – замечает академик А.Н. Веселовский [3:2], передавая индивидуальную манеру каждого информатора. Каждый новый пересказ – это новый **вариант сюжета**. **Вариативность** – один из признаков фольклора, особая форма проявления индивидуального исполнительского начала. Каждый фольклорный сюжет существует в многочисленных вариантах. Это могут быть разновременные записи того же сюжета в разных регионах, записи, сделанные в XIX и в XX веках. Один и тот же сюжет будет иметь во всех вариантах повторяющийся фрагмент текста, общую схему, стабильную часть – **инвариант** и вариативную. Эту особенность очень точно определил В.Я. Пропп, говоря о сказках, в которых с одной стороны обнаруживается «поразительное многообразие» (индивидуальность информатора), с другой – «поразительное однообразие, ее повторяемость» (**инвариативность**) [4:26]. Это положение распространяется на все фольклорные жанры.

Существуют особые законы варьирования фольклорного текста. На уровне стилистики текста варьирование не влияет на общий замысел, идею произведения. Очень точно эту особенность прокомментировал один из сказочников, Филипп Петрович Господарев в беседе с собирателем: «Тебя зовут Николай, а можно сказать Костя, меня Филипп, а можно назвать по-другому. Есть Иван-царевич, а можно назвать Иван – кузнецкий сын» [5:41].

Варьирование может состоять в **замене отдельных слов**. В лирической песне, например, в одном варианте: «Из лесу, лесу темного выходили два молодчика». В другом варианте певица добавля-

ет характеристику молодчиков: «Два молодчика, два удалые, парни бравые».

Очень часто варьируются географические названия. В балладной песне «Ванька-ключник», в разных ее вариантах, действие происходит в Москве, Питере, Саратове, в «селе Измайлове», «на святой Руси», «на Дмитровской улице», «на горе на горушке», и т.д. – содержание песни от этого не меняется.

В сказках стилистическая вариативность наблюдается на уровне формул: «Вот вам сказка, а мне бубликов связка» (Аф, II, № 29), «Тем сказке конец, а мне водочки корец» (Аф, II, № 287) «Вот тебе сказка, а мне крынка масла». Несмотря на некоторые различия, общий смысл один: намек сказочника на необходимость вознаграждения за рассказ. Приведенные примеры стилистической вариативности не меняют содержания текста.

Существует вариативность на сюжетно-композиционном уровне, возникающая благодаря контаминации (объединению) сюжетов.

Известная сказка «Лисичка-сестричка и волк» (Аф, I, № 1) может состоять из одного сюжета, а может составлять цикл: «Лисица крадет рыбу с воза» + «Волк у проруби», ловит по совету лисы хвостом рыбу, + «Битый небитого везет». В этом случае речь идет о вариативности текстов, составляющих основную массу устной словесности, о фольклоре по происхождению.

Начиная с XVIII века в народный репертуар начинают проникать тексты (чаще всего поэтические) литературного происхождения. Они приживаются в народной среде, сохраняя особенности письменной поэзии: размер, рифму, куплетность, не приобретая специфических признаков устной поэзии, хотя и подвергаются зачастую народному «редактированию», многие из них значительно отличаются от оригинала («Узник» А.С. Пушкина, «Катюша» М. Исаковского и др.). Песни литературного происхождения, утратив авторство, становятся фольклором по бытованию.

Фольклор, как и литература, словесное творчество. В отличие от литературы имеет свою специфику, включающую как внетекстовые признаки – устность, анонимность, коллективность, вариативность, так и внутритекстовые, специфику текста различных жанров, сформировавшуюся в процессе длительного устного бытования. Инвариантно-вариативная природа фольклорных жанров

формирует **стабильно-** (инвариант) и **нестабильный, индивиду-
альный**, вариативный блок.

Э.В. Померанцева отмечает, что информатор не изменяет тради-
ционный сюжет, сохраняет фабулу, но по-своему трактует отдель-
ные мотивы сюжета [6: 19]. **Каждый сюжет существует в много-
численных конкретных воплощениях.** Идеино-образное содер-
жание фольклорного текста реализуется в его языке [7: 24 – 25].

Только при полном учете внетекстовых признаков и художест-
венной структуры текста можно понять, что такое фольклор. «Спе-
цифика состоит в том, **какая действительность в нем отражена,
какими средствами эта действительность изображена, какова
оценка ее, каково отношение к ней и как это отношение выраже-
но**» [8:36]. По сути в этом высказывании В.Я. Проппа определен
порядок анализа фольклорного текста.

Фольклор на разных этапах своего развития теснейшим образом
связан с историей. На каждом новом историческом витке фольклор
перерабатывает и развивает предшествующие традиции, трансфор-
мируя их в соответствии с новыми идеалами. Можно условно выде-
лить несколько стадий в его развитии.

Архаическая стадия. Фольклор восходит ко времени «демифо-
логизации», разрушению связи между действием (ритуал) и словом
(мифом, комментирующим действие, ритуал). С процессом деми-
фологизации связано начало **формирования вымысла.** Архаиче-
ские следы в русском фольклоре сохранились в форме отдельных
мотивов, встречающихся в различных жанрах (мотив выбора невест-
ты за пределами «своего» мира, выполнение трудных задач, борьба
с зооморфными врагами и т.д.) Сюжетный фонд архаического
фольклора в русских источниках не зафиксирован. Фольклор на
этом этапе – единственная форма культурной жизни.

Вторая стадия периодизации – «культурный дуализм». Сохра-
няются реликты мифологических представлений в фольклорных
жанрах. Возникает профессиональная культура (литература, искус-
ство, наука). Фольклор перестает быть единственной формой куль-
турной жизни.

Третья стадия связана с периодом формирования национального
самосознания. Это стадия урбанизации. Профессиональная культу-
ра (книги, СМИ, театр) влияет на устную традицию, сосуществуют
две формы культуры, сужается ареал бытования фольклора, он, в

основном, сохраняется в крестьянской среде, где и сделаны основные записи фольклорных жанров.

Фольклор продолжает бытовать в **локально замкнутых сферах**, происходит процесс затухания традиционных фольклорных жанров. **Классический фольклор живет в контексте современной культуры.** Народное творчество в его современном понимании включает в себя обширную сферу **вторичного фольклоризма**, к которой можно отнести новые массовые праздники, зрелища, в которых возрождаются фольклорные традиции, самодеятельность, связанную с освоением фольклора (постановка на сцене посиделок, свадебных обрядов и т.п.). Происходит соединение городской и крестьянской народной культуры.

Значение мифологии в формировании и развитии словесного искусства, фольклора и литературы велико.

Мифология – это совокупность первичных представлений человека первобытного общества о мироустройстве, закрепленных в мифах и воспринимаемых как реальность. «Главная функция мифа, – отмечает Мирча Элиаде, – заключается, таким образом, в установлении образцовых моделей всех обрядов и всех значимых человеческих деятельностей, таких, как питание, половые отношения, работа, воспитание и т.п.» [9:65]. Мифология диктовала правила поведения, которые закрепились в обрядах, ритуалах, имитирующих деятельность богов во «времена творения» мира. Участники обряда воспринимали его как священный акт, а себя как современников богов, сохраняющих первичный порядок, созданный богами «в начале», «повторяя их поступки, идет ли речь об обычной физиологической функции, такой, как питание, или о деятельности экономической, культурной, военной и т.п.» [10:69]. Таким образом, вечное повторение акта творения подтверждало универсальность, вневременность, вечность мира, обеспечивая гармоничное существование социума.

Фольклор у всех народов мира начинает формироваться в период утраты веры в мифологические представления. Мифы теряют сакральность, мифологические сюжеты, мотивы, образы переходят в фольклор. Происходит, по Мелетинскому, **«деритуализация и десакрализация, ослабление строгой веры в истинность мифологических «событий», развитие сознательной выдумки»** [11:29 - 30], т.е. **вымысла**. Священные (сакральные) события заменяются

бытовыми, герои-боги – обыкновенными людьми, божественные судьбы – индивидуальными. **Архетипы**, мифологические первообразы, не исчезают, переходят в фольклорные жанры, но получают иную **смысловую нагрузку**.

Как отмечает этнограф и культуролог Э.Б. Тайлор, они сохраняются в виде «пережитков». «Это те обряды, обычаи, воззрения и пр., которые, будучи в силу привычки перенесены из одной стадии культуры, которой они были свойственны, в другую, более позднюю, остаются живым свидетельством или памятником прошлого» [12:28].

Архетипические мифологические «пережитки» – модели встречаются в различных жанрах фольклора. Перечислим некоторые сюжетные элементы, мифологические по происхождению, в фольклорных жанрах.

Образ Змея и мотив змеборства, широко представленный в мифологии, составляет основу былин и сказок. Но если в мифах чудовище побеждает герой-бог (Ра побеждает змея Апопа; Мардук – Тиамат и т.д.), в русских былинах («Добрыня и Змей», «Илья-Муромец и Соловей-разбойник», «Алеша Попович и Тугарин-Змеевич» и т.д.) герой-богатырь **бьется не с мифологическим антагонистом**, хотя он и имеет зооморфный облик, но «принимает форму военного врага» [13:122].

В мифологии центральную роль играет **мотив чудесного, божественного рождения героя**.

Чудесное рождение героя свойственно былинам и некоторым типам волшебных сказок. Герой рождается от съеденного волшебного яблока, рыбы, от ветра («Вихорь-вихоревич»), от того, что его мать стала женой животного («Иван-межвежье ушко») и т.п. Этот мотив связан с тотемистическими верованиями первобытного человека, считавшего растения и животных своими предками. В сказке мотив чудесного рождения подчеркивает контраст между внешним обликом или социальной обездоленностью героя с его высокими душевными качествами, которые до определенного времени скрыты. **Мифический герой** должен выполнить божественное назначение, в нем нет **двойственности сказочного героя**.

Чудесные свойства героев мифа, сказки, былины проявляются в необычных внешних качествах: герой растет «не по годам, а по часам», Василий Буслаев кого «за руку возьмет – рука прочь; за ногу

возьмет – нога прочь». «И начал он вязом помахивать: куда махнет – туда улица, перемахнет – переулочек» и т.п.

Героя эпоса отличает неукротимый воинский дух, готовность к подвигам. Мифологический герой получает силу свыше, эпический герой побеждает врага сам или с помощью чудесного помощника. Но это не боги, это животные в сказках, мудрые девы, побратимы в былинах.

Можно выделить еще несколько мифологических истоков и параллелей в фольклорных жанрах.

В сказках мы часто сталкиваемся с эпизодом **путешествия героя в «иное государство», с борьбой за невесту** с хтоническими чудовищами, хранителями подземного мира, стоящими на границе между земным и «иным миром».

Один из основных **мифологических законов – закон тождества**, вытекающий из представлений о единстве духовного и природного, в фольклоре, в сказках, песнях проявляется в формировании сюжетов с **мотивом превращения** (сказка «Царевна-лягушка», «Финист – ясный сокол», песни «Если бы мне крылья», «О дочке-пташке» и др.).

Следы аграрно-продуцирующей магии можно обнаружить в песнях календарного цикла, комментирующих обряд.

От времен праславянского единства (до конца I тыс. н.э.) сохранились следы, «пережитки» поздней праславянской мифологической системы, от периода раннегосударственного образования восточных славян (древнерусская народность) – свидетельства, вошедшие в «Повесть временных лет». Под 980 годом рассказывается о попытке князя Владимира объединить, входившие в состав его княжества, разноплеменные группы, через создание пантеона богов. «...И поставил Кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хороса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами» [14:24]. В 988 году произошло крещение Руси. Язычество, коренившееся в основах народной жизни в обрядово-бытовых формах, соединилось с христианскими ритуалами и праздниками. Язычество и православие существовали параллельно. По остроумному выражению Н.А. Криничной, на смену языческим богам пришли «христианские дублеры». В христианской традиции Перун стал святым Ильей, сохранив свою языческую (мифологиче-

скую) функцию – связь с происхождением грома, грозы, плодородного дождя. В мифологическом сюжете Перун, находящийся на вершине дерева, поражает копьём «таящегося у корней Велеса, держащего воду». В поздней иконографии Илья-пророк поражает своим копьём змеевидного врага.

Велес стал святым Власием, сохранилась его связь со скотом, покровителем которого он являлся.

Получив «христианскую перелицовку» (А.Н. Веселовский), языческие боги вошли в бытовую и фольклорную практику, став персонажами быличек, легенд, преданий. В народном сознании уживались и святые покровители, и языческие персонажи.

«Двоеверное» содержание проявляется в представлениях крестьян о земной жизни святых, Бога, Богородицы. Они живут по образу и подобию земледельцев; в постоянных заботах и труде: «пашенку пашут», «жито засевают», «убирают, перевозят», «считают суслончики частеньки» (Земцовский, 141).

Егор святой ржи пускает,
Микола святой пашню засекает,
Илья святой жито дожинает,
На воз кладет, в снопы вяжет

(Земцовский, 324)

Святой Илья по полю ходит, рожь зажинает, копы считает.
Святой Егорья животину у поля гонит...

(Земцовский, 141)

Иисус Христос у ворот стоит,
Со скотинкою, с животинкою.

(Земцовский, 326)

Непременным персонажем аграрного культа является Мать-сыра земля – сакральная фигура, соотносимая в народном сознании с Богородицей-помощницей:

Мать-сыра земля,
Уроди нам хлеба,
Лошадям овса,
Коровушкам травки. [15:40]

Произошла синкретизация бытовых и христианских представлений. Святые потеряли свой религиозный статус, перестали быть образами настоящих религиозных представлений, приобрели бытовые функции добрых помощников крестьян-земледельцев.

Обычай, обряды, обрядовая поэзия

Образ жизни каждого народа
управляется господствующими
у него обычаями

Геродот [16]

Термин «обычай» и «обряд» часто отождествляются. Однако их следует разграничивать. Обычай – это укоренившиеся в бытовых традициях общественные нормы поведения коллектива и отдельных его членов, повторяемые последующими поколениями. У всех народов мира существуют свои обычаи, характеризующие его ментальность, национальные особенности. Например, прочно утвердились в общественной жизни обычаи гостеприимства, вежливости, взаимопомощи, обычаи профессиональные, семейные и т.п.

Составной частью обычаев являются обряды. Обряд состоит из символических, иллюзорных действий, воспринимаемых его людьми как магию, акт, способный воздействовать на природу, человека, духов для получения желаемого результата. Земледелец, рыбак, охотник (и т.п.) считали, что «символическое воспроизведение желаемого влияет на его осуществление», обеспечивает благополучие, достаток [17:207 – 208]. Можно привести примеры, подтверждающие веру в результат обряда. В засуху, чтобы вызвать дождь, совершали обряд «Мокриды»: женщин толкали в воду или обливали водой, после чего они бежали на свои полоски, выжимали сарафаны: «Где девки (бабы) шли, сарафанами трясли, там рожь густа, рожь ужиниста».

Обычаи и обряды бытуют и в наше время – коллективного и узко семейного характера, различные по тематике: гражданские (демонстрации, митинги), национальные (День независимости), церковные (Рождество, Пасха и др.), профессиональные (День учителя и др.), корпоративные (Посвящение в студенты), семейные (День рождения, свадебные, юбилеи), региональные (День города, День рыбака, поселка) и т.д., связанные как с культурно-хозяйственными, так и культурно-этническими событиями.

Подводя итог вышесказанному, под обычаем будем понимать **«способ человеческой деятельности»** (свадьба, выгон скота, полевые работы и др.), а под обрядом – **«одну из форм реализации обычая»** [18:203].

Обычаи и обряды составляют сложный синкретический комплекс, объединяющий магические действия, ритуальные песни и другие жанры (заговоры, гадания), пляски и пр., что позволило Н.И. Толстому назвать традиционный обряд **«культурным текстом»**, включающим элементы, «принадлежащие разным кодам: акциональному (последовательность ритуальных действий), реальному или предметному (производятся действия с некоторыми обыденными предметами или специально изготовленными ритуальными предметами), вербальному (обряд содержит словесные формулы, приговоры, благопожелания и т.п., сюда же относится терминология и имена), а также персональному (ритуальные действия совершаются определенными исполнителями и могут быть адресованы отдельным лицам или пресонажам), локативному (действия приурочены у ритуально значимым элементам внешнего или внутреннего пространства или вообще пространственно ориентированы – вверх, вниз, вглубь и т.д.), темпоральному (действия, как правило, производятся в определенное время года, суток, до или после какого-либо события семейного или социального и т.п.), музыкальному (в сочетании со словом или независимо), изобразительному (изобразительные символы ритуальных предметов, пищи, одежды, утвари и т.п.) и т.д. [19:167].

В этом обобщающем определении учтены практически все компоненты обрядовых действий как аграрного, так и семейно-бытового циклов.

Обычаи и обряды делятся на два тематических цикла: **календарные**, которые проще всего рассматривать по сезонам (зима, вес-

на, лето, осень), и **семейно-бытовые** (родильно-крестильные, свадебные, бытовые (пожары, эпидемии), рекрутские, похоронные). Оба цикла обрядов пересекаются и взаимно связаны.

Обычаи и обряды календарного цикла

Календарные обычаи и обряды – сложный синкретический комплекс, включающий магические действия, поверья, приметы, развлечения, игры, песни, пляски и др. Аграрные культы и земледельческие обряды сохранили мифологические реликты, наблюдения над природой, христианские представления, рациональный опыт хозяйственной деятельности, накопленный поколениями людей. Следы языческого культа сохранились в названиях праздников (коляда, купала), в почитании солнца, огня, воды, в сезонной цикличности, в повторении символических действий (обрядов), чтобы год был удачным, как предыдущие, в магических актах и т.п.

Календарные обряды в трансформированном виде «дожили» до XX века, приспособиваясь к историческим переменам, но сохранили «тенденцию к консервативности» (С.А. Токарев). Календарные обряды имеют непосредственное отношение к хозяйственной деятельности, к реальным заботам земледельца об урожае.

Ранний земледельческий календарь восточных славян до нашего времени в полном виде не сохранился. Но что он был, свидетельствует древнерусская письменность: упоминания в летописях, поучениях и проповедях священнослужителей, направленных против язычников. Церковь выражала официальную христианскую оценку языческих поверий и обрядов и активно боролась с ними. Наглядное подтверждение находим в одной из летописей. Летописец перечисляет языческих богов и обряды, связанные с языческими праздниками: «Перкунес, си есть **Перун** <...> Второй – **Волос** – бог скотий <...> Третий – **Позвизд** <...> Четвертый – **Ладо** – бог женитьбы, веселия и всякого благополучия <...> Пятый – **Купало** <...> бог обилия, ему же безумныи за обилие благодарение приносят в то время, егда имяте настати жатва. Сему **Купалу**, бесу, еще и донныне память совершают, наченше июня 23 дня, в навечерие **Иоанна Предтечи** <...> С вечера собирается простая чадь обоего полу и соплетают себе венцы из ядомого зелия <...>, возгнетают огонь

<...> и емшеся за руце около обращаются окрест оногю огня, поюще свои песни, переплетающе **Купалом**, потом через оный огонь перескаку, оному бесу жертву себя приносяще. Шестой - **Коляда**, ему же праздник прескверный баше в навечерие Рождества Христова, а поют песни некия, в них же **еще и о Рождестве Христовом** поминают, но болие **Коляду**, беса, величают» [20:49 – 50].

Языческий годовой цикл был ориентирован в основном на космические ритмы. Христианская религия со своими культами и обрядами наложила своеобразный отпечаток, отметив дни земледельческого календаря именами своих святых.

Точкой календарных отсчетов становится для земледельцев месяцеслов (Святцы), фиксирующий дни памяти святого, за которым закреплялись сельско-хозяйственные приметы. «Месяцеслов имеет громадное значение для народности, – отмечает Ф.И. Буслаев. – Возвращая верования ежегодно к одним и тем же физическим явлениям, он поддерживал в народе в течение столетий мифологию природы» [21:55]. О роли месяцеслова в крестьянской жизни, сетуя на неуменье читать, говорил вологодскому собирателю крестьянин Михаил Михайлович Нагишев: «Поучить бы парня-то, хоть в святцах мараковал бы хоть, когда мисец родитсе, когда ущербнёт... праздники в числах на весь год рассчитать, особенно начало и конец Великого Промежговенья (от Рождества до Масленицы, – пояснение собирателя). Кокшеньгский крестьянин, писал М.Б. Едемский, хотел иметь «сведения о состоянии погоды, способах ее угадывания или предсказания» [22:118]. По месяцеслову крестьянин определял сроки сельскохозяйственных работ, виды на урожай.

Одним из древнейших компонентов календарной обрядности являются **приметы**. Наблюдения, накопленные поколениями земледельцев, обобщались в пословичных формулах, запретах, предписаниях, являясь своеобразным крестьянским календарем. Большое место отводилось наблюдениям над небесной сферой: – солнцем, месяцем, звездами. «Если на закате солнце в круге, и круг не разорвалсе – к ведру. Разорвалсе – к дождю». «Если солнце закатилось, да после заря – к вёдру. В облако – так завтра дож(дь). Сделаетце в пасмурную погоду как сметанное облачко – через сутки дож(дь) будёт». «Мисяц в руковицах – на сутках будет снег», «К снегу, к мягкой погоде заезд появится много за сутки». Эти приметы охватывают короткое время, в пределах недели. Предсказания погоды

на более длительный срок связаны с представлениями о взаимосвязи сезонов: какая зима – таким будет лето: «Тепло в Евдокию (1.03/14.03) – лето будет теплое. И обратно»; «В Крещение (6.01/19.01) ясно – зебелъ того году будёт, а как облачно, так того году урожай хороший» [22:127]. «Если на Василия-Капиля (3.02/16.02) таёт – весна скорая». «На Казанскую поспела черника (8.07/21.07) на Ильин день поспеёт рожь (20.07/12.08)».

Крестьянин-земледелец ориентировался не только на месяцеслов, но учитывал и другие приметы. Большая роль в определении прогноза погоды отводилось наблюдениям за поведением животных. На Еремея-Запрягальника (1.05/14.05) нужно пахать, но эти сроки могут не соответствовать природным приметам. «Если пойдёшь сять, чайки заревят – снегу еще нанесёт, отзимок может быть, или так, холодно будет, – нужно воздержаться от полевых работ». На Родиона-Ледолома (8.04/21.04) «ставь соху и паши под овес», что, по-видимому, в какие-то годы и соответствовало календарному предписанию, но крестьянин, учитывая состояние погоды, смотрит, «сколько ниделей вода отстоит подо льдом: 20, 21, 22 и 23 или 24 недилы». Если лед в эти сроки не прошел, будет поздняя весна – «повреждение хлебу» [22:129]. На Зосиму-пчельника (17.04/30.04) «как пчела полетит из улья – отзимка не будет».

В календаре-справочнике содержатся приметы – рекомендации, в какие дни нужно сеять хлеб, сажать овощи, собирать урожай. «На Ивана-пшеничника (8.05/21.05) сей жито и лен», после Виталия (05.04/28.04) не стоит сеять хлеб – «плохое бывает жито»; «На Иова-Горосца (6.05/19.05) горох сеют бабы»; «На Кирилла Белозерского (9.06/22.06) сеют галланку (брюкву, М.В.). Дак хорошая бывает галланка»; На Орину-рассадницу (5.05/18.05) «если наклевала расада (огурцов, М.В.), то сажать ее нужно на Николу (9.05/22/05)». «Мураши с крыльём залетают, дак рожь сей». «Сей овес в грязь, так будет князь». «Никольска неделя для ярового (9.05/22.05), а Преображенская для озимого лучше всегда (6.08/19.08).

Приметы-предсказания, рекомендации, предписания носят эмпирический характер, основанный на реальном опыте, связаны с узловыми точками года, когда закладываются основы материального благополучия крестьянина-земледельца.

С месяцесловом связаны приметы бытового характера, не имеющие прямого отношения к земледельческому календарю: «На Феду-

ла-теплова (5.04/18.04) открывай окна, тепло будет»; в день памяти святого Наума (1.12/13.12), прозванного Грамотником, «устраивают молебен, чтобы дети хорошо учились: «Пророк Наум, наставляй детей на ум». «На Трифона заговаривают мышей, чтобы хлеба не ели» (1.02/14.02).

Большинство святых имеют бытовые прозвища, которые так же являются своеобразными календарными ориентирами, предсказателями погоды: Конон-Градобой (5.05/13.05); Мокий Мокрый (11.05/24.05); Федосья-Колосница (29.05/11.06)

Для земледельца важно было знать, не то, какой будет погода, летом, осенью, а как она будет влиять на урожай, к чему нужно быть готовым.

Среди земледельческих примет следует особо выделить рекомендации-запреты. Мотивировка запретов часто носит случайный и суеверный характер. В день памяти «Усекновения главы Иоанна Крестителя» не рекомендуется брать в руки что-либо круглое, напоминающее голову святого. «В Чистый понедельник за сеном не ездят – все сено вычистит, выберит». «На Семена (1.09/14.09) не продают луку, иначе лук доведется»; «Если в первый день бабьего лета (с 29.08/8.09 – 11.09/21.09) выглянет красивая баба в окно – будет красное лето, а выглянет некрасивая – будет лето мурговато и дождливое, с ветром»; в Благовещенье (24.03/7.04) нельзя выпускать скот, «чтобы кто-нибудь попался встречу – будет несчастливо» (волки, пояснение собирателя, М.В.) [22:129].

Символическое мышление находит выражение в синтаксическом параллелизме, основанном на сближении или противопоставлении понятий по типу «много – много» или «если – то»: «Много снегу – много хлеба»; «Ежели под жолобом сосульки нависли долги, – хлеба будут долги и льны»; «Ежели в Крещенье была бутора, (пурга, М.В.) а 6 июля будет дождь». «Ежели в Крещенье снег, – урожай на грибы» [22:127].

Трудности обработки земли, частые в северных условиях перепады погоды, неурожай, определили особый характер контактов крестьян-земледельцев с природой, святыми, сверхъестественными существами: Банником, Овинником, Домовым, Лешим, Водяным и т.п.

Одним из обрядов, связанных со стремлением расположить к себе святых или мифологических персонажей, были обряды коллек-

тивного типа – ритуальная трапеза. В один из дней, приуроченных ко дню сева, крестьяне Кокшеньги (Тотемский уезд Вологодской губернии) приглашали святых Козьму и Демьяна «кашу хлебать»: «Поидем сиять, денежи намисят: «Кузьма-Демьян, пособи́те поси́ять». Ритуальная трапеза со святыми носит дарственный характер. Приглашение святых «Кашу хлебать» – эквивалент дарообмена: «мы – тебе, ты – нам». Аналогичные контакты устанавливают крестьяне и с демоническими существами. В день памяти святого Дмитрия Солоунского (27.10/8.11) отмечают именины Овинника. Отношение к Овиннику двойственное: почитание и страх. Он – хранитель овина, в котором сушат снопы. Возникают частые пожары, гибнет хлеб. Логика крестьянина проста: беду можно предупредить, задобрив Овинника.

В Кокшеньге Овиннику в дар приносили пироги, иногда кровью петуха кропили овин, а если петуха нет, около овина кукарекали: «Доброго здоровья Овиннику! Кикуреку, Овинная матушка! Сто лет стоять да богату быть!» [22:121].

Этот обряд, дошедший в измененном виде до XX в. (1924 г.), интересен сохранностью мифологического представления о предметности слова. «Кукареканье» (слово) заменяет предмет (петуха), что равнозначно жертвоприношению Овиннику, который должен теперь уберечь овин от пожара, сохранить хлеб.

Словесный и обрядовый тексты составляют идеологическое **единство**.

С календарной обрядностью связаны праздники, регулярность которых соотносится с отправными точками года: зимними и летними солнцеворотом, весенним и летним солнцестоянием.

В отличие от обрядовых календарных дат, которые не всегда могут повторяться в одно и то же время, а зависят от прогноза погоды, дни календарных праздников фиксированы. Обряды могут проводиться индивидуально. Праздники носят коллективный характер. В празднике реализуется «коллективная память». В сюжете праздника воспроизводятся традиционные события, обряды и обычаи, соотносящиеся с определенными датами, функционируют как неотъемлемая часть праздника. Праздник знаменует *конец старого и начало нового, связан с архаическими представлениями об умирающем и воскрешающем божестве, о смерти и жизни как едином процессе*: зима сменяется весной, весна летом и т.д. Оформление

праздников календарного типа зависит от этнических традиций. Праздник противопоставлен будням, помимо трудовой основы, он имеет ярко выраженную эмоциональную составляющую (игры, хороводы, песни и т.п.).

Существует несколько классификаций годовых календарных праздников. Мы рассмотрим зимний, весенне-летний, осенний циклы.

Зимние календарные праздники

Зимний праздничный календарь объединяет как языческие, так и христианские обряды, это период зимнего солнцеворота, совпавший по времени с церковными праздниками Рождества Христова и Крещения (25.12/7.01 – 6.01/19.01); начала Нового года и памяти святого Василия Кесарийского (31.12 – 14.01). Это Святые вечера (Святки, 25/12 – 31.12) и «Страшные вечера» (1.01 – 6.01).

РУССКІЯ СВАТКИ

Смысл праздничных обрядов зимнего цикла заключается в идее возрождения солнца, которое представлялось нашим предкам в очеловеченном образе солнечного бога. «Солнышко-семенушко», «Красное солнышко», – ласково называли светило крестьяне. У русских, как и у других европейских народов, символикой солнца являются кони и колесо. «Дневное светило кони везут в колеснице, <...> а ночью оно плывет в ладье» [23:9]. Переломные моменты солнечного цикла – дни летнего и зимнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия соответствовали представлениям о начале нового периода жизни, о смене времен года.

Христианская религия постепенно вошла в народный быт. Какие-то языческие обряды и культы были вытеснены церковными обрядами, другие оказались включенными в рождественский цикл, существовали параллельно в сознании крестьянина-земледельца, не противоречили, а дополняли друг друга.

Обряд **колядования** – новогодние обходы дворов, и **христовлавления** – обходы дворов с прославлением Христа, сводятся к одной функции: обеспечению покровительства предков, духов умерших, Бога и святых, роль которых выполняли их заместители – колядовщики [24:136 – 138]. Контаминация языческих и христианских верований и обрядов в праздничном цикле соответствует «бытовому двоеверию» восточных славян.

С праздничными днями связано представление об особом разгуле нечистой силы. Это время приходилось на «Святые вечера» (от Рождества до Васильева вечера) и «Страшные вечера» (с ночи под Новый год и до Крещения Господня). Этот период отмечен признаками хаотичности в связи с формированием миропорядка. С.В. Максимов приводит легенду, объясняющую появление в это время бесов, принимающих образ людей – «шулыканов» (Вологодская губерния), делающих всякие гадости. По легенде, Бог на радостях, что родился у него сын, выпустил чертей погулять до Крещения Иисуса Христа, они и придумали всякие грешные игрища, совращая молодежь [25:267]. Помимо нечистой силы в «Страшные вечера» особенно опасны были колдуны, ведьмы, оборотни. Чтобы спастись от нечистой силы, выполняли множество охранительных обрядов: на дверях писали кресты, загоняли скотину в хлев, заговаривали с помощью молитвы, обращались с просьбой о защите к святому Ва-

силию и т.п. В Крещенье завершались святки, устанавливался порядок, восстанавливались нормы повседневного поведения.

Переход от старого года к новому был связан с представлениями о происходящем каждый год в Святки процесс творения мира, уподобляемый в народном сознании изготовлению полотна. Чтобы вмешательство людей не нарушило процесс мироустройства, существовали запреты ткать, шить, прясть. Нарушение запретов могло привести к отрицательным последствиям для всего социума [26:522 – 523].

Праздничные обряды зимнего цикла можно рассматривать как единый «культурный текст», объединенный идеей плодородия и благополучия в хозяйстве и семье: это колядование, гадания, ряженья, в основе которых лежат магические действия, сопровождаемые словами, комментирующими происходящее и приравняемые к действию.

Наиболее архаичным, сохранившимся в трансформированном виде до XX века, является обряд **колядования** – обход дворов с пожеланием благополучия членам семьи. Колядовщики выступали как заместители духов умерших предков, опекающих родственников [27:136 – 138]. Содержание колядских песен-поздравлений не сложно. В гиперболизированной форме содержалось описание благополучия, которое, по законам магии подобия, должно вызвать реальное богатство и достаток.

Пришла Коляда
Накануне Рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку!
А дай Бог тому,
Кто в этом дому,
Ему рожь густа,
Рожь ужиниста:
Ему с колоса осьмина,
Из зерна ему коврига.
Из полужерна – пирог.
Наделил бы вас Господь
И житьем, и бытьем,
И богатством,

И создай вам, Господи,
Еще лучше того!

(Шейн, № 1032)

Заклятье на урожай содержит следующая колядка:

Где коза ходит,
Там жито родит;
Где коза хвостом,
Там жито кустом;
Где коза ногою,
Там жито копною;
Где коза рогом,
Там жито стогом

(Шейн, № 1072)

Колядки могли исполняться как диалог:

«Здравствуй, хозяин с хозяйшкой.
– «Где хозяин с хозяйшкой?»
Из избы отвечали:
– «Уехали в поле пшеничку сеять».
– Дай им бог
Из полна зерна пирог!»

(Шейн, № 1040)

В колядках пожелание достатка рисуется в идеализированной форме, не соответствующей реальной бытовой жизни крестьян.

Крестьянский двор стоит «на семи столбах», вокруг дома «тын серебряный стоит... на каждой тыниночке по жемчужинке»... во тыну стоят «три терема златоверхие». Хозяин в Москве, «суды судит, ряды рядит», возвращается домой с дорогими подарками: «Он жене-то везет кунью шубу, кунью шапочку», сыновьям – «по добру коню», доченькам – «по злату венцу», «своим служенькам по сапоженькам».

(Шейн, №1030)

Магическая семантика идеализированных и гиперболизированных описаний связана с представлениями о благополучии семьи: «Дай вам 90 коров, 90 быков. Они на реку идут, все помыкивают»; «Одонья ржи зерна полны» и т.п.

Обряд колядования заканчивался требованием одаривания – вознаграждения за добрые пожелания, от которых, якобы, зависело благополучие. «Не жалеи, не ломай, весь пирог подавай!». «Дайте коровку, масляну головку!». Следует обратить внимание на императивную форму требований: «дай!», «подавай!» и т.д. Колядовщики считали себя реальными носителями благополучия. Коллектив колядовщиков, получив дары, организовывал общие трапезы.

Колядки могли заключать негативный смысл, если хозяева плохо одаривали или жадничали. В таких случаях им сулили «Сорок кадушек дохлых лягушек, сорок амбаров сухих тараканов», «Чтоб ваши коровы дегтем доили!», «Не дашь лепешки – разобьем окошки!», «Не дашь пирога – мы корову за рога!»

Помимо словесного недоброжелательства устраивались реальные неприятности. Парни забивали трубу сеном и снегом, к дверям приваливали тяжелое, чтобы не открыть двери. Утром хозяйка начинала топить печь, весь дым шел в избу, из которой нельзя было выйти.

В дошедшем до нас виде колядки представляют фрагменты архисюжета, как единый текст в XIX – XX вв. они уже не бытовали. В.И. Чичеров и И.И. Земцовский рассматривают календарные песни как цикл [28] с заклинательными функциями.

Традиционный текст колядного цикла состоит из введения, в котором определяется время обхода дворов («Накануне Рождества»), из вариантов текста, очевидно, что колядовать ходят коллективно: «мы ходили», «мы гуляли», «мы искали» и т.д.; назван возраст колядовщиков: «колядовщички-недоросточки», «малешеньки колядовщечки», недоросточки – красны девушки», «собиралися девицы коляду кричати». Иногда описывается встреча коляды:

Мосточек мостили,
Сукном устилали...
По тому мосточку ехать Овсеню
Да Новому году.

Более поздний вариант: мосточек делается для «трех братьев»:

Первой-то братец – Рождество Христово,
Второй-то братец – Крещение Господне,
Третий-то братец – Василий Кесаринский»
(Земцовский, 54)

Сообщается о поисках «Иванова двора», «Семенова двора», «Петрова двора» и т.д. Следует подробное описание долгих поисков (нашли двор «среди Москвы») и самого дома, его хозяев – это начинается величанье, – содержащее в гиперболизированной форме рассказ о жизненном благополучии семьи, которое по законам имитативной магии (магии подобия) должно было вызвать реальное довольство.

А Иванов двор
Ни близко, ни далеко –
Ни близко, ни далеко –
На семи столбах;
Вокруг этого двора
Тын серебряный стоит;
Вокруг этого тына
Все шелковая трава;
На всякой тынинке
По жемчужинке.
Во этом во тыну
Стоят три терема,
Стоят три терема
Златоверхие

(Земцовский, 56)

Соответственно с магической функцией, которая придавалась слову, в колыдках изображаются идеальные картины быта, образы хозяев дома. Хозяин – в Москве «суды судит», он именуется боярином, купцом, генералом. У хозяина «Золотая борода, да позолоченный усок, позолоченный усок, по рублю-то волосок» (Земцовский, 80). В редких колыдках сохраняются мифологические характеристики хозяев дома, следы тотемистических и космологических

представлений: «Хозяин в доме, что медведь в бору», «Хозяин – светлый месяц», «Хозяйка – красно солнышко, часты звездочки – детушки», «Милы деточки, что звездочки» (Шейн, № 1030, 1031).

Во многих колядках рассказывается о посещении хозяина дома необычными гостями. Величание сочетается с заклятьем на урожай.

Первые гости –
Жаркое солнце.
Другие гости – ясен месячко.
Третьи гости – дробен дождичек
(Земцовский, 106)

от этих гостей требуется взростить и смочить «жито-пшеницу».

Колядует «Пресвятая Мати Мария», «Божьи дары собирала с архангелом Гавриилом, со Иваном Призачётом».

Ты вставай, господин,
Разбужай госпожу,
Хлебом – солью накормлю,
Путь-дорожку укажу! <...>

Сердце радуется,
Перерадуется.
У нашей-то матки'
Телятки-то гладки' <...>

Молоки-то густы,
Сметаны-то желты
(Земцовский, 72)

Несомненно, приведенный пример поздние церковно-христианские привнесения в традиционный текст колядок.

В основную часть колядки входят пожелания. Они разнообразны, но однотипны. В них отчетливо проступают аграрные интересы: чтобы рожь была «колосом густа, соломкой пуста», чтобы в поле было «колосисто, в доме – пирожиисто»; чтобы был богатый удой –

«сметаной бы доили, / А маслом бы цедили» коровы, чтобы были в хозяйстве «сто коров да быков».

Велись бы телятки,
Велись бы ягнятки,
Велись бы жеребятки,
Велись бы поросятки,
Велись бы козлятки,
Велись бы цыплятки,
Велись бы утятки!

(Земцовский, 54)

Символика плодородия переносится и на семью земледельца. Величается идеальная семья. Она живет не только в достатке, но и в полном согласии: муж думает, как семью кормить, «чтоб детей родить, / А им пашню пахать, / Переложки ломать» (осваивать новые пашни. – *М.В.*).

Заключительная часть колядки – требование подарка и угрозы в случае отказа. Ссылаясь на работу Л.Н. Виноградовой, мы уже отмечали, что «колядовщики выступали как заместители духов умерших», «духов-опекунов», и акт одаривания, жертвоприношения, – задобривание предков, от которых ожидалось обеспечение благополучия семьи, зависело от количества розданных даров [29:136]. Колядовщики не просили, а требовали и угрожали в случае отказа или неудовлетворенности подаянием.

Ты подай-ка пирог
С рукавичку широк!
Подавай, не ломай!
Ты начинку не теряй!

(Земцовский, 86)

«Неси, не трясни, давай, не ломай!»
«Дайте коровку (обрядовое печенье. – *М.В.*), масляну головку!»
«Кишку, ножку, / сунь кочерыжкой / в верхнее окошко».
«Не ломай, не гибай / – Весь пирог подавай!» (Шейн, № 1030)

Если подарка не было, следовали угрозы:

На Новый год
Осиновый гроб,
Кол да могилу,
Ободрану кобылу!

(Земцовский, 15)

Во всех просительных формулах в императивной форме высказывается требование вознаграждения из теста: «пирог», «коровка», «блин», «лепешка», «коврига», «калач» и т.п. Обрядовый хлеб даже в словесном варианте выполнял функцию имитативной магии.

Завершалась колядка (концовка) пожеланием в ответом на подарок. Хозяину обещали:

На поле приплод,
На гумне примолот.
Квашни гущина,
На столе спорина,
Сметаны-то толсты,
Коровы-то дойны.
На покути гостьми,
На полу детьми.

[30:20]

Следы культа плодородия отчетливо просматриваются в архаическом обряде «**Кликанья плуги**», – имитирующем пахоту, реальный трудовой процесс. Упоминания об обряде в записях XIX – XX веков, как активно бытующем, не встречается. Он был официально запрещен в 1648 году: «... Да на Рождество Христово и до Богоявлениява дни собираются на игрища сборища бесовские... И мы указали о том учинить на Москве и в городах и в уездах заказ крепкой, чтобы ныне и впредь никакие люди по улицам и по переулкам и на дворах в навечери Рождества Христова и Богоявления **коледь и плуг и усеней** не кликали и песней бесовских не пели» [31:43].

В обряде разыгрывалась сцена ритуальной запашки земли, посева, получение нового урожая.

К культу плодородия восходит и **обряд ряженья**, приуроченный к святочно-новогоднему циклу, в котором использовались маски

животных, занятых в крестьянском хозяйстве: лошадиная голова, коза, петух и др., а так же устрашающие маски демонических персонажей. Помимо специальных масок использовались вывернутые мехом наружу шубы (мех – символ богатства). Самая простая форма ряженья – чернение лица сажей (черный цвет – цвет иного мира, смерти).

НАСТУПАЕТ НОВЫЙ ГОДЪ
СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ СНИМЪ ЗБОТЬ
ВЪ ПОЛНОЧЬ ДВѢЦА ВСТАТЬ
РУКѢ ТРЕТЬЮЮ ВЪСѢТЬ
СЪ СОВОЮ ЗЕРЦАЛО ОНА
СЪ СВѣЧАМИ И ПАДА

НОВЫЙ ГОДЪ
ВЪ НЕМЪ ЖЕЛАЕТЪ УИЩАТЬ
КТО БИ БУДЕТЪ ОБЛАДАТЬ
НЕ ВОЛАСЬ НО ЧУТЬ ГРѢХА
ВМѢТЬ ДОНЕЧЬ ДЕНЮХА
ИМЕ ДУМАТЬ О ТОМЪ
ЧТО СМѢЛАТЬ СЪ ДЕНЮХОМЪ
ПРЕЖДЕ СРОКА И ЧАСА

ЗАПРЕЖАЮЩЕ ИДЕСА
ЖЕНКА СЕБѢ ДАДА
ЧТО ОН ВЪНУТРИ СЪ ВЪНУ
ЭТО ПРИЖИЖИ СЪ МЕРГЕЦО
НО ОСТАЮЩЕ СЪ ТАКИМЪ
И ВЪНУТРИ СЪ ТАКИМЪ

Древний смысл обряда ряженья имел глубокий смысл, связанный с верой в **перевоплощение**, некое «инобытие», отторжение от собственной личности.

В святочно-новогодний период широко бытовали **гадания**. Их назначение – узнать, что ждет в жизненно-важных ситуациях коллектив, семью, каждого члена семьи.

В отличие от примет, которые основаны на получении информации, положительной или негативной, из конкретных наблюдений, коллективного опыта, поведения животных и т.п., гадания устанавливают аналогию, внутреннюю связь между разнородными явлениями, не имеющими прямой связи.

Различают гадания двух типов: гадания, привязанные к народному календарю, связанные с желанием предсказать, каким будет урожай. В этом случае субъектом гадания является семья. Каждый член семьи может гадать и о своей личной судьбе – это второй тип гаданий, сохранившейся лучше гаданий первого типа.

Общий смысл всех гаданий один и тот же: предугадать будущее, быть готовым к любым ситуациям.

Структура гадания двухчленная: действие и словесное комментирование, пояснение сути обряда или описания действия, совершаемого гадальщиками. Гадательные формулы могут иметь ритмическую организацию, рифму: «Кольцо, кольцо, покажи мне милого лицо», или: «Пояс, пояс, покажи мне милого поезд». В записях чаще встречаются прозаические варианты, рассказ, что нужно делать, какой ожидать результат: «В святки на ростани выходили с вениками. Каждая девица разметала путь жониху к своему дому. А одна девка без веника пришла. Так в девках и осталась. Жоних дорогу не нашел» (Архив автора. Кокшеньга).

Новогодние и святочные гадания происходят, по народным представлениям, «на переломе» времени. Оно как бы останавливается, чтобы начать новый круг. Время это считается опасным, оживает нечистая сила, покойники-предки. С просьбой приоткрыть будущее гадальщики обращаются чаще к «нечистой силе»: «Черти, черти, не утаите, мне милого покажите!» Гадают о личной судьбе в полночь, в бане, в овине, в поле; снимают пояс, крест, распускают волосы. Чаще в литературе описаны подблюдные девичьи гадания. Тематика подблюдных гаданий однотипна: о судьбе, замужестве, достатке. Процедура подблюдных гаданий подробно описана В.А. Жуковским в балладе «Светлана» и А.С. Пушкиным в романе «Евгений Онегин».

Из блюда, полного водою,
Выходят кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
«Там мужички-то все богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем – тому добро и слава!
Но сулит утраты

Сей песни жалобный напев;
Милей кошурка сердцу дев!»

(А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», гл. V, строфа VII)

А.С. Пушкин не случайно замечает, что это подблюдная припевка «сулит утраты». Известно, что символика серебра, жемчуга означает слезы. Мужики «гребут» – погребают. Гаданье предрекает смерть, а не богатство. Пушкин приводит и «кошурку», милую «сердцу дев», т.к. она предсказывает свадьбу:

**Зовет кот кошурку
В печурку спать.**

Это подблюдная песня была записана поэтом в Псковской губернии, в селе Михайловском.

В Тульской губернии аналогичная припевка означала, как подтверждает П.В. Шейн, – богатство.

За рекой мужики живут богатые,
Гребут **жемчуг** лопатами.
Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется

(Шейн, № 1105)

Идет **смерть** по улице,
Несет **блин** на блюде.
Кому кольцо вынется, тому сбудется
Скоро сбудется, не минуется

(Шейн, № 1136)

– означает смерть. Блин – поминальная пища.

В гаданьях широко использовалась символика животных – «зоологический код». В народных представлениях ворона принадлежит к «иному» миру, это «нечистая» птица. Подблюдная припевка:

Села **ворона** на матицу,
Каркнула, **ворона** на всю избу.
Кому кольцо вынется, тому сбудется,
Скоро сбудется, не минуется
(Шейн, № 1106)

– означает несчастье дому.

Припевка:

Мышь по полу бежит,
Каравай в дом тащит.
Кому вынется, тому сбудется,
Не минуется

– предвещает достаток, богатство.

Самая популярная тема в девичьих гаданиях – замужество:

Сидит **воробушек** на колушке,
Смотрит воробушек на чужу сторону.
Кому кольцо вынется, тому сбудется,
Скоро сбудется, не минуется
(Шейн, № 1142)

Долгое девичество предвещает следующая подблюдная песня:

На загнетке сижу,
Долги нитки вяжу.
Еще посижу,
Еще повяжу.
Кому кольцо вынется, тому сбудется.
Скоро сбудется, не минуется
(Шейн, № 1137)

В большинстве случаев новогодние гадания превратились со временем в развлечение, в игру.

Используемые в ходе гадания предметы выступали в роли магических посредников между человеком и потусторонним миром, в котором известна судьба каждого. Все бытовые предметы обретали вторичное значение: зерно – урожай; коровой – достаток; полотенце – дорога; и т.д.

Гаданья чаще всего проводились в местах, удаленных от жилого пространства, на пограничье «своего» и «чужого» миров: на перекрестках дорог (на крестах), в бане, на кладбище, в лесу, в овине, на реке и т.п. Время гадания – полночь, полдень – было временем наивысшей активности темных сил.

Поведение гадающих отличалось от обычного, повседневного: снимали пояс, нательный крест, распускали волосы и т.д. Во время гаданий необходимо было соблюдать запреты: не разговаривать, не смеяться, не оглядываться и т.д. В целях безопасности нужно вовремя «прервать связь» с «иным миром»; перекреститься, накинуть на зеркало платок, зачураться (чур меня!). Невыполнение запретов может привести к смерти: «Гадала одна девка в бане. Все сделала как надо: поставила два зеркала, одно перед собой, другое за спиной, зажгла свечи, разболочлась. Утром нашли ее мертвой. Умерла со страху, видно, круг не очертила» (Архив автора. Кокшеньга).

В канун Нового года проводились гадания на урожай. Они носили как семейный, так и коллективный характер. На Рождество гадали об урожае по вытащенному наугад из снопа колоску: если много в колоске зерен – урожай будет хороший; после новогодней трапезы под столом искали зерно. Если находили – ожидали хорошего урожая и богатства. В канун Нового года пекли каравай, который на ночь оставляли под иконами в красном углу. Наутро проверяли, потерял каравай вес или нет. Если не потерял, ожидали хорошего урожая, хлеб съедали всей семьей; если вес хлеба уменьшился – ожидали неурожая, хлеб скармливали скоту [32:113].

Представление о смене времен года в народном календаре соответствует мифологической схеме перехода от хаоса (беспорядка) к космосу (порядку, Миру). Рубеж старого и нового года, переход от зимы к весне, смена календарных сезонов считается кризисным временем. Негативными характеристиками наделяются февральские дни, из-за краткости месяца. Февраль был последним месяцем года. «Краткость самого месяца получает в хрононимах метафорическое истолкование с неизменно отрицательными значениями», – отмеча-

ет Т.А. Агапкина, исследующая славянский народный календарь. – Появляются многочисленные поверья о злобредности и опасности самого дня и святого, памяти которого он посвящен, <...> такие же негативные характеристики навязываются любому персонажу, имеющему отношение к этому дню или празднику» [33:33 – 34].

Крестьяне Кокшеньги (Вологодская губерния), считали, что в день «Касьяна немилостивого» (29.02/13.03) не надо «три года начинать ничего важного: сеять, жать... <...> Касьян как зглянёт – хорошо – дак хорошо, а худо – дак худо. На лес зглянёт – три года лес валитце, на хлеб – плохо родитце три года. На народ зглянёт – народ помирает три года <...>, редкий день покойника нет» [22:128]. Касьян скупой, завистливый, злой, «на что не взглянет – все вянет».

Народные поверья идут в разрез с реальной биографией Святого Касьяна, **канонизированного** церковью.

По крестьянскому календарю новый год начинался с 1-го марта, начала пробуждения природы, подготовки к полевым работам. Основная тема ранневесеннего календаря реализуется в образах старого, уходящего, и нового, нарождающегося года. В сезонном обряде

перехода, по мнению Арнольда ван Геннепа, соединялись мотивы смерти, ожидания и возрождения [34:161 – 166]. У русских это **Масленица**, у европейских народов – карнавал. Масленица – переходный праздник, приходится на вторую неделю февраля, начало марта, отмечается за 56 дней до Пасхи, вобравший в себя языческие и христианские верования. Название «Масленица», как указывал А.Н. Афанасьев, позднее, оно «заменяло забытое имя древней богини» [35:1, 556]. Антропоморфное божество олицетворяло «промежуточный период» между зимой и весной. Календарный рубеж перехода от зимы к весне и лету, от старого года – к новому маркировался оценочными характеристиками Масленицы.

При встрече Масленицы преобладают эмоционально-экспрессивные характеристики персонажа: «Годовая, гостенька дорогая», «Веселая», «Счастливая», «Широкая», «Голубочка: «Сударыня», «Авдотья Изотьевна» и т.д.

Наша Масленица годовая!
Она гостейка дорогая!
Она пешею к нам не ходит,
Все на коможах разъезжает

(Земцовский, 243 – 244)

«Портрет» Масленицы соответствует бытовым крестьянским представлениям о женской красоте: она рослая, дородная, набеленная, нарумяненная:

Дорогая наша гостья Масленица,
Авдотьюшка Изотьевна!
Дуня белая, Дуня румяная,
Коса длинная, триаршинная,
Лента алая, двуполтинная,
Платочек беленький, новомодненький,
Брови черные, наведенные,
Шуба синяя, лапки красные,
Лапти частые, головастые,
Портянки белые, набеленные!

(Земцовский, 244)

МАСЛЯНИЦА.

Величание Масленицы в начале праздника связано с культом плодородия. Представление о возможности земли плодоносить выражалось в образе физически здоровой женщины, символизирующей землю. Женщина была «моделью», «по аналогии с которой осознавались природные связи» [36:68 – 69]. Женщина способна рожать, земля – плодоносить.

Образ Масленицы амбивалентен. Если в начале праздника это молодая женщина, олицетворяет начало года и связанные с ним ожидания, в конце она старуха, блиноедка, обманщица, канадуха, полизуха, плутовка, кривошейка, «блинов напекла, сама все пожрала!» Глумление над Масленицей проявляется в атрибутах масленичного поезда (старые розвальни, покрытая рогожей лошадь – кляча, коровьи колокольчики над дугой и т.п.), в одежде Масленицы (старая, рваная) и возницы (вывернутая наизнанку шуба). Все это вызывает смех, шутовское действо символизирует веселые проводы старого года.

Образ Масленицы амбивалентен. Если в начале праздника это молодая женщина, олицетворяет начало года и связанные с ним ожидания, в конце она старуха, блиноедка, обманщица, канадуха, полизуха, плутовка, кривошейка, «блинов напекла, сама все пожрала!» Глумление над Масленицей проявляется в атрибутах масленичного поезда (старые розвальни, покрытая рогожей лошадь – кляча, коровьи колокольчики над дугой и т.п.), в одежде Масленицы (старая, рваная) и возницы (вывернутая наизнанку шуба). Все это вызывает смех, шутовское действо символизирует веселые проводы старого года.

Масленица – аграрный праздник, особенность которого в сочетании зимней и весенней обрядности. Это сложный комплекс, со-

стоящий из разных по происхождению обрядовых элементов, в большей степени языческих. Влияние церкви сказалось в запрете употреблять мясную пищу, и в последний день, перед Великим постом, просить друг у друга прощения, посещать кладбище, «прощаться» с умершими родственниками.

Масленичная неделя отличалась антиповедением, нарушением обычных бытовых правил, причем все это делалось в шутовском пародийном плане. Поощрялось сквернословие, действия, носившие эротическую окраску, оголение «срамных» частей тела» [37:457].

Подобные действия выполняли степенные, уважаемые в деревне люди. Пародировался очистительный обряд – мытье в бане. Все это делалось ради смеха, «чтобы посмешить православный народ» <...> Выступать в такой роли эти люди могли лишь потому, что за ними стояла давняя традиция <...>, и участие в обряде не унижало, а даже возвышало» [38:31].

Особое значение во время празднования Масленицы приписывалось еде. Культивируемое обжорство – следы магии подобия, моделировало образ будущей сытой жизни:

Мы Масленицу устречали,
Мы сыр с масельцем починали,
Мы блинами гору устилали,
Сверху масельцем поливали

(Земцовский, 241)

Следует обратить внимание на набор продуктов: сыр, масло, блины – знаки имитативной магии, усиливающие основанную на прямой аналогии символику достатка, сытой жизни.

В контексте обряда еда («Масленичное чревоугодие») утрачивала бытовую функцию – насыщение, обретая новые, сакральные свойства, являясь объединительным символом, поскольку во все дни недели люди ходили друг к другу в гости. В этом плане особый интерес представляют названия масленичных дней: понедельник – встреча; вторник – заигрыши; среда – лакомка; четверг – перелом, широкий четверг; пятница – тещины вечерки; суббота – золовкины посиделки; воскресенье – проводы Масленицы, «прощеный день».

Формы ритуального поведения участников масленичных обрядов определялось магическими действиями, подчеркивающими двойственный характер Масленицы. Концепция календарного перехода, как отмечалось выше, реализовалась в форме умирания – возрождения, превращение смерти Масленицы «в новое рождение» (В.Я. Пропп).

В последний день проводилось в разных губерниях России прощание с Масленицей в виде похорон чучела или ритуального уничтожения – сожжения на костре. Проводы Масленицы превращались в веселые шествия пародийного характера. Подробно описывает проводы П.В. Шейн [Великорус. – С. 333]:

«В прощенное воскресенье, т.е. в последний день масляницы, после обеда соберутся девки и бабы и совершают обряд ее похорон следующим образом: делают из соломы куклу с руками, надевают на нее бабью рубашку и сарафан, а на голову завязывают платок. В таком виде кукла эта изображает собою масляницу. Затем одну бабу наряжают попом, наденут на нее рогожу вместо ризы и в руки дадут ей навязанный на веревке осметок – вместо кадила. Двое из участвующих в обряде берут масляницу под руки и в сопровождении толпы, под предводительством «попа» пускаются в путь из одного конца деревни в другой, при пении различных песен. Когда же процессия выступает в обратный путь, то масляницу сажают на палки вместо носилок, накрывши ее пеленкой. Дошедши до конца деревни, процессия останавливается. Тут куклу-масляницу раздевают, разорвут и растреплют всю. Во время шествия с масляницей «поп», размахивая кадилом, кричит «аллилуя», а за ним кричит, шумит вся толпа, – кто во что горазд: кто плачет, кто воет, кто хохочет, и т.д. А когда масляницу хоронят, то поют песни. В заключение нужно заметить, что куклу-масляницу делают во многих домах на деревне, а хоронят только одну».

При проводах Масленицы было принято ее ругать за то, что она быстро прошла, называли грязной, рваной старухой, выкрикивали непристойности, уничтожая, таким образом, злое, враждебное человеку.

На Севере было принято «жечь Масленицу». Это было ядро праздника. Ритуальные костры – остаток архаических отголосков солярного культа. Костры разжигались за пределами деревни, на возвышенных местах, иногда на озимом поле. В центре костра по-

мещали шест, на котором укрепляли колесо, изображающее солнечный диск. Многие действия с огнем принадлежат к комплексу магии плодородия, желания добиться успеха в хозяйственной деятельности, увеличения плодоносящей силы Земли. Оставшуюся золу разносили по полям. В Кадниковском уезде Вологодской губернии костер собирали в течение всей недели на реке Кубене, снося всякий ненужный хлам, полагая, что огонь и очищает, и уничтожает всякое зло (А. Шустиков).

Проводы Масленицы, сжигание Масленицы воспринимались как похороны старого года. Символический смысл имеет сжигание на масленичном костре соломы, одного из символов плодородия. Сжигая, ее возвращали земле, чтобы она снова принесла зерно. Из соломы делалось и чучело Масленицы. Молодежь перепрыгивала через огонь, валялась около костров, пели песни, проклинали Масленицу-обманщицу:

Масленица-обмануха!
Обманула, провела,
До Поста довела,
Все ежи (еда, М.В.) взяла,
Дала редьки хвост
На Великий пост!

(Земцовский, 264)

Масленица загорела,
Всему миру надоела,
Обманула, провела,
Блинов напекла,
Сама все пожрала.
А нам редьки хвост
Дала на пост!
Весело гуляла,
Песни играла,
Протянула до поста, –
Гори, сатана!

(Земцовский, 265)

Масленицу закапывали:

«Лежи, Масленица, до налетья,
Пока придет добрая слетья!
А на лето мы раскопаем,
И обратно ее раскатаем!»

(Земцовский, 22)

Обряд уничтожения антропоморфного персонажа, смерть, является условием возрождения – отзвуком культа умирающего и возрождающего бога растительного мира.

Обряд проводов Масленицы поэтически воспроизведен в пьесе-сказке А.Н. Островского «Снегурочка» и в одноименной опере Н.А. Римского-Корсакова.

Весенне-летние календарные праздники

В весенне-летней обрядности В.И. Чичеров выделяет три периода. **Первый** приходится на Великий пост и завершается пасхальной и фоминой неделей. Основная его тема – пробуждение земли, подготовка к полевым работам, закликание весны.

Второй период начинается после Красной горки, включая Троицкую неделю.

Третий охватывает время от Троицы до «макушки лета» – Петрова дня (29.06/7.07).

Затем следует осенний цикл обрядов, завершающих календарный год [39:228 – 236].

Лейтмотивом масленичных обрядов было ожидание весны. Существует ряд примет. По церковному календарю первые признаки весны наблюдаются в начале марта – Евдокия Плющиха (1.03/14.03). «Какова Евдокия, таково и лето», «Тепло в Евдокию, и лето будет теплое», «Ежели под жолобом сосульки нависли доуги – хлеба будут доуги и льны» [22:128] – примечают крестьяне Кокшеньги. На Благовещенье (24.03/7.04) «жаворонки прилетают, а другие – после, гуси – за неделю до Николы» [22:129]. В марте пекут обрядовое печенье – «жаворонки», стимулируя прилет птиц. Магический смысл обрядового печенья очевиден, это часть ритуала

закликания весны. Взрослые и дети с жаворонками выходили в поле; «кричанье жаворонок» проводилось на высоких местах, на крышах амбаров, конюшен, сараях, подбрасывали «жаворонок» вверх, сопровождая пением веснянок:

Жаворонок, жаворонок!
На тебе зиму,
А нам лето!
На тебе сани,
А нам телегу!

(Земцовский, 276)

Жавороночки,
Прилетайте к нам!
Принесите нам
Теплу летушку!

Весна-красна!
На чем пришла?
На кнутику, на хомутику,
На сохе, бороне...

(Земцовский, 277)

Прилет птиц был первым признаком наступающей весны. Крестьяне верили, что на зиму птицы улетают в «вирей», заморье, а возвращаясь на землю, залетают к Богу, просят у него ключи:

Маленькая пташка
Высоко летала,
Да у Бога пытала:
«Отдай, Боже, ключи,
Зимушку заперти,
Летичко отперти

(Земцовский, 280)

Подобные обращения звучали в императивном тоне, требуя: «приди!», «принеси!», «отомкни!», «замкни!» и т.д.

Галушка-ключница!
Вылети с заморья,
Вынеси ключа золотые,
Замкни зиму холодную,
Отомкни лето!
Лето теплое.

(Земцовский, 284)

Под влиянием христианства в обрядовых песнях-заклинаниях крестьяне обращаются к Богу, Богородице, но смысл заклинаний не меняется:

Сама мати Пречистая
На улицу выходила,
На улицу выходила,
Ключи выносила
Да зиму замыкала,
А лето отмыкала.

(Земцовский, 284)

Приспособление христианских святых к аграрной магии не меняло смысл обряда.

В украинских обрядовых текстах сохранился образ святых – помощников крестьянина:

Сам милый Господь воликов гонит,
Пречистая дева источки носит,
А святой Петро за плугом ходит.

(Соколов Ю.М. Русский фольклор. – С. 146)

Большое место в календарных обрядах отводится домашним животным. Они ждут весны, как люди:

Коровки ревут – на волю хотят,
Лошадки идут – они травки ждут,
Свинки хрючат – корешков хотят,
Шелковой травки, ключевой воды.

(Земцовский, 279)

Уменьшительно-ласкательное обращение к домашней скотине, забота о ней как о домочадцах, прикрепление обрядов к календарным срокам, к церковным датам, приобщение животных к миру человека – свидетельство органической связи в сознании крестьянина-земледельца единства двух миров – мира человека и животного мира. В подтверждение можно привести обряд из Кокшеньги (Вологодская губерния). В Чистый четверг (последняя неделя Великого поста) хозяйка пекла четыре каравай, два скармливала скоту, два съедали сами. Обрядовое кормление скота, совместная трапеза – часть сохранившегося арханческого скотоводческого обряда, подчеркивающая принадлежность скота к семье. Интерес представляет и другой обычай. Вечером, когда скотина возвращалась с пастбища, хозяйка залезала на крышу, в трубу печную спрашивала у стоящего у печки хозяина, перечисляя по именам и степени значимости в хозяйстве весь скот: «Дома ли кони? Коровы? Овцы? Свины? – из избы отвечали: «Дома весь скот!» [22:138].

Здесь проявляется чувство органической семейной связи. Благополучие семьи ставилось в прямую зависимость от домашней скотины в том числе. Не случайно в одном из обращений звучит просьба:

Дай, Бог, здоровья:
Первос – коровье,
Второе – овечье,
Третье – человечье.

Увеличение скота составляло особую заботу. В Кокшеньге ходили на муравьище, приносили муравьев в сарай и произносили заговор: «Царь Муравей, Цяриця Муравьиця! Об цем тебе покорюсь и помолюсь: как у тибя мужицки ведутца на муравьищелке, дак бы и у миня велась скотина в доме!» [22:138].

Ко дню святого Егория вешнего (23.04/6.05) был приурочен **обряд первого выгона скота**, состоящий из акциональных и вербальных действий с участием хозяев скота и пастуха. Внутри этого цикла можно выделить несколько «мини» обрядов.

1. С Егория до Покрова или первого снега, скотина большую часть времени проводила не в «своем», а в «чужом» пространстве – в лесу, поле, за пределами деревни. И временные (23.04/6.05 –

1.10/14.10), и пространственные границы (деревня – поле – лес), маркированы ритуально-магическими действиями коллективного типа, в которых ярко выражена семантика **огораживания** и объединения стада в одно целое. Большая часть ритуалов относилась к защите пастбища и скота от лешего и его «стада»: от зверей, от полевых духов, от порчи и болезней.

2. В деревне или на пастбище совершались обряды, направленные на благополучный исход пастьбы. Коллективному обряду предшествовали обряды индивидуальные, проводимые в каждом доме. Скот кормили специальным обрядовым хлебом. «Отрезают с хвостов и с хребта шерсть, зарывают в навоз», произносят «наказ»: «Эта шерсть лежит с хвостиком [в]месте, так бы наши коровушки все лето ходили на пастьбе [в]месте, не расставались» [22:130].

Защитные действия приписывались поясу и замку. Хозяйка обвязывала себя поясом, а перед выгоном скота расстилала пояс в воротах, а над воротами ставилась икона святого Егория. Считали, что пояс заставит скотину держаться своего двора, оградит от потери скотины (Кокшеньга).

Предметом-оберегом считалось яйцо пасхальное, которое клали в ручей, чтобы оно не обсыхало, «иначе корова будет плохо доиться» [40:165 – 166]; яйцом гладили скотину по хребту, чтобы она была гладкой, тельной; считали, что яйцо охранит скотину от «зверя лютого».

Функцию охраны выполнял замок, который должен замкнуть пасть медведю и волку.

Пастбища (лес, поле, луга) считались владением леших, колдунов, поляниц – демонических персонажей. Стремилась задобрить нечистую силу, оставляли на пастбище хлеб, яйца, иногда водку и деньги (Архангельская губ.).

Хозяева скотины, обходя пастбища, обращались с просьбой к хозяевам «чужого» пространства:

Царь полевой, царица полевая,
Царь лесной, царица лесная,
Царь водяной, царица водяная,
Все чурочки, все палочки,
Берегите мою скотинку

От взгляду, от злых людей,
От диких зверей и от всех прочих!
(Земцовский, 328)

Обходя поля, просили и святого Егорня спасти скотинку «от зверя хищного, от медведя лютого <...> Волку, медведю, старому зверю, лисице и зайцу – пень да колода, на раменье дорога!» (Земцовский, 313 – 317).

Обращение к святому Егорию с просьбой сохранить скотину в некоторых регионах России (Костромская губ.) получил название «окликания Егория»:

Мы ранешенько вставали,
Белы лица умывали,
Круг поля ходили,
Кресты ставили,
Егория окликали.
(Земцовский, 313)

В Кадниковском уезде Вологодской губернии Егория окликали пастухи: «Я вокруг поля ходил, Егория окликал: «Егорий ты мой храбрый, ты спаси мою скотинку в поле и за полем, под светлым месяцем и под красным солнышком, от волка хищного, от медведя лютого, от зверя лукавого» [40:38].

3. В XX веке животноводческие обряды еще сохранились, но «окликанье Егория» превратилось в игру, в обход дворов, подобно колядованию, с пожеланием и просьбой угощения. Обход совершали дети, подростки. В гиперболических формах высказывалось пожелание благополучия, чтобы в хозяйстве было «двести коров, полтора ста быков», чтобы «телоньки – телились, свинки – поросились, курочки неслись, чтобы молодушки плодились». «Окликальщиков» одаривали: «Богу на свечку, ребяткам по яечку». Если хозяева жадничали, звучали угрозы:

Кто не даст яйца,
Всю скотину со двора,
Под медведюшка!
(Земцовский, 314, 316)

4. В Егорьевских обрядах, связанных со скотоводческой тематикой, просматриваются следы архаической пастушьей культуры – связь пастуха с потусторонним миром. Предполагалось, что сверхъестественные способности пастухов, колдовские свойства передаются из поколения в поколение. Считалось, что пастух находится в особых отношениях с Лешим, мелкими бесами, чертенятами, с другими персонажами нечистой силы в облике лесных зверей. Чтобы заручиться поддержкой лешего, пастух заключает с ним договор, в котором указано, что запрещено пастуху делать, пока он пасет скот. Нельзя: стричь волосы, брить бороду, ходить босиком, есть ягоды в лесу, особенно черные, ругать или бить скотину, переходить границу, не разорять муравейников, не отгонять комаров и мух и т.п. Если скот пасется в поле, пастух договаривается также с «полевым хозяином» и с «полевой хозяйкой».

Важную роль в обереге скота играл «Отпуск» – специальный заговор, который произносил пастух, обходя стадо с замком и ключом, с хлебом, солью, яйцом, топором, свечой, иконой святого Егория. Всем этим предметам приписывалась магическая защитно-охранительная сила. Необходимыми атрибутами пастуха являются кнут и рожок, в который, якобы, заключена особая сила.

Структура «отпусков» однотипна. Начинается «отпуск» с обращения к святому Егорию с просьбой сохранить скотину на все лето. (Мотив «окликаний» Егория). Затем перечисляются напасти, которые подстерегают скотину, заканчивается «отпуск» опять просьбой спасти скотину «в поле и за полем», «во зеленом дубровье», «в лесу и за лесом». После произнесения «отпуска» пастух бросал замок с ключом в лес, а «отпуск» закапывал в укромном месте до конца выпаса скота. Запреты, обозначенные в договоре с лешим, также входят в «отпуск». В качестве примера привожу фрагмент «отпуска» (Каргопольский район, Архангельской области).

«Я раб Божий, помолюсь вышнему творцу самому Господу Богу и Саваофу Небесному Царю Иисусу Христу и пресвятой Богородице и всем его святым отцам <...> И всем Небесным силам дабы крепки великую крепость от земли до небеси около моего скота крестьянского живота коровьего разношерстного и разнокопытного на сохранение и на сбережение и на соблюдение от всякого зверя <...>. Замыкайте тридевятью замками и тридевятью ключами и отнесите золотые ключи в небесный рай во пречистые руце самому

Господу Богу Саваофу и возьмите Истинной Христос золотые ключи и положите в нетленную ризу по праву пазуху. Ныне и присно 1 во веки веков Аминь. Конец.

«Отпуск» давать на свичку, разрезанную на три части.
Один конец в воду, где вода не высыхает,
Другой в муравейник,
А третий у себя только в байну не носить поганому
Не ходить руки не давать <...> под замок не ходить»

[42:120 – 124].

В «окликаниях» Егория и в «отпусках» переплетаются дохристианские и христианские мотивы. Святые и демонические существа, и те, и другие выступали в качестве покровителей, а крестьянин в одних случаях обращался за помощью к святому покровителю, в других – к демоническому персонажу. Влияние церкви на скотоводческий обряд сказалось лишь в день Флора и Лавра, прозванных «конными пастырями» (18.08/31.08), когда животных кропили «святой» водой и служили «конский молебен».

На Русском Севре весна поздняя, поэтому в Егорьевских обрядах преобладала животноводческая тема. В центральных и южных районах в Егорьевские дни начинали звучать аграрные мотивы, просьбы к святому Егорию «выпустить росу <...> на буйное жито, на ядристое, на колосистое» [43:174]. А.Н. Афанасьев считал, что образ Егория заменил бога плодородия и весны Ярилу, а весенний праздник Ярилы «перешел в чествования Юрьева дня» и совпадал с периодом удаления летнего солнца на зиму [44:441 – 442]. В.К. Соколова предполагает, что песни, сопровождающие егорьевские обряды, возникли на позднем этапе, сохранив заговорно-заклинательные магические формулы «отпусков» и «окликаний» [45:179].

Как у нас в году три праздника:
Первый праздник – Семик честной,
Другой праздник – Троицын день.
А третий праздник – Купальница.

Второй период весенне-летних обрядов был приурочен к Благовещенью, Великому четвергу, к Пасхе, к Фоминой неделе («Красной горке»), Троицкой неделе – «Зеленым святкам». Обряды этого периода немногочисленны. Семик и Троица (Пятидесятница) – два главных праздника народного календаря, в основе которых лежит культ растительности, культ умирающего и воскрешающего божества.

Церковный пасхальный обряд вытеснил языческие земледельческие обряды, заменив их церковной обрядностью: поклонение «Страстям Христовым», вынос «плащеницы», празднование воскресения Христа, крестный ход вокруг церкви, освещение пасхи, куличей, яиц и др.; слившись с архаическими пережитками земледельческого культа – идеей воскресающего божества. В пасхальные дни поминают умерших предков. Обряд поминания содержит как языческие, так и христианские мотивы.

В течение пасхальной недели выполнялись церковные обряды. Священники обходили дома прихожан, служили молебны; параллельно с поздравлением хозяев по домам ходили «волочebники» (на юго-западе России). В волочebных песнях объединены две темы: величания праздничков «веселых, богомольных». «Первый праздник – Святой Велик день, / Другой праздник – Юрий-Егорья, / Третий праздник – Святой Никола» (Земцовский, 326); вторая тема – пожелание благополучия крестьянскому двору: «Хозяинушка наш батюшка! <...> На твоём дворе три радости: / Первая радость – коровка телилася, / Друга радость – овечка ягнилася, / Третья радость – кобыла жеребилася...» «Живи здорово, живи богато!» (Земцовский, 322, 323). Волочebные песни по содержанию и структуре напоминают обходы дворов, заканчиваются просьбой угощения: «Не вели томить, прикажи дарить!» или шуточной угрозой: «Кто не даст конца пирога – мы корову за рога...» и т.п.

В пасхальные недели проводился семицкий обряд ритуального поминовения предков. Он варьировался, но содержание его было однотипным: ходили на кладбище поздравлять покойников с пасхой, приносили на могилы близких яйца, калачи, кутью – «покойникам на еду», просили у них совета, рассказывали о своих бедах и радостях. Обряд поминовения был всенародным. В XIX веке он носил семейный характер: «Мы имеем, – пишет В.Я. Пропп, – по видимому, обветшалые и поблекшие формы некогда весьма разви-

того культа предков». В подтверждение своей мысли он цитирует фрагмент из Стоглава: «В Троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробам с великим причитаньем. И егда начнут играть скоморохи, и гудцы и перегудники, они же от плача переставшее, начнут скакати и плясати и в долони бити и песни сатанинские пети; на тех же жальниках обманщики и мошенники» [46:24]. Подобное поведение не было кощунственным для язычников. В системе мифологических представлений переход в «иной» мир являлся продолжением жизни. Весной, когда возрождается природа, умерший родич воскресает, его дух общается с живыми, помогает в хозяйстве. После слезного причитания веселятся, радуясь встрече. Первоначальный магический смысл был забыт. Церковь приспособила языческий обряд к христианской идее – просьбе к покойным родителям о прощении грехов.

Одним из древних видов поминовения усопших, как считает Д.К. Зеленин, является представление о душе умершего как о птице. С целью заботы о душе на могилах и перекрестках дорог рассыпают зерно [47:357]. В Троицу обметали могилы «пучками цветов – глаза у родителей прочищали» [48:234].

До конца XIX века сохранялся языческий обычай не закапывать в землю умерших неестественной смертью, «заложных покойников», стремясь избежать осквернения и «гнева земли». Заложные покойники считались нечистой силой, способной насылать разные бедствия – засухи, заморозки, неурожаи. Боясь мести умерших неестественной смертью, предпринимали меры профилактического характера: их трупы относили за границы села, в глухие места, которые считались «нечистыми», забивали в тело осиновый кол; если же хоронили в земле, связывали ноги, чтобы они не ходили, делали гроб из осины, подрезали сухожилия, сыпали на могилу угли и т.п. В Семик устраивали поминки, заменяющие похороны. Под давлением церкви в XVII – XVIII веках «заложных покойников» хоронили в общих могилах с молебном и отпеванием. Позднее их хоронили за пределами общественных кладбищ [49:353 – 354].

В Семик и Троицу разыгрывается комплекс обрядово-символических действий, связанных с культом растительности. В состав обряда у русского населения входило украшение зеленью домов, улиц, церквей, что должно было обеспечить урожай, доста-

ток, здоровье, предохранить от всяких бед. Основные обрядовые действия происходили вокруг культового дерева русских – березы, которая покрывалась зеленью раньше других деревьев. Главными исполнителями обряда были девушки, они ходили заламывать березу. Средоточием силы дерева считали верхушки и ветки, которые пригибали к земле, полагая, что таким образом плодоносящая сила дерева перейдет к земле. Из веток делали кольцо – завивали березку, заплетали ветки в венок, украшали цветами, пели песни – просьбы, высказывая пожелания урожая «На годы добрые, на жито густое, на ячмень колосистый, на овес ресистый, на гречиху черную, на капусту белую» (Шейн, 1887, № 178). Устраивалась совместная трапеза девушек – одна из форм общественных связей по половозрастному принципу – подтверждение единства девичьего коллекти-

Сеница

ва, его сплочения через совместную еду; после коллективной трапезы (яичница, драчены) и «кормления» (дарения) глазуньей березы, начинался обряд **кумления**.

Девушки вставали парами вокруг венка, завитого на березе, целовались через венок, одаривали друг друга, клялись в дружбе, скрепляя кумовство, посестримство песней:

Покумимся, кума, покумимся;
Полюбимся, кума, полюбимся,
Чтобы век нам с тобой не браниться
(Шейн, № 1244)

Следующая часть обряда – «развивание» березки. По заплетенным на березе венкам девицы гадали о своей судьбе: если ветки засохли, то девушка выйдет замуж или умрет, а если нет – то еще останется в невестах:

На мне венок
Не сохнет, не вянет,
По мне дружок
Не тужит, не плачет
(Земцовский, 374)

Гадали и по венкам, брошенным в воду:

Пойду на Дунай на реку,
Стану на крутом берегу,
Брошу венок на воду,
Отойду подале, погляжу:
Тонет ли, не тонет ли
Венок мой на воде?
Мой веночек потонул,
Меня милой вспомянул...
(Земцовский, 378)

Завершался обряд уничтожением дерева. Березу рубили или сжигали, ходили с ней в поле и бросали ее там.

Обряд варьировался, но суть его была одна. Более поздним вариантом обряда является торжественное внесение березки в деревню. П.В. Шейн описывает вариант обряда (Шейн, 1898, с. 344). Украшенную березку девицы обносят вокруг деревни, потом устанавливают ее на одной из улиц, начинают водить хороводы. К девушкам присоединяются парни. Хороводные песни объединяют аграрную и брачную тематику по принципу параллелизма: густая листва на березе – густая рожь в поле; настала пора жать – «буйное коло-

сье суколены ломит» – девкам пора замуж – «не могу ходити, русских кос носить» (Земцовский, 380).

ИЛЬЯ.

<p>Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья!</p>	<p>Радя жито в трави Бода жито в трави Бода жито в трави Бода жито в трави Бода жито в трави</p>	<p>Моя молодость не жито Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья! Ах, Илья!</p>	<p>Радя жито в трави Бода жито в трави Бода жито в трави Бода жито в трави Бода жито в трави</p>
--	--	--	--

В Вознесенье, сорокой день после Пасхи, совершался обход полей – «хождение в жито». Христианский праздник соединился с аграрным. Христос и святые в этот день, по народным представлениям, «ходили по житу, смотрели жито, способствуя росту хлебов: «Святой Илья по межам ходил, / По межам ходил, / Житушко родил» (Земцовский, 397); «Пошел Христос на небеса, потащил житушко за волоса», т.е. стимулировал рост хлеба. «В нашем жите / Сам Бог ходит, / Сам Бог ходит, / Жито родит» (Земцовский, 461).

Обрядовой пищей во время «хождения в жито» были хлеб, яйца и особое печенье – «лесенки», «лесницы», «лестнички», символизирующие лестницу, по которой в Вознесенье Христос поднимался на небо [50:408 – 412]. «Лестнички» приносили в поле, ставили в хлеба, молились, помогая святым и Христу вернуться на небо, благодаря за помощь, потом «лесенки» ломали, крошили и разбрасывали по полю или съедали.

Большое значение в аграрной магии придавалось хождению в жито молодежи, особенно девушек и молодых женщин. Роль жен-

ского начала соотносилась с представлениями о женской природе земли. Девушки и молодки находились в состоянии перехода к материнству, браку, рождению детей, что соответствовало началу расцвета природных сил, созреванию хлебов. «Пик» женской зрелости должен был стимулировать рост посевов.

На поле устраивалась коллективная трапеза – складчина / братчина, стряпали в поле яичницу, варили кашу, бросали вверх ложки, приговаривая: «Родись, рожь, чиста и высока», «Ядро с ведро, колос с бревно», «Уродись, лен, такой-то здоровой!» [51:174], бросали вверх яйца, катались или кувыркались по земле, передавая ей свою силу. Возвращаясь с поля, пели:

Мы со поля идем,
Мы со чистого.
Нагляделися жита густого.
Жита густого,
Колосистого,
Колосистого.
Ядренистого!

(Земцовский, 397)

Ритуально-мифологический смысл усматривается в распространенном в Вологодской губернии обряде катанья по полю (по земле) с целью помочь земле вырастить (родить) хороший урожай. Можно выделить различные формы помощи земле.

Довольно редкий случай обращения крестьян к тотему – медведю (Архив автора, Вологодская область, Грязовецкий район, 1960 г.). В начале лета крестьяне готовили для медведя гороховую кашу или кисель и несли ее в малинник, куда приходил лакомиться ягодами медведь, после чего шли в поле, там ели гороховую кашу, и катались по земле, считая, что на время превратились в медведей и передали земле так нужную ей в период созревания хлебов силу медведя – тотема [52].

Церковное влияние можно видеть в участии священников в аграрных обрядах, в «поднимании Богов на зелена». В пасхальную неделю по просьбе крестьян священник служил молебен с водосвятием об урожае, обходя с иконами село и поле. По окончании молебна просили священника или дьякона покататься по земле или по

полю, а если они не соглашались, катали насильно, приговаривая: «Уродись сноп, толстый как поп»; варианты: «Каков понок, таков и ленок», «Уродись, лен, долог, как у дьякона волос» и т.д.

Ритуально-магический смысл обрядов контакта и подобия, «участия священников в аграрных обрядах, – замечает Т.А. Агапкина, – обусловлен их высоким сакральным статусом, могущим благотворно повлиять на производительность земли» [53:410 – 411]. Священники рассматривались в качестве посредников, медиаторов, замещающих Бога и святых.

Хождения святых по земле с целью помощи крестьянам в летний период были известны в Кокшеньге. М.Б. Едемский записал в 1924 году несколько легендарных сюжетов, связанных с сезонными календарными датами. Святые Савватий и Зосима, Никола Милостивый, Алексей, человек божий воспринимались как помощники. В их честь устраивались пивные праздники, варилось «мирское пиво». В коллективной братчине / складчине принимали участие «все крещеные». М.Б. Едемский приводит со слов крестьянина М.М. Начишева поучительный рассказ о том, что может случиться, если непочтительно отнестись к святым помощникам. Крестьяне соседнего Верховажского уезда плохо встретили святого Алексея – человека божия, и вот что из этого вышло: «Олекей-от Божий человек, на /плите приплываў в Верховажье/, дак ево отпехнули. Вот он и сказаў: «Ну, живите, – говорит, – не серо, не бело!» – Так и живут. Не могут хорошо совсем зажить» [22:122].

С календарными обрядами конца весны-начала лета сохранился в центральных и южных районах России **обряд проводов русалок**. Русальная неделя в северных районах практически не зафиксирована. Образ русалок генетически восходит к водяным женским божествам, связан с культом воды, молением о дожде, необходимом в период созревания хлебов [54:220 – 221]. Русалку-чучело из соломы, несли в поле, разбрасывали и сжигали, что свидетельствует об аграрных истоках обряда.

Конец июня в народном земледельческом календаре отмечен тремя языческими и христианскими праздниками: **Аграфены Купальницы** (23.06/6.07) – Святой Агриппины; **Ивана Купалы** (24.06/7.07) – рождения Святого Иоанна Крестителя; **Петра и Павла** (29.06/12.07) – день памяти апостолов Петра и Павла. Аграрный языческий календарь, соединившись с христианским, сохранил ма-

гические действия профилактического и продуцирующего характера. Это время летнего солнцестояния, «макушка лета», самая короткая ночь и самый длинный день; солнце находится в зените, созревают хлеба, цветут травы – пик календарного весенне-летнего цикла. Купальские обряды на территории России бытуют неравномерно. Уже в XIX веке собиратели отмечали, что некогда единый цикл, объединяющий культы Солнца (огня), воды, растений, бытует в разрозненном, трансформированном виде. В отдельных регионах хорошо сохранились обряды, связанные с почитанием Солнца. Образ Солнца русские крестьяне воспринимали через призму языческой и христианской символики. Солярными знаками у славян были огонь, костер, колесо, круг, крест в круге, конь, золото.

В народных вышивках солнце изображалось в виде всадника и всадницы с лучами на голове [55:167].

Как у светлого месяца
Часты были звездочки,
Как у красного солнышка
Золоты были лучицы

(Шейн, № 1621)

Солнце олицетворялось в образе мужчины или женщины: «мой батько – ясен месяц, ... моя матка – красное солнце» (Земцовский, 489), «Схожо красно ты совнышко, да мой кормилец ты, батюшко», – причитает невеста из Кокшеньги [56:92]. Солнце имеет много функций магического порядка. Оно очищает, охраняет от злых сил, имеет целительные свойства. Невеста, готовясь к свадьбе, не случайно вышивает на «шитой-браной» рубашечке солярные символы, способные защитить ее в чужом доме, «на чужедальной сторонуще»:

Во первой раз вышивала
Красно солнце с моревами,
Со теплыми облаками;
Во второй раз вышивала
Светел месяц со лучами,
Со частыми со звездами...

[57:32]

Ритуальным элементом солярного культа был обычай зажигать в Купальскую ночь костры. По дыму от костра определяли виды на урожай; через костер прогоняли скотину, предохраняя ее от мора; к костру подносили больных детей, одежду больных, надеясь на очистительную и целительную силу огня; через костер прыгали одиночками и парами; молодые люди, парень и девушка, перепрыгивая через огонь, верили в счастливую семейную жизнь. Молодежь около костров водила хороводы, совершая круговые движения по солнцу, слева направо.

С культом солнца в народной традиции связаны мотивы календарного перелома, приходящегося на троицко-купальские дни и нашедшие отражения в поверьях об «игре солнца»: оно движется, выплывает, погружается, купается, меняет цвет, делает круги по небу, радуется на Пасху Воскресению Христову. Белозерская крестьянка (д. Ильина Гора, Курахтанова М.Д.) рассказывала, что с подружками они ходили «встречать солнце», видели его игру, задумывали желанья, а потом «ходили кругом, посолонь» (Архив автора, 1963 г., Белозерск).

Солнце связано с хтоническим миром: вечером оно уходит «в другой свет»; «погружается в море», а утром встает – сюжет, широко представленный в восточной мифологии (Египет. Путешествие Ра по древнему небу и ночная борьба с хтоническим существом, змеем Апопом). Хтоническая символика входит в купальскую обрядность в образе ведьм и всякой нечестии. Существуют запреты и предписания, как уберечься от нечистой силы. Рекомендовалось не выпускать в поле лошадей, чтобы их не забрали ведьмы, которые в Иванову ночь ездят на шабаш, на Лысую гору [58:524], ставить на ворота сретенскую свечу, перед хлевом втыкать осиновые ветки, в щели положить полынь, крапиву. Ведьмы принимают облик змеи:

Закликуха-змея коров закликает,
Заползуха-змея заломы ломает,
Веретейка-змея зажим зажимает.

Спасенье от ведьмы-змеи – «огонь высокой», – «В том огню жгли три змеи» (Земцовский, 463).

Вы катитесь, ведьмы,
За мхи, за болоты,
За гнилые колоды,
Где люди не бают,
Собаки не лают,
Куры не поют,
Вам там и место!

(Земцовский, 463)

Первобытный человек не вычленил себя из мира природы. Культ огня и воды в Купальской обрядности отражал архаические представления восточных славян, сопровождаемые магическими действиями, восстанавливающими утраченные или ослабленные связи с миром природы. В день Аграфены Купальницы (23.06/6.07) снимался запрет на купанье. Считали, что вода в эти дни обладает особой целительной силой. По народным поверьям в конце Иванова дня, на заре, в водах купалось солнце. В обряде ритуального купания, которое рекомендовалось всем, следует видеть очистительные действия, магию контакта, стремление поддержать и упрочить связи с природным миром, сохранить здоровье, защитить себя и домашних животных от болезней. Христианская церковь связывает очистительные свойства воды с символикой крещения, возвращения человека к исходной чистоте.

На Русском Севере вода используется в лечебных профилактических обрядах. Реки, озера выступали как персонифицированные персонажи, к ним обращались с просьбами-заклинаниями очистить от всего злого:

Вага-река, ключевая вода,
Текешь, протекаешь,
Ручьи пробиваешь,
Рвешь пеня, кореня.
Ташить дробь да камень,
Так и смой, собери все испуги,
Переполохи с рабы Божией (имя).

[59:62] (Архангельская обл., 1987)

В обряде ритуального купания, совершаемого в Иванов день, проявляется дуализм свойств воды: она приносит здоровье, но от нее можно ждать и беды: «От воды жди беды», «Где вода, там и беда» – предупреждают народные наблюдения, запечатленные в пословицах. В воде, по народным поверьям, обитает нечистая сила. Рекомендуется обратиться с просьбой к водяному, перед купаньем:

Царь водяной, Царица-водяница:
Дайте водицы не для хитрости,
Не для мудрости,
[А] смыть, сполоскать
Все призоры, оговоры, испуги, переполохи
С раба [Божия] (имя).
[59:70] (Архангельская обл., 1987)

Большая роль в купальские дни отводилась культу растительности. Переходное состояние природы, способность ее ежегодного обновления и оживления, переносилось на мир людей. Веткам зелени, цветам, травам приписывались магические функции. Мотивы обрядового употребления зелени различны, но во всех вариантах ее использования просматривается идея умирающего и воскресающего божества. Хтонический мотив «умирание / воскресение» реализуется в ритуалах «проводов-похорон» различных персонажей: березы (утопление, сжигание), Весны, Масленицы, Костромы, кукушки – природных символов.

Символом купальских праздников считается цветок Иван-да-Марья, с ним связано много поверий, поводом для которых служит его цветовая гамма – лепестки желтого и синего цвета. Чаще встречается сюжет, объясняющий двуцветность через мотив инцеста (кровосмешательства) [60:196]. Брат и сестра в наказание за любовную связь превратились в цветок.

Синий и желтый цвет осмысляются и как знаки солнца и воды. В этом толковании цветок Иван-да-Марья символизирует «священный брак» Солнца и Воды. Второй вариант сюжета, встречающийся в купальских песнях, позволяет считать Ивана и Марию мужем и женой.

Марья Ивана, Марья Ивана
В жито звала!
«И пойдем-ка, Иван,
В наше жито!
В нашем жите
Сам Бог ходит!
Сам Бог ходит,
Жито родит!
.....
Ядро с ведро,
Колос с бревно!».

(Земцовский, 461)

В другой песне так же идет речь о семейных заботах Ивана и Марьи:

Иван Марью кличет:
«Ходи, Марья, домой!
Неси, Марья, ключи!
Замкнем ведьме зубы!
Которая ведьма,
Коров закликает,
Коров закликает,
Молоко собирает».

(Земцовский, 462)

Как Иван и Марья
На горе у них купальня.
На горе купальня,
Под горой у них кулига

(сладкое блюдо из муки – *М.В.*)

Как у той кулиги яры пчелы брояли
Они мед собирали.

(Земцовский, 471)

В текстах песен развивается семейная тема. Иван и Марья – муж и жена, их заботят бытовые проблемы: урожай, спасение от ведьм, достаток. Мотив инцеста претерпел трансформацию. В поэтическом контексте и интерпретации Иван и Марья персонажи бытового, а не космического уровня.

В период созревания урожая возрастает обрядовая роль молодежи. На семантическом уровне она имеет прямое отношение к сфере плодоносящего и воспроизводящего свойства. Эротические мотивы и обряды плодородия занимают значительное место в купальском цикле. Эротический фон составляет имитация брачных отношений: сватовство, игры с оттенком флирта, песни с ярко выраженной любовной тематикой. Эротический подтекст передается через любовно-брачную символику. Молодец-жених – селезень ищет невесту-утицу: «А что же я, матушка, не женат хожу? – А ты женись, женись, / Мое дитячко...» «Догони, селезень, утку, / Догони, молодой, утку. / Пойдем, утушка, домой. / Пойдем, серая, домой» (Шейн, № 402).

Типична для хороводных песен тема гуляний молодежи, выбор невест. Добрый молодец «ходит-гуляет вдоль по хороводу», выбирает невесту, соблюдая родовое местничество: сначала «дорогого тестя», затем «дорогую тещу», перечисляет всех родственников, а под конец называет «алую розочку» – невесту. Мажорный тон песен передает ощущение полноты жизненных сил, гармонию человека с цветущей природой: «Выходили красны девицы / С хороводами на

улицу», «Уж как звали молодца, / Позывали молодца / На игрища поглядеть!», «У нас на травке, / У нас на муравке / Тут ходит, гуляет / Молодой молодчик», / «Выносил молодчик / Звончатые гусли, / Гусельки играют, / Девочек вызывают», «Тут девки кружки вели, / Разлапушки танцевали» (Шейн, №№ 402, 414, 366, 370, 396). Эротические мотивы в купальских обрядах и песнях содержат магию подобия, воображаемое воздействие на урожай, плодovitость скота, предполагая, что половая потенция молодежи призвана повлиять на производительную силу земли [61:91 – 92].

Ритуально-игровое поведение молодежи повторяло в хороводах трудовые процессы: подготовку земли под пашню, прополку огорода, уборку урожая и т.п. Ярким примером может служить хороводная песня «Уж я сеяла, сеяла ленок» (Шейн, № 388), в которой в игровой форме изображается весь процесс от посева льна до получения ткани: лен сеют, полют, он растет, его дергают, расстилают, сушат, мнут, треплют, чешут, прядут, ткут, шьют одежду.

Вера в магическую силу общения полов в натуралистических формах не практиковалось, но передавалось через символы поспевающего урожая, в которых обостренно звучала тема объединения природной и человеческой жизнедеятельности [62:103]: «Хмель на тычине, на самой вершине», капуста «коченистая, ядренистая», лен «высокий, волокнистый».

В поле пшеница
Колосом махала:
Перестой стояла,
«Девки-молодухи,
Выходит, жните,
Не могу стояти,
Колосом махати.
Буйное колосье
Суколены ломит».

Маничка младая
Просилася замуж:
«Батюшка, мой родной,
Отдай меня замуж!

Не могу ходити,
Русых кос носити».

(Земцовский, 380)

Стремление к счастливой жизни в любви и согласии передается через растительную символику. Молодежь гуляет на зеленом лугу, где растет «трава шелковая», цветут «цветы лазоревые», девицы «алые цветы сорывали, веночки заплетали».

Обрядовая роль молодежи в период колошения хлебов отличалась «игровым оформлением трудовых процессов» [63:172 – 173].

Далеко не все звенья купальского обрядового комплекса сохранились во всех регионах, но собирание трав отмечается повсеместно. В день Аграфены Купальницы, – сообщает Н.А. Иваницкий, в Вологодской губернии «ходят вечером в лес и рвут травы, приносят домой, ввязывают в веники, и приговаривают:

Приехала Купаленка
На семьдесят тележеньках,
Привезла нам Купаленка
Добра и здоровья,
Богатства и почестей.

[64:127]

В Кокшеньге М.Б. Едемский записал со слов информаторов перечень купальских трав для лечения человека и скотины. На «Ивана Купала рвут траву купальскую и другую. Трава для лечения. Купальницей моются в бане накануне Иванова дня». Ядовитые свойства купальницы (лютик едкий. – М.В.) помогают отогнать нечистую силу, веником из купальницы парятся в бане, моют зимой коров, закрывают квашню и подойник после отела коров [РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1, ед. хр. 99, 101].

Карпогоническими (оплодотворяющими) свойствами наделяют женщины *Кокшеньги пырей*, «на котором вырастают шишки зеленого цвета». П.С. Вячеславова советует настаивать шишки пырея в «пиве живучем» и пить. «[Я] семь годов не носила (не рожала, М.Б. Едемский), а вот теперь беременна», а если настоять «в живучем пиве» белый клевер, (сообщает она же) «у которого цветы направлены кверху, тогда будешь носить (рожать) парней, а не девок»

(РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1, ед. хр. 99, л. 6, об.). В начале XX века (1924 г.) рациональные расчеты в ожидании рождения ребенка не играли такой роли, как в XIX веке, когда земельный надел получали только представители мужского пола, в крестьянском сознании сохранились традиционные представления – «девка – отрезанный ломоть», – возникшие на базе старого общинного быта.

«Травка – изгон – для мытья головы от болезни». *Елочки* (мытник болотный, М.Б. Едемский), полевой хмель, тоже пьют от головной боли. Хоробрец-трава – ей моют скот, когда ноги болят (РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1, ед. хр. 101). Как видно из перечня лечебных свойств растений, они несут реальную информацию целительного и профилактического свойства.

Центральный сюжет Купальской ночи – *поверье о цветке папоротника*, известный всем славянским народам. В средневековых «Травниках» он назывался «Черная папороть»: «Есть трава, черная папороть, растет в лесах, около болот, в мокрых местах, в лугах, ростом в аршин и выше стебель <...>, а шишка треугольная, а цвет в ней, что серебро – ночью видно его, хоть в какую писаную ночь» [65:529 – 530]. Согласно народным поверьям, цветок папоротника обладает чудесными свойствами: открывает клады, дает обладателю цветка необычные способности: понимать язык птиц, животных, предсказывать будущее, эзшищает от всех бед и напастей, открывает «дороги и пропуски» в любые места, города, страны. «Папертник – статейница цветет на Иванов день в полночь. Когда петухи поют, дак не покажутся, а не поют, дак покажутся, от всяких болей. Ходить воровать, дак не увидать, если иметь цветок один. Милует Иван Великий» (Кокшеньга, 1924. РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1., ед. хр. 99, л. 6, об.).

Общим местом всех поверий о цветке папоротника является «числовой текст»: (В.Н. Топоров) – полночь, 12 часов. Выбор времени – решающий момент в поверьях о добывании чудодейственного цветка. Полночь – разрыв границы между «Этим» и «тем» миром, пик наивысшего могущества природы, время разгула хтонических сил. Желаящий получить цветок папоротника попадает в сакральное пространство и время, поскольку в границах освещенного мира папоротник не цветет. Попадая в сакральное пространство, человек отделяется от обычной жизни, снимает крест, выполняет переходный ритуал, вступает в царство хаоса, но в то же время,

преодолевая хаос, защищает себя, очерчивает круг огарком васьлевской свечи, который, по народным поверьям, обладает защитными свойствами. Зажигался огарок особым образом в канун Нового года, в день памяти Василия Кесарийского, угольями из печки от лучины [66:45 – 46]. Таким образом формировалось в мире хаоса защищенное космическое пространство, произносились молитвы. Однако все попытки человека добыть цветок заканчивались неудачей. Основной мотив, связующий все поверья о цветке папоротника, – мысль о призрачности богатства, добываемого с помощью нечистой силы [76:549 – 550]. Развернутых сюжетов поверья о цветке папоротника в устном бытовании нет, но из отдельных мотивов можно реконструировать сюжетную схему поверья. 1. Папоротник расцветает в полночь на Иванов день. 2. Местонахождение папоротника за пределами жилого пространства. 3. Перечисление охранительных действий по прибытию на место. 4. Перечень ожидаемых результатов от владения цветком папоротника. 5. Объяснения, почему не удалось добыть цветок: крик петуха, который разгоняет нечистую силу, а цветок исчезает, что-то сделано не так.

Н.В. Гоголь в повести «Вечер накануне Ивана Купала» в основу сюжета положил украинские народные поверья об Иване Купале.

Одним из центральных моментов купальских обрядов в некоторых районах России было сжигание колеса. А.М. Горький описывает, как обернутое смоляной паклей колесо зажигали и с горы скатывали на Ярилино поле к Оке. Считалось, если зажженное колесо докатилось до реки – лето будет солнечным, огненное колесо было жертвой богу Яриле [68:316 – 317]. Ярило – сезонный символ, покровитель земледелия, двойник Купалы, Обряды, связанные с Купалой – Ярилой известны в Поволжье. Чучело Ярилы – Купалы хоронили, провожая весну. Там, где не праздновали Купалу, отмечали Ярилин день. Можно согласиться с В.К. Соколовой, которая считает, что Купала – название более позднее, появившееся у восточных славян со времени празднования церковью дня Иоанна Крестителя. Там, где из-за поста это праздник не привился, отмечали Ярилин день [69:252].

Перед Петровым днем в некоторых областях России отмечали похороны Костромы, обряд, сходный с похоронами Масленицы. Кострома – антропоморфное чучело, выступающее чаще в женском облике. «Костромушку наряжали, / Девки весну провожали» (Зем-

цовский, 448). Делали соломенное чучело, нарядно его одевали. Сначала, как и Масленицу, Кострому величали, называли «белой, румяной», «белой лебедушкой», «развеселой, гульливой», приглашали в гости:

Кострома, Кострома, / Государыня моя!
У нас есть для тебя
И кисель, и вода,
Пироги с творогом,
Каша масляная,
Брага сыченая!

(Земцовский, 452)

Все заканчивалось веселыми похоронами: бросанием чучела в воду, погребением в поле, купанием участников похорон:

Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,
Развеселая была,

Ты гульливая была!
А теперь, Кострома,
Ты во гроб легла!

(Земцовский, 449)

Похороны Костромы различны, но, суммируя общерусские варианты, можно выявить повторяющиеся эпизоды, которые позволяют реконструировать ритуал: встреча Костромы, величание, угощение, известие о болезни, смерть, причитания, призывы «встать из гробочка», перечисление этапов «болезни» и «умирания»: Кострому тянут хоронить, она воскресает.

Тенденция от смерти к воскрешению отличает весенне-летние символы от великопостных, олицетворяющих старость и подлежащих уничтожению.

Петров день (Петра – Павла, 29.06/12.07) – «макушка лета», «С Петрова дня – красное лето, зеленый покос»; сенокосная пора. Этот день включает ряд обрядов и поверий троицко-семицкого и купальского циклов: купанье в реках, костры, «заклинание ведьм», качанье на качелях, молодежные гулянья, коллективные трапезы и т.п. «Женское лето до Петра, с Петрова дня – страдная пора», «Плясала бы баба, да макушка лета настала», – напоминают народные пословицы. В канун Петрова дня, как утверждают народные поверья, «солнце играет». «Караулить солнце» выходили с едой, устраивали коллективную трапезу. В петровское заговенье в Белозерском крае молодежь ходила «прощаться с весной». «К вечеру, на закате солнца, вся молодежь со цветами и песнями отправляются сначала вдоль деревни, а потом кругом ее и, наконец, идет к крайней границе деревенского поля. Здесь, как только будет скрываться солнце, все становятся в круг на колени и в один раз кланяются в землю, восклицая: «Прощай, весна красная, прощай! Ворочайся скорее опять!» [70:404].

Завершает календарные формы молодежного досуга весенне-летнего периода **качанье на качелях** (качулях). Оно проводилось в разные сроки, от Пасхи до Троицы. В Вологодской губернии (Кадниковский, Тотемский уезды) качели сооружались на заговенье, на петровский пост. Это было одно из любимых молодежных развлечений, в котором просматриваются любовно-брачные мотивы. Про-

воды весны соотносятся прощанием с девичеством. В «качальных» припевках выражаются прямые намеки на брак:

На горе стоят качели,
Пойду покачаюсь.
Ныне лето отгуляла,
Зимой повенчаюсь.
.....
Сначала покачаешься,
Потом повенчаешься.

[71:233 – 234]

По мнению А. ван Геннепа, качание на качелях – обряд переходного типа, «от одного этапа жизни к другому» [72:168 – 169].

Игровая символика качелей восходит к древним формам свободного брачного выбора, утратившим в XIX – XX вв. магическое содержание.

Осенний календарный цикл изучен менее обстоятельно, чем предыдущие, зимний и весенне-летний. Осенние обряды начинаются с жатвы. Это самое горячее время для крестьянина-земледельца. Не случайно оно называется «страдой». В зависимости от сроков вызревания урожая жатвенный сезон начинается в разное время. Чаще всего жатва приходится на Ильин день (20.07/2.08). «На Ильин день поспевают рожь» (Вологодская губерния). Комплексного описания жатвенного обряда не сохранилось. Его можно частично реконструировать по отдельным фольклорно-этнографическим фрагментам. Выделяются три обрядовых цикла: начало жатвы – «зажинки», процедура жатвы, окончание – «дожинки», – выполняемые в поле и дома.

В Вологодской губернии (Кокшеньга) полевым обрядам предшествуют обряды узко семейного типа. **Перед выходом** в поле участники жатвы с молитвой обращаются к Богу, Богородице, святым с просьбой о помощи. Перечисляют, кто будет жать. После молитвы подходят к топящейся печке, и каждый произносит заговор, повторяя его три раза, касаясь при этом печки рукой:

Как эта печка стоит весь век, не уставая,
Не боится ни жару, ни пару,

Ни стужи, ни нужи,
Ни холоду, ни голоду,
Так бы и я, раба божия (Имя)
Жала бы, не уставая.

Выход в поле, «зажинки», первый сноп.

Перед началом жатвы «вырывают по три волота ржи, перепоясываются [ими], приговаривая:

Как эти три волота
Целый год кланялись на четыре стороны,
Так у меня (Имя рек)
Спина [бы] клонилась [и] поклонялась
Во все четыре стороны
И не знала [бы] ни устатку, ни пристатку

Первый сноп жнут молча. Сожнут, завяжут, приговаривают:

Где сноп – тут суслон,
Где суслон – тут копна,
Где копна – тут скирда
(или: Тут хлеба амбар) повторяют три раза

Когда поставят первый суслон, закрывают его «шляпкой» (так называют горсть житвины, поставленной корнями вниз, на суслон – М.В.), приговаривая: «Вот вам, вороны, питера и мидера», – это говорится и ставится к тому, чтобы вороны не ели суслон», – поясняет информатор [22:133].

Вологодский вариант отличает разновидность словесных заговорных формул, магическая роль упоминаемых предметов, речевое поведение участников обряда.

Словесные заговорные формулы имеют магическую функцию. Основное назначение формул в контексте обряда – получить помощь в период страды. В кокшеньгском зажиночном обряде выделяются два типа словесных формул: обрядовое действие, сопровождаемое словесной формулой; формула, магическая функция которой

передана словом, обретающим в процессе произнесения предметность.

Формулы первого типа. Обрядовое действие, связанное с топящейся печью, состоит из молитвы – обращения к Богу, Богородице, святым, и обращения к топящейся печке, касания ее рукой. Печь в контексте обряда выполняет функцию посредника между просителями и прямым адресатом, в данном случае высшими силами – Богом, Богородицей, святыми.

Второе обрядовое действие связано с поясом из колосьев ржи. В зависимости от обрядового контекста бытовые предметы обретают различное символическое значение. Одна из основных магических функций пояса – оберег от нечистой силы. В аграрном обрядовом контексте пояс из волоток устанавливает связь, контакт между жнеями и нивой. Человек в течение всего года помогал ниве, отдавая ей свою силу, заботясь о ней. Теперь нива должна вернуть часть своей силы жницам.

Третья обрядовая формула гиластического (умиловительного) типа выполняется с целью задобрить воронов, покушающихся на урожай, носит профилактический характер.

Последняя, четвертая формула, не имеет обрядового действия. Магическую функцию выполняет слово, опредмечивая понятия «суслон», «копна», «скирда».

Второй цикл обрядовых действий в жатвенных песнях воспроизводит весь процесс выращивания льна, ржи, пшеницы от момента возделывания пашни, сева и до получения урожая, люди готовили землю – «вытапывали травку-муравку», боронили, следили, как «зеленое жито вырастает», готовились к жатве, выходили в поле рано, «по месяцу», «по утру раненько», оставались в поле «вечером поздненько», жали «день до вечера», «в краю (в деревне, – М.В.) не бывали, людей не видали», «Рожь в снопочках вязали», «в сарай возили», «цепами молотили», сушили, «квашню тварили, всех кормили» (Земцовский, 500 – 519). Это «жизненный путь» растений, протекающий параллельно с жизнью крестьянина-земледедца [73:183].

В жатвенных обрядах в формулах типах «Роди, поле, жито» – можно усмотреть сопоставление нивы с женщинами. В этом аспекте процесс получения урожая можно интерпретировать как мотив «родов нивы» – по аналогии с женскими родами [74:156].

Дожиночный комплекс составляют несколько обрядов, но далеко не все они сохранились как цикл. «Завивание бороды» и возвращение жнеями силы после жатвы (куварканье, катанье – перекашивание по полю) записаны во многих вариантах.

«Борода» – оставленный на поле несжатым пучок колосьев или сноп, обладающий по представлениям земледельцев, особой силой. У восточных славян нет никаких объяснений этому феномену. В исследовании Д.Д. Фрезера «Золотая ветвь» весьма убедительно, так же как и в работе В. Маннгардта «Лесные и полевые культы» показано, что по представлениям первобытных земледельцев, в колосьях последнего снопа обитает «Дух хлеба» (Маннгардт). «В хлебном духе видят человека или животное, поэтому последний сноп составляет часть его тела: шею, голову или хвост». В некоторых случаях остаток колосьев рассматривают как пуповину» [75:418]. В этнографии восточных славян подобных наблюдений не зафиксировано, хотя отдельные мотивы, если их объединить, не противоречат представлениям об антропоморфном облике последнего снопа, «Духа нивы». Его называют женскими и мужскими именами: Солоха, Овсей, кумушка, баба; наряжали в мужскую, чаще женскую одежду, надевали кумачевый сарафан, бусы, повязывали платком, приделывали «руки» (палки), опоясывали красной лентой [76:131 – 133]. В песнях «борода» «черным шелком увита» (Земцовский, 524). Образ «Духа нивы» объясняет основную идею всех дожиночных обрядов – обеспечение непрерывности благодати, исходящей от «Духа хлеба» [77:434]. В.Я. Пропп считает, что сравнение жатвенных обрядов восточных славян с аналогичными «не оставляет сомнений в их исконном смысле» [78:80]. Рассмотрим, как проводились эти обряды на территории Вологодского края и других регионов России.

В Калниковском уезде Вологодской губернии (Троичина) [79:123] основным обрядовым действием при дожинках было «завивание бороды» для святого Ильи. «При окончании жатвы овса оставляли на последней полосе часть, с один сноп, не более, несжатою, и к концу жнива вся семья приходит дожинать эту полосу, храня гробовое молчанье, и оставляя недожатым несколько волокон, которые берет наибольший из семьи и, закручивая их, не срывая, говорит: «Вот тебе, Илья, борода, а ты пой и корми моего дорогого коня». Таким образом святого благодарят за помощь, принося ему в

дар колосья овса, бороду, требуя от него заботы о скотине. *Дар не безвозвратен*. Аналогичный пример обращения к Егорию: «Егорий, приходи, коня приводи, и наших коней корми, и овечку корми, и коровку корми» (Земцовский, 523).

От крестьян-земледельцев святые получали «подарки-дары», а от них требовали возвратных даров в виде сохранения скота, хорошего урожая.

Процедура завивания бороды известна в разных вариантах. Несколько колосьев оставляли, скручивали жгутом, делали венки. Ритуальное использование венка связано с осмыслением его как круга, оберега от нечистой силы. «Бороду» пригибали к земле, чтобы ей передались силы зерна: «Земли отгребешь и положишь [колосья], земелькой запорошишь» [80:122]. «Землю поразроют, и семена в землю». В хранители семян призывали Белозерские крестьяне самого Бога: «Господь Бог! Береги семена <...> Господь Бог! Бла(г)осла(в)и, мы дожинаамсе, симена в землю оставляям, а Бог дай урожай на будущий год лучше, чем у сёо дне, сёгод» (Сев. Белозерье. С. 122). В некоторых местах «бороду» обкладывали травой – «Христу на постельку». «Устанет ходя-то, он, багюшко, може и прилечь захочет»; заключали бороду в круг из серпов, произнося заклинание: «Родись и ведись, на тот год не переведись» [81:127].

В Никольском уезде Вологодской губернии около завитой бороды гадали жнеи по зернам из колосьев: « Кто зернышко съест. Если девушка – замуж идти, если парень – жениться, если женщина – дитя родить, если корова – телушку родить, если овечка – двойничков принести» [82:202].

Счастливой приметой в обрядах жатвы было нахождение в колосьях *спорыньи*, двойного колоса или двойного зерна. Начиная жать, жнеи просили удачи: «Дай, господи, спорыньи!», «Дай, господи, спорыньи и легкости, и доброго здоровья!».

Распространенным приветствием, адресованным жнеям, было: «Спорынья тебе в дом!» (Кокшеньга).

Спорынью несли в дом, ставили к иконам: «Хлеб штоб велся в избе».

Яровая спорынья!

Иди с нивушки домой,

К нам, во Кошево село,

Во Петровково гумно. (Шейн, № 1273)

Последним обрядом на сжатой ниве после ритуалов с «бородой» было «катанье», «кувыркание», «перевертывание» – возвращение жнейм оставленной на поле силы после жатвенной страды.

Во всех регионах России и обряд, и сопровождающие его словесные формулы, были однотипными [83]. Обязательным мотивом во всех формулах было обращение с просьбой: «Нивка, нивка (или нива, нива), отдай мою силу!». Просьба могла сопровождаться пояснением, для чего «сила» нужна: «Нивушка, нивушка, дай мне силушку на вторую нивушку!». Кончив жать рожь, шли на овсяное или яровое поле, у нивки просили «подай мою силу на овсяную жниву», или «на яровую жниву». Катаясь по ниве от начала поля до конца, верили, что это восстановит затраченные на жатву силы, даст жницам здоровья.

«Кувыркались – это шобы спина не болела, да и ничё не болело: «Нивка, нивка, отдай мою силку! Тебе лежать, а мне работать! Это как дожнешь».

По другим описаниям жницы кланялись на четыре стороны с приговором: «Полюшко-поле, подай мою силу на всю студеную зиму» (Сев Белозерье, с. 120).

Уходя с поля, внимательно его осматривали, не оставалось ли «килы» – пропущенных несжатых колосьев. «Кила» обладала вредоносной силой, поэтому внимательно следили друг за другом, чтобы «кила» «не тянулась». «Вот надо, штобы цисто жали, вот што. А другие ведь там оставят. «Надо килу привязать!, «Зацем оставляла? «Смотри кила-то, кила-то за тобой тянецца!»

Навязывание «килы» носило воспитательный характер. Ленивую жницу позорили, на палку надевали изношенный лапоть и втыкали на полосе. «Лапоть напротив повесят. На кол наколотят и напротив повесят <...> Ты не сделала вовремя – тебе лапоть» (Сев. Белозерье, с. 121).

После всех полевых ритуалов, торжественно несли в деревню последний снопок. Иногда его наряжали «бабой»: Зерна этого снопа обладали, по мнению крестьян, особой силой. Их примешивали к семенам, которыми предполагали засеять весной поле; несколько колосьев из последнего снопа несли в овин, чтобы был хороший умолот. Просили овинника сбересть хлеб от огня:

Батюшко овин:
Дай Бог тебе в море постоять –
Огня не видать,
А нам пожить!

Последний сноп называли «имянинником», «соломатником» (Сев. Белозерье). Дожинки отмечали как семейный праздник, на котором основным блюдом была **соломата** (соломат), – приготовленная из толокна, заправленная простоквашей, сметаной, маслом. Если у семьи были во время жатвы помощники, устраивали коллективную трапезу: «И назовут застольё <...> Все роботали гости-то, ак наа [надо] накормить. Принесем [сноп] да вот в передний угол <...> серпы и «соломатник» тут. А как только «соломатник» принесут – соломата на столе». В зависимости от того, какой был последний сноп (ржаной, яровой, овсяной), на столе стояли веточки из колосьев, «а потом эту веточку в сноп» втыкали. Хозяева благодарят помощников:

«Спасибо, матушки, пришли, меня выручили».
А оне: «Дай тебе, господи, вперед шобы вырос хлеб,
Шобы тебе помогали, а не ты помогать бегала!»
(Сев. Белозерье, 120)

Праздник последнего снопа завершал жаркую страдную пору, в песнях звучат мажорные ноты бодрости, радости от хорошо выполненной работы:

Нивушку пожали,
Страду пострадали!
Слава Богу
До Нового году!
(Земцовский, 521)

Дожали, дожали,
Оспожинки встретили,
Коровая почали,
Толокна процведали,
Гостей угостили,
Богу помолили!

Хлебушко, расти!
Времечко лети, лети!
До новой весны,
До нового лета,
До нового хлеба!

(Земцовский, 530)

В годовом календарном цикле отводилось большое место *заботам о благополучии скота*.

После Покрова Пресвятой Богородицы (1.10/14.10) последним снопом «закармливали» домашний скот. Перед началом обряда «закармливания» хозяйка «до свету», на сытый желудок, ни с кем не разговаривая, идет к скотине: «Хлеб-то всем отрежешь – всё скотинке. Вот эту «бороду» по горсточке даси... Станешь среди полу <...> и просиссе: «Хозяюшко-батюшко, хозяйюшка-матушка, ставлю я милова живота – скотинку на всю студёную зиму. Вы её пойте и кормите, теплом обогревайте и спать мистечко давайте!» Вот поклониссе везде [во] все четыре уголочка поклониссе и три раза проговоришь...» (Сев Белозерье, с. 125).

Следует заметить, что хозяйка обращается с просьбой не к святым, а к домовому – хлевнику, на попечении которого, по глубокому убеждению, находится вся скотина. Аналогичный сюжет из Архангельской губернии: «Дедушка Романушка и бабушка Доманушка, пустите во двор коровушку [имя], пойте, кормите, сыто, дроцыте гладко, сами не обитьте и детоцкам не давайте обидеть» или «Дедушко-атаманушко, полюбите моего Чернеюшка, пой, корми сыто, гладь гладко, сам не шути и жены не спущай, и детей укликай, унимай» [73:143].

По терминологии Ю.М. Лотмана это примеры «ритуального поведения», при котором слово получает предметность, изображение воображаемого действия.

Обряды, связанные с домашним скотом, органично вошли в календарный цикл. Сезонные обряды скотоводческого типа описаны М. Б. Едемским (Тотемский уезд, Кокшеньга) «На Фролы-Лавры – Лошадиный праздник (18.08/31.08) <...> молебны служат. Кропят [коней] водой. На лошадях в этот день не работают, если обещанные кони. У кого не обещанные – робят» (РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1, ед. хр. 99). Более подробно обряд описан А.А. Шустиковым (Таврень-

га) [85: 171 – 191]. В день Флора и Лавра (Фрольсье, Хроленье), на площади выстраивали ворота – «теснину», через которую пропускали лошадей. Священник устраивал «конский молебен», кропил коней святой водой, хозяин обмывал коню голову и уши, после чего начинались конские состязания. Ритуал представляет собой контоминацию языческого обряда инициации (акта второго рождения) и церковного благословения животных, с элементом крещения. Заключительный этап – скачки, демонстрация новых возможностей коня, как бы рожденного заново, готового для новых трудных предстоящих работ.

В Вологодской губернии ко времени завершения уборки урожая были приурочены «Пивные праздники», которые совмещались с престольными, но составляли часть календарной обрядовой структуры. Они подробно описаны А.А. Шустиковым, по тому, как они проходили в Троиchine и Тавреньге. [86: 131 – 132]. А. А. Шустиков различает два типа «пивных прздников»: частные и коллективные – «мирское пиво», приуроченный ко дню памяти Ильи пророка (20.07/2.08). В Кадниковском уезде этот день праздновался по очереди, «в один год в деревне П., в другой в близкой к ней – О.». Праздник посвящался в благодарность Илье за покровительство. Это был мужской праздник, в котором просматриваются архаические дохристианские элементы коллективной трапезы – братчины, на которых обрядовой едой было мясо жертвенного животного.

Ю.И. Семенов считает, что этот обряд генетически связан с «зоофагическими праздниками», в исходной своей форме связанный с культом умирающего и воскресающего зверя» – это «охотничья параллель земледельческого мифа об умирающем и воскресающем божестве» [87:671 – 672]. Со временем обряд превратился в аграрный, из братчины – в «складчину». Во времена Шустикова (конец XIX века) обряд состоял из приготовления вскладчину коллективной еды. В больших количествах готовились ячневая каша, сыр, творог, хлеб – «каравай в пять-шесть пудов весом». Вскладчину варились пиво, «той деревней, где назначено празднество». Все съедалось и выпивалось на улице «всеми крещеными». Коллективной трапезе предшествовал молебен, поэтому празднество имело второе название – «Мольба». Основной сюжет этой части праздника был связан с обычаем передачи по очереди из дома в дом «Ильинской свечи». Ежегодно в подсвечник ставилась очередным храни-

телем копеечная свеча. По наблюдению Шустикова, подсвечник со свечой весил не менее 20 фунтов (примерно 8 кг – М.В.) [88:171].

Описанный Шустиковым обряд в день Ильи Пророка, отмеченный «мирским пивом», интересен рассказами информаторов-крестьян о его происхождении «В досюльные времена накануне этого праздника (20.07, М.В.) ежегодно прибежал к церкви олень и прилетал гусь (варианты: глухарь, тетерев), которых убивали и жарили» и угощали всех проходящих. Пришедшие на праздник, не дождавшись жертвенных животных, стали варить быка. В этот момент прибежал олень и прилетел гусь. «Увидев, что вместо них в жертву принесли быка, осердились <...>, исчезли совсем, как и не бывало их <...>. С тех пор олень и гусь больше не показывались, но колоть быков ко дню этого праздника вошло в обычай». Священник запретил это делать, предложив варить пиво [89:101 – 102], печь каравай с припеками: один большой и двенадцать маленьких «под Христа и апостолов», что напоминает обряд церковного причастия. Особенность этого обряда – в наличии древних, восходящих к эпохе тотемизма, зоофагических корней. Со временем они растворились в христианском контексте. Структура обряда сохранила связь с мифом и трансформацию мифа. Наглядным подтверждением может служить вариант обряда, записанного М.Б. Едемским в Кокшеньге Тотемского уезда. «На Ракуле олень прибежал в жертву второго мая. Празднество было. И приходили из лесу олени. Станут к церкви, его зарежут и едят, варят враз [в] котле, угощают проходящих, всех. Один раз поп отслужил [в] Ракуле обыкновенно, олень змеркнул и убежал. С тех пор не прибегал. Тут и пенек был. Олень придет, станет у пенька и грызет. Пенек-то и теперь грызут, у ково зубы болят. Была зяблуха каждый год, явилась икона Тихона и Варнавы. И на [этом] мисте стали служить молебны. Зяблухи не было с тех пор» (РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1, ед. хр. 101, л. 41). Обряд можно рассматривать как аграрный. На месте Оленя и Зяблухи встали святые Тихон (6.07/19.07) и Варнава (11.07/24.07), дни памяти которых совпадали с летними сезонными работами. Чудесное явление на месте коллективных трапез икон, проведение церковных служб, позволяют предположить, что легенда о жертвенном олене в ее эволюции отражает процесс христианизации края, процесс поглощения языческих обрядов христианскими.

Образ святого Ильи, в честь которого устраивался праздник, завершающий аграрный календарный цикл, амбивалентен. Его двойственная природа сформировалась в результате синкретизма мифологических представлений о боге-громовике Перуне и библейском пророке Илье, который обладал карательными и благотельными функциями. Церковь закрепила амбивалентные представления, сохранив за святым Ильей функции карательные, мечущего «громовые стрелы». Илья Пророк, по информации крестьян деревни Хмелевской, почему-то на них разгневался. В праздник Ильи Пророка в эту деревню не вносят его икону. «Лет пятьдесят, а может и сто тому назад этот образ был принесен туда (в д. Хмелевскую, М.В.) впервые, но тотчас же поднялась такая буря, гром, что никто никогда подобного по силе раскатов грома не слышал; это принято за желание Ильи Пророка, чтобы его образ никогда не был в этой деревне, и с тех пор не приносят» (Троицина, 132). В то же время Илья – помощник земледельцев, «Илья Святой жито дожинает, в снопы вяжет, на воз кладет», покровитель скота, целитель: если кто во время первого грома перекувыркнется, не будет у него болеть поясница [90:13], «именем святого Пророка Ильи можно уберечься от любой порчи» [91:135].

«Многослойность» Ильина дня и образа Ильи отражает синкретизм ритуала и верований. Илья Пророк стал «историческим приемником» древних божеств [92:83-101].

Конец августа – начало сентября – «бабье лето». «С бабьего лета – бабий праздник и бабьи работы», – подмечает пословица. Убирают и мнут лен с приговором:

Улежи-ко, мой ленок,
Белой да мягкой,
В китову жилу,
В комарову кость,
Не бойся ни ветру, ни вихорю,
Ни частого дожличка,
Ни красного солнышка. [93:113]

Существовали особые приветствия стелющим лен:

«Шовк тебе на руки! – Спасибо, лебедь белая».

Когда бучат лен, вместо «Бог на помочь», говорят «Лебеди летели, бело крылушко уронили!» (Кокшеньга, РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1, ед. хр. 101).

В конце сентября, на Феклу-заревницу (24.09/7.10) начинаются «замолотки». Молотят хлеб в натопленных овинах, с огнем, часто возникают пожары. Феклу называют поэтому «зажигальницей». «Фекла зажигальница. Пожаров бывает много» (РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1, ед. хр. 99, л. 6). Перед замолотками одаривают Овинника, чтобы не сердился, уберег хлеб. Приносят ему в дар пироги (Кокшеньга).

Каждый календарный цикл завершается обрядом похорон персонажей, символизирующих праздник (Зима, Масленица, Купала-Ярила и др.)

На Симеона-Стольника (1.09/14.09) хоронят мух. В XIX веке, когда были записаны эти обряды, архаическая символика мух (насекомых) как «небесных жнецов» (белые мухи – метафора снега), представления о «душе-Мухе» были забыты. Мухи воспринимались как нечистые насекомые. В фольклоре муха – юмористический персонаж, а сохранившийся обряд похорон мух носит пародийный характер [94:436 – 438]. В Вологодском крае (Тотемский, Кадниковский, Белозерский уезды) отмечается два способа ритуального изгнания мух. Первый применялся в дожинки, когда в дом вносили последний сноп: «Мухи, клопы, тараканы – вон, а «борода» в дом» (Сев. Белозерье, с. 123); также было и в Кадниковском уезде: «Мухи вы, мухи, ступайте вы вон: Мы работу свою кончили, простору нам давайте и волю» [95:112]. Обряд помнят до сих пор (2005 год) в Бабушкинском, Нюксенском, Тотемском, Гарногском, Верховажском, Кичменгско-Городецком районах, но он воспроизводится по воспоминаниям, без обряда. Судя по текстам, он выполнялся после жатвы.

Кыште, мухи, кыште, блохи,
Нам зиму зимовать,
А вам лето летовать.
Уходите из дому!

Кыште, мухи, блохи, – вон,
Тараканы, пошли вон.
Пришел хозяин в дом.
Вам лето летовать,
А нам зиму зимовать!

[96:63 – 65]

Вторая разновидность обряда – похороны мух, как было сказано выше, имеет пародийный характер, имитирует похоронный обряд.

В Кадниковском уезде мух хоронили на Воздвиженье (14.09/27.09). Из репы делали гроб, помещали внутрь несколько живых мух и закапывали около дома. Одновременно полотенцем гнали мух из избы [97:261]. В Калужской губернии похороны сопровождалась оплакиванием:

Дитятко моё, мушка,
Подогни ножки,
Мушка ты жужилка,
Перестань жужжать,
Пора тебе умирать.
Ты с белым светом расставалася,
Нашего тела накусалася.

[98:445]

В XX веке обряд похорон мух еще помнили, но он носил охранительный и профилактический характер.

Конец календарного года отмечали **задуванием старого огня**. С Семена-дня обзаводились новым огнем. Зажигали его особым образом: «Садилась среди двора и терли дерево о дерево <...> Этим огнем топили печи в избах и банях, на засидках зажигали свечи и лучину» [99:298]. Магический смысл обряда очевиден, он повторяет мотив, объединяющий весь календарный цикл: смерть ради новой жизни.

14.09/27.09 – Воздвиженье креста Господня – «Здвиженье». «Звижев день – кафтан с шубой надень», – примечали в Кокшеньге. «После Здвиженье медведей в берлогах обходят, уже легли». Начинается сезон охоты на рябчиков, и тетеревов. «Птица в отлет двину-

дась», «Лебеди пролетели, снег на крылушках пронесли, через пятеро суток снег будет» [22:136].

Ноябрь – предзимье. «Козьма-Демьян» (1.11/14.11) – братья родные были», кузнецы, покровители ремесел. Их просили сковать венец на «свадебку вековечную, нераздельную» [100:466]. Наступало время свадеб, девицы гадали о женихах, перебирали свадебную скруту (наряд), наряжались, произнося заклинание: «Вы, дары, на лежались, а я в девках насиделась. Вас пора дарить, а мне замуж выходить». Повторялось три раза [22:138].

На Николин день (6.12/19.12) наступали морозы. На Спиридона-солнцеворота (12.12/25.12) примечали: «Солнце на лето – зима на мороз». Завершался календарный цикл. Начинался новый календарный год.

Д. А. Аткинсон. Качели. 1880-е гг. Гравюра. Фрагмент

Краткое схематическое содержание календарного цикла

Календарные циклы	Типы обрядов, их функциональное назначение	Порядок проведения, магические действия	Жанры, основные мотивы	Действующие лица и персонажи	Следы «двоеверия»
ЗИМА					
Святки Святые вечера (25 – 31 декабря)	Чествование возрождающегося Солнца.	Возжигание костров около изб. Народный кукольный театр – вертеп (проставление Христа).	Религиозные песни (стихиры).	Мальчики-христославы. Дети и молодежь	<ul style="list-style-type: none"> • Языческий обряд чествования Солнца переплетается с прославлением Христа • Представление о магической силе животных – следы тотемизма.
	Очистительные обряды.	Купание в проруби «Иордани».			
День и вечер Василия Кесарийского – 31 декабря	Обряды, связанные с символической пищей, призванные обеспечить хороший урожай.	Печенье козулек, обязательно – кесарийский поросенок (акт приобщения к силе съеденных животных) и «щедруха» - «Магия первого дня».	Заговоры: «На здоровье – коровье, овечье, человечесь».		

Календарные циклы	Типы обрядов, их функциональное назначение	Порядок проведения, магические действия	Жанры, основные мотивы	Действующие лица и персонажи	Следы «двоеверия»
Страшные вечера (1 – 6 января)	Заключения урожая и благополучия.	Символическое заседание зерном избы, снопы в избе. • Колядование – обход дворов с пением колядок (овсений, виноградаря).	Колядки: рождественские, васильевские, крещенские. «Ты подай пирожка, ради праздника Христова...»	Колядовщики – «заклинатели урожая» - молодежь.	
	Обряды, связанные с обращением к сверхъестественным силам.	Гадания – попытка заглянуть в будущее на «переломе» времени.	Подблюдные песни: «Кузнец ты кузнец, скуй мне венец серебряный! Слава!»	Чаще незамужние девушки. Иногда парни.	Вера в населенность мира духами. Гадание не одобрялось церковью.
	Ряжение. Зооморфные и древние антропоморфные маски (старик со старухой, покойник, козел, медведь, конь).	Фольклорный театр. Скоморошина. «Переряживание» (мужчин в женщин). Противопоставление старости и молодости. Эротический характер игр – плодородие земли.	Скоморошина: «Пруни, прунь, прунь, прунь, прунь, прунь, прунь. Как у нашего Петруни была сивая кобыла По семи ведер доила...»	Праздник «холостой» молодежи.	

Календарные циклы	Типы обрядов, их функциональное назначение	Порядок проведения, магические действия	Жанры, основные мотивы	Действующие лица и персонажи	Следы «двоеверия»
	Похоронные обряды. Изображались пародийно – стремление показать смерть, чтобы начать новый цикл – возрождение.	Игра в покойника. Магическая сила смеха – возрождение.			Почитание умирающего – воскресающего божества.
Масленица Проводы уходящей зимы, приход тепла	Обряды, посвященные Солнцу – источнику урожая, плодородия. Проводы зимы.	<ul style="list-style-type: none"> • «Сырная» неделя: <i>встреча</i> – понедельник, <i>заигрыши</i> – вторник, <i>лакомка</i> – среда, <i>разгул</i> – четверг, <i>тещины вечерки</i> – пятница, <i>золовкины посиделки</i> – суббота, <i>прощенный день</i> – воскресенье. • Катание с гор – помощь движению Солнца. Состязательный характер игр (борьба зимы и весны): кулачные бои, взятие снежного городка. 	Масленичные песни: «Ой да Масленица на двор въезжает, Широкая на двор въезжает! А мы, девушки, ее встречаем, А мы красные, ее встречаем: «Ой да Масленица, погостюй недельку, Широкая, погостюй другую!»	Праздник молодых супружеских пар. Ряженые медведем, козой, «бабой».	Языческий праздник. Христианство повлияло на сроки – восьмая предпасхальная неделя.

Календарные циклы	Типы обрядов, их функциональное назначение	Порядок проведения, магические действия	Жанры, основные мотивы	Действующие лица и персонажи	Следы «двоеверия»
	Тип похоронного обряда – сжигание масленицы как залог будущего возрождения – урожая.	Сжигание чучела на озимых. Иногда трактуют как уничтожение зимы, ненависти и т.п. Часто возят дерево – культ растений.			Почитание умирающего – воскресающего божества.
	Почитание предков.	Возжигание костров. Первый блин – предкам. Прощеное воскресенье (прощение просят в том числе умерших).	«Сидит кошка на окошке, Вышивает себе хвост, Прошла масляна неделя, Настает Великий пост».		Вера в способность предков влиять на урожай.
	Очистительные обряды.	Прощеное воскресенье – подготовка к посту.			
ВЕСНА					
Евдокия-капельница (1 марта) и Герасим-грачевник (4 марта)	Обращение к силам природы с помощью ритуальной еды и заклинаний.	Печенье «грачиков», «жаворонков». Выкликание веснянок – заклинание весны.	Веснянки: «Ты пчелычка ярая, Ты вылети с-за моря», Ой, ляле-ляле, Ты вылети с-за моря».	Веснянки исполняли дети, а также девушки и молодые женщины.	Вера в одухотворенность природы.

Календарные циклы	Типы обрядов, их функциональное назначение	Порядок проведения, магические действия	Жанры, основные мотивы	Действующие лица и персонажи	Следы «двоеверия»
Средокрестие (середица Великого поста).	Обряд, соотносимый со святочным колядованием.	Обычай «кресты кричать»: обход дворов с песнями, за которые получали выпечные кресты.	Средокрестные песни: «Выносите по кресту, Выливайте по ковшу. Половина говина ломится, Хлеб да редька спереводится».	Дети и подростки.	Празднование сливается с почитанием Ярилы.
День Георгия Победоносца (23 апреля) В народе Егорий Вешний, зеленый, Юрий, Егорьев день.	Заклинательные обряды. Обращение к силам природы и духам.	<ul style="list-style-type: none"> • Первый выгон скота. Обход стада с иконой Георгия Победоносца. Исполнение заклиательных песен перед каждой избой. Обход стада по кругу с замком в руках – замок заперали, а ключ бросали в реку. • Выгон скота на росу, купание в росе (роса в этот день целебная). 	Егорьевские песни: «Егорий, батько храбрый! Макарий преподобный! Спаси нашу скотинку, Всю животинку – В поле и за полем, В лесе и за лесом, За лесом-лесами, За крутыми горами!»	Мужчины, особенно пастухи.	

Календарные циклы	Типы обрядов, их функциональное назначение	Порядок проведения, магические действия	Жанры, основные мотивы	Действующие лица и персонажи	Следы «двоеверия»
Вербное воскресенье.	Обряды, связанные с культом растений.	Освящение верб, принято слегка хлестать ими детей – магия растений.	Заговор: «Верба хлест, Бей до слез! Еще на здоровье, До красненького яичка».		Следы анимизма.
Пасха.	Приобщение к силе природы через сакральную пищу.	Освящение хлеба и яиц. Яйцо – символ плодородия, земли и солнца. Катание яиц с горок.			
		Обход дворов «волошебщиками» пение «вьюнишных» песен (поздравление молодоженов).	Волочebные песни» «Не гуси летят, не лебеди – Христос воскрес на весь свет!» Вьюнишные песни: «Молодая, вьюная. Вот мы видели тебя. Ты от бабушки шла. Короб яиц несла».	Волочebники – мужчины.	Обряд соотносится со святочным колядованием – вера в сакральную силу слова.

Календарные циклы	Типы обрядов, их функциональное назначение	Порядок проведения, магические действия	Жанры, основные мотивы	Действующие лица и персонажи	Следы «двоеверия»
Радуница.	Почитание предков.	Посещение кладбищ и угощение предков кутьей, блинами, пирогами и т.д.			Вера в населенность мира духами предков.
	Похоронный обряд (возрождение смехом).	Причитания и плач, которые сменялись весельем.		Женщины-плакальщицы.	
Красная горка (послепасхальная неделя).	Обряды, связанные с аграрной магией.	Катание на качелях (подбрасывание чего-либо, подпрыгивание должно помочь росту хлеба).			Представление о способности магическими действиями влиять на силы природы.
	Посвящение культуры Солнца.	Хоровод – движение по солнечному кругу. Песни заклинательного характера.	Хороводные песни: «Хмель мой, хмелюшко, Хмелевое перушко! Перевейся, мой хмелюшко, На мою сторонушку».	Незамужние девицы.	

Календарные циклы	Типы обрядов, их функциональное назначение	Порядок проведения, магические действия	Жанры, основные мотивы	Действующие лица и персонажи	Следы «двоеверия»
Троицко-семицкие обряды (зеленые святки).	Обряды, связанные с почитанием культа растений.	Украшение дворов и изб березовыми ветвями. «Завивание» березки и «кумление» девушек (обычай посестримства).	Семицкие песни: «Покумимся, кума, покумимся, Мы семицкою березкой покумимся». «Что же ты березонька, не зелена стоишь? Люшечки-люли, Не зелена стоишь?»	Строго женские обряды.	<ul style="list-style-type: none"> • Связь с языческим актом инициации – принятию девушек в рол как будущих матерей. • Отголоски жертвоприношений (березка – «заместительная» жертва).
Русальная неделя.	Обряд, связанный с почитанием умирающего – воскресающего божества (похоронные).	На Троицу – «развивание» березки и «раскумление». Иногда величание срубленной березки и бросание ее в реку. Обрядовый синоним – кукушка.	«На грязной неделе Русалки сидели. Ой, рано й ру! Русалки сидели».		

Календарные циклы	Типы обрядов, их функциональное назначение	Порядок проведения, магические действия	Жанры, основные мотивы	Действующие лица и персонажи	Следы «двоеверия»
ЛЕТО					
День рождения Иоанна Крестителя (Иванов день) – 24 июля.	Очистительные обряды.	Купание в реке, прыгание через костер – магическая сила огня и воды.	Купальские песни: «Как на горушке, ой, на горе, На высокой, на крутой, На раздольицы широкой, Там горит огонь высокой. Как в том огню жгли три змеи: Как одна змея заклитуха, Как втора змея заползуха, Как третья змея веретейка».	В основном, неженатая молодежь.	Абсолютно языческий праздник. В основе почитания бога Солнца и плодородия Ярилы и вера в населенность мира потусторонними существами, которые в этот день особенно опасны.
	Обряды, связанные с растениями.	Сбор трав, гадание по травам.			
	Символическое уничтожение нечистой силы.	Сжигание атрибутов нечистой силы (чучел, конских черепов), распознавание «ведьм» среди односельчан.			
	Почитание Солнца – Ярилы (более развиты у украинцев и белорусов).	Игра в «Ярилу», песни, прославляющие чувственную любовь, ряженный Ярило, хороводы.		Ярило – ряженный мужчина.	

Календарные циклы	Типы обрядов, их функциональное назначение	Порядок проведения, магические действия	Жанры, основные мотивы	Действующие лица и персонажи	Следы «двоеверия»
Петров день (29 июня).		Ряженая молодежь караулила Солнце, ночью уносила у хозяев все/, что плохо лежит. Говорят, Солнце в этот день разделяется на несколько разноцветных кругов.	Петровские песни: «А я роду, А я роду хорошего, А я роду, А я батьки, А я батьки. богатого, А я батьки, А мой батька, А мой батька ясен месяц, А мой батька».	Молодежь.	Некоторые исследователи полагают, что языческий праздник апогея лета длился с Ивана до Петрова дня.
	«Аграрные» обряды.	Открывался покос			
ОСЕНЬ					
	Жатвенные, «хозяйственные» обряды.	Чествование первого и последнего снопа, жатвенные песни, в которых величались женщины	Живные песни: «Жали мы, жали, Жали, пожинали, - Жнеи молодые, Серпы золотые, Нива долговая, Постать широкая». «Ходил козел по меже, Ходил козел по	Особо почитались женщины-жницы как наиболее приближенные к плодотворным силам природы.	Слияние христианских и языческих образов. Почитание животных (козла и др.)
	Почитание сверхъестественных сил.	Недожатый пучок оставляли мифическому образу – духу нивы (козлу, полевику, <i>Волосу, Христу</i>) (Илье).			

Календарные циклы	Типы обрядов, их функциональное назначение	Порядок проведения, магические действия	Жанры, основные мотивы	Действующие лица и персонажи	Следы «двоеверия»
	Приобщение к силам природы	Женщины катались по жнивью с приговорами	меже, Дивовался бороде...» «Слава тебе, Боже, Слава тебе, Боже, Что в поле пригоже!»		
	Обряды, связанные с сакральной едой.	По окончании жатвы – обед с обязательным «отжиночным» пирогом.			
Покрова Пресвятой Богородицы.		Начинались свадьбы.	«Покров, Покров, покрой землю снежком, а меня женишком».		

**Календарно-обрядовые тексты,
записанные в Вологодской губернии в XIX и XX вв.**

М. Едемский

Вечерованье, городки и песни

В Кокшеньге Тотемского уезда, –

СПб., 1905.

(Из журн. «Живая старина», – Вып. III и IV 1904 г.)

Г о р о д к и

1.

За тынком было за тыночком
За зеленой было сосенкой
За серебряной решоточкой
Девка мылась умывалась
Белая лебедь сряжалась.
Обойду я два раза да три раза;
Я любово¹ себе выберу,
За собой парня выведу,
Я за правую за рученьку
Ко ретивому сердеченьку.

¹ Т.е. любимого.

2.

Уж вы ёшички-ёрши,
Рыбка маленькая
Да костоватенькая;
Ещё хто ёрша изловит
Тово три раз поцеловать.
Два раз, три раз,
Девять раз
Да поцелую, сударь [вас].

3.

Сколько-то на пече печины,
 Да столько на сердце кручины;
 Сколько в поле камешков,
 Столько-то миленьких дружков;
 Сколько-то на поле лопущёк,
 Столько миленьких подружёк.
 (Как по старому закону
 Дак в чотырнадцеть законов
 Пришол нонешной указ –
 Целоваться двисти раз).

4.

Зайко-то в сторóну скочил
 Да много сору обронил,
 Он в другую-ту скочил,
 Да тут река глубока́,
 Ричка тиновая,
 Река ребиновая.
 Що ребинушка (часта) густа,
 Да поцелуй парня в уста,
 Будет рожь часта
 Да примолóтиста:
 Що из колосу коврига,
 Из полузерна пирóг,
 Из другóво соченёк.
 Кто про девушёк побает,
 Худю́ю сла́ву пронесёт, –
 Тово лешей унесёт.
 Где про девок говорят, –
 Тут коровы не доят
 Да телята не стоят;
 Молока́ нету хлебать,
 Оде кислые шти
 Да сколько хошь узди ¹.

¹ Уздить – хлебать, особенно что-нибудь жидкое, звучно втягивая жидкость с ложки.

5.

Зайко, зайко, да загуляй-ко,
 Загуляй ко мне в садочик.
 В саду ягодка малинка
 Приходил вечер ко мни дитинка,
 Приносил даров не мало:
 Двадцетъ петъ рублей в кормане,
 Глялентуру на конуру (борушку? см. это сл.)
 Кифарики на другую –
 Выбирай себе любую,
 На головушку платочик,
 На рученьку перстенёчик,
 По середке шёлковой поясочик,
 (На белую грудку поцепку,
 На шеюшку жемчужок.
 Дорогой мой паренёк,
 Да поцелуимсе разок).

6.

Бежит зайко, бежит белько,
 Бежит белой горносталяко
 На коротеньких на ножках
 Во сафьянных во сапожках;
 Несет в роте рукавицу,
 В рукавице – небьлицу
 Про меня красну дивицу:
 Будто я, красна девица,
 Шити брати не умию,
 Шелком шить не розумию
 Только смию-розумию
 Поскакати, поплясати,
 С молодцами поиграти,
 С удалыми поплясати,
 Ещё шуточёк пошутити,
 Присказулечка дружку сказати.

7.

а) За рекою-ту было
 Да за быстрою-ту диво;
 За быстрою-ту диво:
 Да варит чечнечик пиво (2)
 Да варит молодой,
 Без солоду да без хмелю.
 Без ярового яцменю.
 Да я пивко сливала,
 С хмелюшком розымала:
 Попала-та хмелинка
 Детинке в головинку;
 Да не даёт-то стрянуться,
 Да не даот взорохнутьсе,
 Назадь оглянутьсе,
 Сам пошол взорохнулсе,
 Назадь олянулсе,
 С молодцем поклонилсе,
 Молодец-от удалой
 Да во кружок пожалой,
 Пожалой, послушай.

8.

Плыла, плыла выдра,
 Выплывала выдра
 Из озёр да в ручья.
 Ещо стригила, выдра.
 Самово черна бобра.
 Бобер, продай пуху,
 Мне пушок на шапку.
 Шапочку сошити,
 Рукавки скроити
 К обедне сходити,
 За Царя Бога молити,
 За весь мир крешоной;
 Будет мир покорен,

Будет богомолен.
Молодец удалой,
Во кружок пожалой
Пожалой послушай.

9.

- б) Я на ричушку ходила молода,
Да там гусей стадо заганивала,
А другоё заворачивала:
«Политите-ко, гуси-лебеди, домой;
Ещо вы, гуси, наплавалисе,
А уж как я млада наплакаласе:
Уж мне дал жо Бог мужа дурака –
Не умиет он головушку чесать,
Не умиет русых кудёр завивать,
Не умиёт подпоясываться:
Назаде-то узол завязываёт,
Не умиет пухову шапки (шляпы) носить.
Що сзаде-то муж хорош таки, хорош,
Спреди-то муж на лешово похож.

10.

- в) Я на ричушку ходила молода,
Да свежу рыбицу ловила не одна,
Не одна я со товарищами
Со такими-то со молоденькими.
Увидали жо тут робята из окна
Да сказали родной матушке.
Родна матушка не лиха, не добра:
Призаставила капусту садить,
Приневолила росаду полевать.
Я сажу, сажу, – не родитсе;
Полеваю я – не отродитсе;
Перемены младой хочитсе,
Перемены – удалого молодца.
Мне присватался молодик молодой
Посулил (мне) девке подарок дорогой.

Мне подарочка-то хочитсе,
А за ёво-то замуж не хочитсе;
Я подарок-от приму таки приму,
А за ёво-то замуж не йду таки не йду
(Я не йду таки не думаю ийти;
За подарок поцелую, обойму).

11.

- а) Здравствуй милая, хорошая моя (Sic! Здравствуй.)
Чёрнобровая, похожа на меня!
Чёрноглаза, выйди замуж замуж за меня.
(Я не йду таки не думаю ийти)
Присватался молодик молодой
Да посулил девке подарок дорогой,
Подарочик – перстенечик насыпной.
Уж я чула вис(т)ь про тебя –
Будто ходишь ты по вольным по домам,
Табачёк-от, сударь, понюхиваешь,
Горьку трубочку роскуриваешь,
Красных девушэк полюбливаешь.

Продолжение, несмотря на уверения крестьянки А., сообщившей мне этот городок, что поётся оно вместе, подряд, – по смыслу скорее могло бы быть отнесено к «Я на ричушку» (10 в), а может и к иному. Очевидно, что в исполнении последнего времени содержание городков, имеющих сходные места, перепутывалось.

Вы ловцы-те ловцы, да захаровцы (?)
Навязали-то шелковые невода,
Упускали-то на синие моря.
Синё морюшко (в)сколыбалосе
Да в море рыбица розыграласе.
Эту рыбицу надо повыловить
Да на сухой-от берег повыметать.
По бережку-ту рыбка сплясывала;
Приходила-то девка спрашивала:
«Каково жо да живой рыбе без воды? –

Таково жо мне красной девушке без воли;
Каково жо живой рыбе во песке? –
Да таково мни красной девке во тоске».

12.

- в) Не ходи-ко, Маша, по новому крыльцу,
Не маши-ко платком по белому лицу:
Ой твоё личико розгарчивое, –
Да розгорится-то лицо, не уймитсе.
Приду домой-то сдогодаютсе:
Да не от чаю-то не от кофею
Да не от сладкие водочки.
Сладка водочка да онисовая; –
Красна девушка да написанная,
Нибеленая да намазаная
Целовать-то (дружку) Маша налажёная.

13.

- а) Я-то спо жёрдочке шла,
Да я-то спо тоненькой
Да спо сосновенькой
Тонка, жёрдочка гнетсе,
Не ломитсе,
Хорошо-то с милым живетсе,
Не стоскнитсе,
Хоть и стоскнитсе,
Да разгуляитсе.
Пойду я выйду молода
Да за новые ворота,
За новые-те кленовые,
За решётчатые;
Да за косетчатые.
Ко мне миленькой идёт,
Ко мне Иванушко придет:
Да розмазные-те сапоги,
Да голубой кафтан

Да шалемой ремяк¹:
Клиньё-то машитсе
Да полы болтаются.
Во правой-то ручке тросточка
Да камышёвая;
Вдоль по тросточке
Да ленточка алая.
Ещё ленточка ала,
Да ленту девушка дала,
Лентой пожаловала.

¹ Армяк?

14.

в) Що не по бору хожу,
Да не спо сырому брожу;
Я не пеньё качу,
Да не колоды ворочу (2),
Да не сибе старицы ишу.
Да уж, ты, старица, (в)стань,
Да спасеная душа (в)стань,
Ко заутрине звонят,
К обиднее благовестят,
Да люди-то сходятсе
Да Богу-ту молятсе.
Холостые-те у ворот
Толкаютсе,
Души красные девицы
(Дожидаютсе) Добираютсе.

15.

а) Я во сад-от пошла,
Во зеленой пошла,
Дак ой калина,
Дак ой малина,
Ой пошла луку полоть
Зеленово полоть.

(Припев: Дак ой калина...)

Я полю, полю лучёк,
Перепальваю,
(Калина)

Через тын-от угород
Перебрасываю.
(Калина)

Припаду я ко тыну
Все повыслушиваю:
(Калина)

«Это що жо во тыну
Про меня говорят,
(Калина)

Ой про меня говорят –
Да все беду ворожат,
(Калина)

Беду ворожат -
Да беду матерущую».
(Калина)

Кличут деверья
Невес(т)ку домой:
(Калина)

«Подь, подь, невес(т)ка,
Голубка, домой! –
(Калина)

(Що) Свалиўсе твой свёкор
Со новых синей».
(Калина)

Кабы знала я про то,
Кабы выдала про все, –
(Калина)

Я поставила бы сини
Повыше тово,
(Калина)

Сини эдакие
Да сини вот какие.

(Иногда при этом жестами показывают вышину сеней).
(Калина)

16.

в) Що на улице торжок,
Через ричку мосток,
(Припев: Дак ой калина...)

Через ричку мосток,
Мос(т) калиновый мос(т).
(Припев)

Що по этому мосточку
Тут не пава ли шла,
(Припев)

Тут не пава ли шла,
Не павина ли душа,
(Припев)

Тут (ведь) шла жо прошла,
Да красна девица душа,
(Припев)

Ещо батюшку любо,
Що дочь хороша;
(Припев)

Ещо матушке чёс(т)но, –
Поклона дитя;
(Припев)

Ещо братьицам чес(т)ным –
Смиренна сестра;
(Припев)

Сестрам похвальба –
Сестра замуж пошла,
(Припев)

Жениху сухота, –
Що невеста баска.
(Припев)

«Уж ты сохни дитинка,
Гледи на меня;
(Припев)

Гледи на меня
Да возьми за себя;
(Припев)

Возьми за себя
Да учи про себя;
(Припев)

Учи про себя
Да целуй завсегда»
(Припев)

а) Вдоль было по травке,
Да вдоль по муравке
Тут ходит-гуляёт
Удалой молодчик;
Кличёт выкликаёт
Красную девицу:
«Пойди-выйди, девушка,
Пойди за ворота;
Пойди за ворота,
Да выйди, за широки
Со мной со молодчиком
Постояти.
Со удаленьким
Ричи говорить».
«Я тя молодец
Да не узнала.
Пухову шляпу
С головы сымала,
Русые кудёрышка
Да растрепала,
Синь кафтан
Да заплевала,
Серебряные пугови
Да розстегала,
Смазные сапожки
Да затоптала».
Пошоў, пошоў молодец
Да сам пошоў заплакал:
«Не счес(т)ливо маменька
Да сына спроводила;
На гулянье молодца
(Девки не злюбили)
Да во игру не брали».

в) Вдоль было по травке,
 Да вдоль по муравке
 Тут ходит-гуляёт
 Удалой молодчик
 (Он) кличѣт-выкликает
 Красную девицу:
 «Пойди-выйди, девушка,
 Пойди за ворота (2)
 Да выйди за широки
 Со мной со молодчиком
 Постояти,
 Со удаленьким
 Ричи говорити» –
 «Я тебя, молодец,
 Да узнала.
 Пухову шляпу
 Накладала,
 Русые кудѣрышка
 Завивала,
 Синь кафтан
 Да заплевала,
 Серебряные пугови
 Да застегала,
 Смазные сапожки
 Вытирала».
 Счес(т)ливо маменька
 Сына спроводила:
 На гулянье-то молодца
 Девушки злюбили.

а) Лител голубь мимо город;
 На лету голубь воркует, –
 Несет вес(т)ку про невес(т)ку,
 Про невес(т)ку про Татьяну.

Перед Теней стоит Ваня.
Таня ричи говорила:
«Девки в садику гуляли,
С руки перстень потеряли;
Хто найдёт перстень подымет
Я бы тому заплатила;
Я не деньгами, не мидью, – (не медью)
Я любовью дорогою,
Своей дивьей красотую».

При исполнении каждый стих или его конец повторяются.

20.

в) Пролител воробейко,
Спо гувнешку¹,

Да гой, гой спо гувнешку.

Що у нас на гувнёшке
Да людей немножко,

Гой, гой людей немножко:

Пятьдесят молодцов
Да сорок девок,

Гой, гой да сорок девок.

Еще ты, бурлак-дитинка,
Да сдогадайсе,

Гой, гой да сдогадайсе,

За красную девицу
Да смело принимайсе

Гой, гой да принимайсе;

Выбирай-ко себе
Да спо обычью

Гой, гой спо обычью,

Що по своему обычью
Да по мужичью,

Гой, гой да спо мужичью

По гумнешку, по гумну.

21.

- а) О двух концах (2 раза)
О двух концах яблонца (2);
Под яблонью (2)
Под яблонью крушица (2) (грушица);
Под крушицей девица (2),
Она рвет лис(т)ки (2),
Рвет листочки со цветами;
Она вьет венки (2),
Вьет веночки с городами (2).
– Я сама себе (2)
Сама себе сдивовалась (2):
«Ну, кому жо я? (2)
Кому ж я достанусе?» (2)
Доставалась старому (2).
Под старово с(т)лать постелька (2)
В три рядочка кирпича (2),
А в четвёртой ряд (2)
Шипица колючая (2).
Сголовьицо мягкое (2):
Колода дубовая (2);
Аой окуточка – (2)
Крапива жигучая (2).
Уж ты спи-ко, мой старой (2),
Уж ты спи-ко, чорт с тобой (2).

- в) О двух концах (2)...
 (И т.д., то же, что в предыдущем).
 ... Кому ж я достанусе? (2)
 Доставалась молодому
 Молодому с(т)лать постельку (2):
 В три рядочка войлочка (2),
 Перина пуховая (2);
 А сголовьицо (2),
 Сголовьицо парчевое (2);
 Одиялышко – (2)
 Шуба соболиная (2).
 Уж ты спи-ко, мой милой (2),
 Уж ты спи-ко, Бог с тобой (2).

- а) и в) (Поется два раза, след., с пением его ходят, один за другим, два круга, подряд).

Я хожу, хожу кругом города. (Sic! кругом.)
 Я секу рублю мечом ворота;
 Секу-секу: красных девушѣк ищу.
 Где бы, где бы красна девушка найти –
 Тут бы взял бы за правую за руку,
 Я обвѣл бы три разочка (в)круг кругу;
 Я поставлю па середочку
 Да на единую поволочку;
 (Половицу или половницу, половую доску)
 Уж мы сойдемсе-содвинимсе,
 Уж мы сойдемсе близѣхонько,
 Да поклонимсе низѣхонько,
 Да поцелуимсе милѣхонько.

а) и в) (т.е., как м предыдущей, поется два раза).

Как на нашей на сторонке (2)

Да хороша угода: (2 раза. Каждый стих и из остальных повторяется)

Хорош хмель родитсе;
 Там хороший хмель родилсе
 (В)круг колышка вилсе;
 Вилсе, вилсе, извивалсе;
 По тонкой тычинке, –
 Да вплоть до самые вершинки.
 Золотые винцы вьютсе,
 Серебряно лис(т)ьё,
 Да жемчужные шишки.
 Я пойду млада-младёнька
 В зелён сад гуляти,
 Во зелёной сад гуляти,
 Хмёлюшку щипати.
 Нащиплю я млада хмелю
 Хмелю садовово;
 Да наварю я млада пива,
 Пивушка пьяново.
 Созову я гостя в гости,
 Гостя дорогово –
 Да гостя в гости дорогово –
 Батюшка родново. –
 Мой батюшко пьёт, пьёт пиво,
 Да он допьяна не напьётсе,
 С умом с разумом сберётсе.
 С умом с разумом сбиралсе,
 Да домой убиралсе,
 Да оставлеёт меня младу
 На чужой сторонке
 На чужой-дальней сторонке
 Горюшка горевати;

Да горюшка горевати,
Тоски тосковати;
Только-то смию-розумию
Поскакати поплясати,
С молодцами поиграти,
С удалыми пошутити.

25.

Я бежу, бежу по поженьке
Да добегаю до часовёнки.
На часовёнке два голубя сидят;
Один голубь нечево-то не говорит,
Другой голубь выговаривает:
«Затря (sic) праздничёк Иванов-день
Мой-от миленькой гулять пойдёт,
Меня девицу с собой возьмёт,
На гулянье поцелуёт, обоймёт».
На гулянье говорила молодцу:
«Не женися, не женися, молодец,
Не женися, удалая голова:
С нами девушками жить можно,
Со молоденькими весело».

26.

- в) Я спо лугам шла,
Да по прилугам шла,
Да клубя ниточёк нашла.
Да клуб-от катитсе
Да ниточка тенитсе.
Да клуб-от дале, дале, дале,
Да ниточка доле, доле, доле.
Ещо нитка сорвалась
Девка за парня принялась.

Комментарий

Песни, «исторически связанные с движением»: кружки, городки

«Песни, исторически связанные с движением» – это обобщающее название, которое В.И. Ерёмина предложила закрепить за различными типами хороводно-игровых песен необрядного характера, представляется нам наиболее удачным в отличие от многих других, где в основу классификации положены признаки, допускающие возможность различного понимания и толкования: «драматический компонент», «лицедейство» и т.д.

«Связь с движением» – постоянный признак, позволяющий отнести к этой группе песни, связанные с движением в момент исполнения, а так же песни, утратившие со временем эту начальную связь, но которая восстанавливается по ритмической структуре текста.

В фольклорно – песенной коллекции М.Б. Едемского две группы песен, исторически связанных с движением. Первая группа – песни, записанные в д. Рыкаловской Тотемского уезда Вологодской губернии, по-видимому, в 1903 году на вечерованьях, вторая – в 1924 году так же в Тотемском уезде. В статье «Вечерованье, городки (хороводы) и песни в Кокшеньге Тотемского уезда» М.Б. Едемский обстоятельно рассказывает о характере бытования, манере исполнения необрядовых песен, подчеркивает их устойчивую связь с молодежной культурой, описывает ролевые формы общения, речевой этикет, даёт местное определение песен этого жанра.

«Название «городок»...обозначает и хоровод (круг), и процесс игры, и песню, какой сопровождается хороводная игра» (с. 495) – «Парадное развлечение кокшеньгской молодёжи» – форма предсвадебного общения, приуроченная к сезонно – календарным праздникам в период «Великого промежговенья», от Рождества до Великого Поста, а так же в Заговенье перед Петровками, в Девятую Пятницу, Иванов день, Ильин день». Едемский расположил городки в порядке их следования на вечерованье. Все двадцать шесть городков представляют сюжетно – законченный цикл, в котором есть зачин – «Захаживание», обозначение начала игры («Уж вы ершечки – ерши»...«Сколько на пече печины ...»), её любовно – брачный подтекст. Основная часть игры – сам городок, композиционно развивается в трёх вариантах.

Первая группа песен имеет символический характер («Летел голубь мимо горот», «Плыла, плыла, выдра», «Бежит зайко, бежит билько...»), «Пролител воробейко с-по гувнешку»), в которых животные являются символами игровых образов. Бобр, заяц, воробей – мужские персонажи, имеющие символические значения, подчеркивающие мужскую эротическую символику. Бобр и выдра – брачная пара, жених и невеста, заяц – «ярко выраженный мужской образ», часто фигурирующий в игровом и свадебном фольклоре в явной или завуалированной форме, подчеркивающий эротическую и фаллическую символику персонажа. Образ воробья неоднозначен. В преданиях и легендах он воспринимается как нечистая птица (предал Христа, выдав его преследователям), но в хороводно-игровых песнях образ воробья так же связан с брачной символикой. Прилет воробья предвещает близкое замужество.

Вторая группа городков – двухчастные песни. Их Едемский отмечает буквами «а», «в», они дают два варианта развития одной темы. К примеру, городок «О двух концах, о двух концах яблонца». Девицу занимает вопрос: «Кому жо я, / Кому ж я достануся?». Разыгрываются два варианта. В первом – девица достаётся «старому мужу». Это неравный брак. В этом случае девица сулит старому «...постельку / В три рядочка кирпича», «сголовицу» – «колода дубовая», «окуточка» – «крапива жгучая». Вторая часть песни – девица досталась «молодому», ровнюшке; постельку она стелит «в три ряда войлочка».

Третья группа городков («Я на реченьку ходила молода», «Я с-по жёрдочке шла», «Я во сад пошла» и др.) развивает тему любовного выбора, перечень требований, предъявляемых к избраннику или избраннице.

Каждый городок, замечает Едемский, завершается поцелуями, «целуются подолгу, с чувством...». Хотя следы архаической связи функции поцелуя с аграрно – продуцирующей магией сохранились: «Да поцелуй парня в уста, / Будет рожь часта / Да примолотиста:/ Що из колосу коврига, / Из полужерна пирог, / Из другово соченёк» – но поцелуй выполнял только игровую функцию в любовно – брачном контексте. Магический смысл забылся.

Возражая П.В. Шейну, Едемский утверждал, что в Кокшенье не было в городках концовки – «отдельного действия, напоминающе-

го «развод», но оговаривается, что, возможно, они и были в старину.

В экспедиции 1965 – 1966 годов «По следам М.Б. Едемского» студентка И. Смирнова, дипломная работа которой была посвящена городкам, записала 30 текстов. Информаторы (А.П. Сипина, А.В. Котюрина, В.И. Едемская) называли их кружками и утверждали, что каждый городок – кружок состоял из трёх компонентов: захаживания («Подле саду», «Заенько», «В хороводе», «Розочка алая», «С-по Дунаю»), собственно кружков, игры («Во лузях», «Груня», «Как на нашей на сторонке» и др.), разборных песен («За тынью», «Галина», «Через речку мосток»).

По-видимому, говорить о какой-то стабильности текстов и устойчивости порядка игры вряд ли возможно. В 70-х-80-х годах информаторы уже не различали «Городки» и «Улицы».

Поздеева Клавдия Клеоповна (60 л., д. Подкуст, 1972) исполнила (пропела) городок из трёх частей: 1. «Время солнышку из-за леса светить». 2. «Из-за гор-то я выскочу» + «Летел голубь мимо город». 3. «Таня в садике гуляла, с руки перстень потеряла». «Заячий городок (исполнялся в д. Заячья). О святках играли: девка – парень, девка – парень. Гуляют во всю избу ». Брагина Наталья (37 л., д. Доронинская, 1972, кол. 12, № 25) называет городки «Улицей»: «Робята придут, каждый себе разводит улицу»: 1. «Солнышко, времечко из-за лесу светить»; 2. «Вот я встала, вот пошла...»; 3. «Я по бережку ходила, гуляла...» – «Вот и вся улица, если народу немного».

В качестве кружковых песен в 1972 в Кокшеньге записаны: «Стало не с кем попить, погулять», «На плотичке, на плоту девка платье мыла...», «Потеряла я колечко», «Хорошие ребята, перевезите, нас, девок, за реку...» и другие. Таким образом, на место забытых фрагментов игры включались любые песни, которые можно было подчинить игровому ритму. М.Б. Едемский ещё в публикации 1904г. Отмечал «падение игры», связывая это явление с утратой «досельных обычаев». На смену городкам появляются танцы и нынешней, например, зимой уже в некоторых деревнях «гулели кад-рель».

В XX веке, с изменением общественной жизни, изменились формы молодежной культуры. Репертуар хороводно-игровых песен сохранился в пассивном состоянии, в памяти только представителей старшего поколения.

«Драматические» и «хореографические» компоненты в кокшеньгских городках выражены слабо. Движения однообразны. «Ходят истово, при общем пении...», сначала в одну сторону, по солнцу, потом «ломают городок» – круг, образуя «подковообразную двойную цепь», «с окончанием песни городок восстанавливается», принимая снова форму круга.

Городки в Кокшенье носили не только увеселительно-развлекательный характер. В ненавязчивой игровой форме они утверждали нормы общественной жизни и морали. В песнях обращается внимание на внутреннее достоинство молодых людей. О девице – «невесте баской», говорится, что она «дочь хороша», «поклонная дитя», «смирненная сестра». Девица отклоняет ухаживания парня, если про него идет худая «вис(т)ь»: «Будто ходишь ты по вольным домам, / Ты гуляешь по трактирам – кабакам, / Табачек-от, сударь, понюхиваешь, / Горьку трубочку раскуриваешь, / Красных девушек полюбливаешь...».

Персонажи городков, как правило, идеальные герои: красивые, нарядные, щедрые. «Красна девушка да написанная, / Набилена да намазаная», «черноброва, черноглаза», «на головушке платочек», «на рученьке перстенечек», «посередке шелковый поясок», «на белой груди поцепка», «на шеюшке жемчужок». «Молодчик молодой» подстать девице. На нем «голубой кафтан», пуговицы серебряны, «шляпа пуховая», «смазные сапожки», «во правой-то ручке тросточка да камышовая», «вдоль по тросточке – ала ленточка», – подарок девицы, знак расположения: «Да ленту девушка дала, / Лентой пожаловала». Парень так же делает девице символический подарок: «глиентуру на конуру» – материю на борушку, женский головной убор, «на рученьку перстенечек». Мотив обмена подарками – знак, подтверждающий привязанность, любовные отношения, взаимно расположение, в будущем счастливую семейную жизнь в любви и согласии: «Хорошо с милым живётсе, / - Не стоскнитсе!».

В 1924 году в Тотемском уезде Едемским записано ещё несколько городков.

Коллекция городков 1924 года отличается от ранней. Набор текстов не представляет сюжетного единства. Произошло сокращение за счет отсутствия припевов, повторов, объединения двух текстов в один вариант («О двух концах», «Не летай высоко...», «Я во сад

пошла» и др.). Основная масса текстов записана без указания конкретного места записи и информаторов.

Последующие экспедиции в район Кокшеньги (Балашов, «По следам Едемского» ВГПИ) подтвердили популярность хороводно-игровых песен. Почти на протяжении века сохранились, в состоянии пассивного бытования, в памяти информаторов старшего поколения, сюжеты городков «О двух концах яблоньца», «С-по лугу, лугу», «Я на реченьку ходила», «Я во сад пошла», «Летел голубь мимо город», «Вдоль по травке, вдоль по муравке», «Груня», «Как на улице торжок», «Хожу, гуляю вдоль по хороводу», «На часовенке два голубя сидят». Они по-прежнему назывались кружками или городками, а объединение 3 – 5 кружковых песен в один цикл – «улицами». Д.М. Балашов приводит текст «полной улицы», записанной в Верховье: «Солнышко, времечко из-за лесу светить», + «Ой, мы гуляли во зелёном во саду», + «Из-за гор-то я выскочу», + «Вот я встала, вот пошла», «Ой, летел голубь мимо город».

По-видимому этот процесс можно назвать циклизацией. Тенденции к циклизации возникает на поздних этапах жизни фольклорного жанра, когда происходит процесс его угасания, забвения. Стремление объединить в связный лирический цикл отдельные фрагменты вечеровальных песен, замена забытых кружков лирическими песня другого жанра, протяжными и частыми любовного характера («Время солнышку из-за лесу светить», «Потеряла я колечко», «Ребята-молодцы, перевезите нас, девок, за реку», «Стало не с кем попить, погулять», «На плотичке, на плоту девка платье мыла» и т.д.), варьирование различных мотивов и произвольный набор песен – свидетельства позднего этапа жизни молодежно-игрового цикла, хранящегося в памяти информаторов старшего поколения (60 – 70 лет) вне игровой ситуации, как песни – воспоминания.

Примечания

1. Еремина В.И. Классификация народной лирической песни в советской фольклористике. // Проблемы свода русского фольклора: Русский фольклор. Т. XVII/ – Л., 1977. – С. 107 – 119.

2. Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Камыкова Н.И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). – М., 1985.

Д. О. Осипов. Две девушки в день Семика. 1860–1870-е гг. Масло

1.

Ходила каледа
По святым вецерам.
Искала каледа
Борисова двора.
Борисов от двор,
Ен не мал, не велик –
На семидесяти столбах,
На восьмидесяти верстах,
Где хозяин-от сидит,
Красно солнышко пецет,
Где хозяйюшка сидит,
Тут свител мисяц пецет,
Малы детушки сидят,
Там цясты звездочки пекут
Кто дает пирога –
Тому двор живота,
А кто даст рогушек –
Тому целый двор телушек.
(д. Терехова – Малахова, Белозерского у.)

2.

Пришел еси к воротам:
Дома ли хозеин
С хозеюшкой?
И подайте-ко луцины,
Микольскую трапезку:
Старым посидеть
Молодым поиграть.
Ешше наша коляда
Не великая беда:
Она в двери не лизет,
В окошко шьет,
Прикажи, либо откажи,
Либо шубой одежи.

Виноградье («малое») (г. Великий Устюг, слоб. Дымково.)

Уж мы ходим, мы ходим по Кремлю-городу,
 Виноградье краснозеленое.
 Уж мы ищем, мы ищем господина двора.
 Госпдинов двор на семи верстах,
 На семи верстах, на восьмидесят столбах.
 Среди тово двора все трава-мурава,
 Што трава-мурава, трава шелковая,
 Трава шелковая, полушелковая,
 Ешшо около травы все железный тын,
 Што на каждой-то на тычинки по маковки,
 Што на каждой-то маковки по крестоцьку,
 Што на каждой-то крестоцьки по жемцюжку.
 Среди тово двора да тут три терема стоят,
 Да три терема стоят златоверховаты.
 В первом терему – свител мисец,
 В другом терему – цясты звезды.
 Свител мисец – там хозяин во дому,
 Красно солнце – хозяйка во дому,
 Цясты звезды – малы детоцьки.
 А хозяин во дому, как Адам во раю,
 Што хозяйка во дому, как оладья на меду,
 Малы детоцьки, как олябушки.
 Затем буди здоров, хозяин во дому,
 Хозяин во дому со хозяйюшкою!
 Александр да свет Васильевич.
 Он выходит, выступает из цветелочки своей,
 Вынимает из кармана валентиновый платок,
 Платком махнул, кольцо стряхнув,
 Кольцо стряхнув во сине-море.
 «Уж вы братцы мои корабельщички!
 Вы закиньте-ко три невода шелковые».
 Первый раз закинули – не выловили,
 Второй раз закинули – не выловили,
 Третьей раз закинули – не выловили,

Хоть и выловили да три рыбицы:
Перва рыбица – во сто рублей,
Друга рыбица – во тысячу,
Третья – то рыбица – цены ей нет.
Хотя есть цена, да во Питере.
Во Питере – в государевой казне.
Собирался князь в Яруславный град –
Иорданской водой умыться,
Святой гробнице поклониться.
Поклонился свет – воротился назад
Лисицами, куницами призывался.
Самолучша соболя во дары везет –
Своей семье, молодой жене.
Что Настасье свет да Егоровне.
Виноградие красно-зеленое.

4.

Уж я золото хороню (г. Красноборск, Сольвыч. у., Вологодская губ.,)

Уж я золото хороню, хороню;
Цветно серебро хороню, хороню,
Я й у батюшка в терему, в терему,
Я й у матушки в высоком, в высоком!
Мое золото пропало!
Цисто серебро пропало!
Пал, пал перстень
В калину, в малину,
В черную смородину.
Ощютился перстень
Да у дворенина
Да у молодова,
На правой на руцьке,
На малом мизинце,
Девушки гадали,
Да не отгадали.
Уж вы, кумушки, да вы, голубушки,

Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте.
Меня мати хочет бить
По три утра, по три прута,
По три прута золотые,
Во четвертой жимолостной.
Гадай, гадай девица,
В коей руцьке бильице
Змеяное крыльце.
Уж я рада бы гадать
Дай й отгадывати.
Через поле едуци
Да руссу косу плетуци
Шелком прививаючи
Златом присыпаючи,
Я вицю, вицю, вицю
Да за поповиця хоцю.
За которово попа,
Да за Романовиця.
У Романа у попа
Много хлеба, много соли,
Много кислых пшеи,
Решето сухарей,
Поваренка вшей,
Рукавица блох,
Да помилуй Бог!

5.

Виноградьё большое¹
Во поле, во поле
Во чистом во поле, (2)
Да на крутой на горе,
На зеленом на лужку
Да возле речушку,
На жеўтом на песку
Чей-двор-от стоит, (2)
Да чей высокой терем?

Двор от стоит
Да Ивана молодца;
А высокой терем
Да Марьи души,
Со крутым красным крыльцом
Да со косящатым окном, (2)
Да со хрустальным со стеклом.
А во том терему
Есть кровать тесова (2)
Да перина пухова,
Сголовьицо парчево
Да одиялышко тепло;
Оно бобром пушено,
Шеўком выстрочено (2)
Билью вывожено,
А на той же на кровати
Да не кум с кумой, –
Господин с госпожѣй
Да Иван-от с женой
Що ведь с Марьей душой
Да свет Михайловной,
А промежу ими катаўсе
Золочѣн перстень –
Не злачѣн перстень катаўсе –
Дума крепкая (2)
Да слово верное.
Они думали-гадали, –
Черна соболя сряжали
Да во чисто поле спущали.
Черной соболь-от идет
Да соболят стадо ведет –
Ивану молодцу
На шапочку да на бухарочку,
А Марье-то душе
(Да свет Михайловне)
На шубочку да на кошулечку.
Оне думали-гадали
Да белѹ лебедь сряжали (2)

По поднебесью спускали.
Белая лебедь идет
Да лебедят стадо ведет –
Ивану молодцу
Да на княжьей стоў,
А Марье душе
Да на кушанье,
Им на кушаньё да на рушаньё,
Они думали-гадали
Да червлён карб(л)ь снастили (2)
На сине море спустили,
Червлён караб(л)ь идет
Да живота² много несет –
Ивану молодцу
Да на житье да на бытье,
А Ивановой жёне
Да на богатис(т)во.

После каждых двух стихов этой припевки, равно как в следующей, «Виноградья малого», следует припев: «Виноградье красно-зеленовое (зелено мое?)». Почему одно «виноградье» называется большим, а другое малым, – я не мог получить от крестьян достаточно определенного объяснения; по-видимому, первое, несколько большее по размерам, является и наиболее древнею и наиболее торжественною припевкою. Большое виноградье под именем свадебной песни было единственной из кокшеньгских песен, попавших в собрании Н.А. Иваницкого в «Великорус» Шейна 1900 года (№ 1561, стр. 455) и, хотя оно покойному Н.А. было сообщено мною же, но так как туда вкрались некоторые редакционные неточности, то я решил здесь поместить его с надлежащими поправками.

¹ В записи сохранены главнейшие особенности языка. Чистых «ц» и «ч» в Кокшеньгском говоре нет, однако, та, где произносят близко к «ц», поставлена эта буква; то же относительно «ч». На конце слов и перед согласными «л» произносится как краткое «у», близкое к «в», и в большинстве случаев отмечено знаком «ў», местами – буквой «в».

² Имущества.

Виноградьє малое

Во поля-те я зайду –
Да тут поля широки,
Во лужья-те я зайду –
Да тут луга широки,
Во высок терем зайду
Да двери на пьту отворю: –
Да по-за золоту столу
Сидят бояра и князья.
Оне на ноги (в)стали
Да чашу пива наливали,
Чашу пива наливали
Да ведь Марье подавали,
Що ведь Марья приняла,
Столько до губ поднесла.
А до губ то поднесла,
Со того стала пьяна,
Со того стала пьяна,
Да сама спать ушла
Она за тридевать замков
Да за двенадцать сторожов.
Иван-от хоробер
Все замки-те приломаў
Да сторожев всех пригоняў,
Сторожёв всех притолкаў
Да до Марьи достапаў.
Що до Марьи доспупиў –
У их обьманьё пошло,
У них обьманьё пошло
Да поцелуи повелись.
Затем бить целом
Да с припевочкой
С Иваном молодцом
Да со Васильевичем,
Що со Марьей душой
Да со Михайловной.
Хоть не сойдитсе того –

Да вам на ножки стать,
Да на ножки стать
Да нам поклон воздать;
Хоть не сойдитсе того –
Да петь рублей на вино,
Хоть не сойдитсе того –
Да три рубля на вино,
Хоть не сойдитсе того –
Да один рублик на вино,
Хоть не сойдитсе того –
Да нам по рюмочке винца,
Нам по рюмочке винца
Да по братынечке пивца,
Хоть не сойдитсе того –
Да нам витушка¹ с колесо.

¹ Свадебный пирог, витий, из сдобного теста.

1. Ходила Каледа. Зап. Б. и Ю. Соколовы в 1908 г. в д. Терехова-Малахова Белозерского уезда. Соколовы Б. и Ю. – Сказки и песни Белозерского края. – М., 19 , 402.

2. Пришел еси к воротам. Зап. Ф.М. Истомин в 1893 г. Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записали: слова – Ф.М. Истомин, напевы – С.М. Ляпунов. Издано императорским Русским географическим обществом. – СПб, 1899. (Великоустюгский уезд, с. Бобровское).

3. Виноградье малое. Зап. Ф.М. Истомин в 1893 г., Великоустюгский уезд, слобода Дымково. // Песни русского народа. – С. 43.

4. Уж я золото хороню. Зап. Ф.М. Истомин в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии. // Песни русского народа. С. 177 – 178. (Песня святочных гаданий).

5. Виноградье большое. Зап. М.Б. Едемский в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина, 1910, Вып. 1 – 2.

6. Виноградье малое. Зап. М.Б. Едемским в Кокшеньге. // Живая старина, 1910, Вып. 1 – 2.

III. Песни святочных гаданий

1. Кузнец, ты кузнец,
Скуй мне венец
Серебряный.
Ладо ладу́,
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.
2. Стоят санки у лисенки,
Хотят санки уехати
Ладо ладу́,
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.
3. Идет мужик из улицы
Несет дубину вязовую
Ладо ладу́,
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.
4. Полноте, иголочка,
В коробочке лежать.
Пора тебе, иголочка,
Дары принимать.
Ладо ладу́,
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.
5. Рылась курочка на завалинке.
Вырыла колечушко серебряное.
Ладо ладу́,
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.
6. Идет щука из озера,
На ней чешуя серебряная,
Ладо ладу́,
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.
7. Летел соловей через житинку,
Несет соловей жита горсточку.
Ладо ладу́,

Кому мы поем,
Тому честь воздаем.

1 – 7. Записали в Белозерском крае в 1908 г. Б. и Ю. Соколовы.
Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. – М., 1915,
№№ 359, 355, 328, 357, 348, 353, 351.

«Свиной праздник»

«У севернорусских очень распространен «свиной праздник»».

В день праздника животное забивают и по возможности неповрежденным подают на стол; кости его не ломают. Его съедают с молитвами и заговорами. Кости обычно закапывают потом в хлеву, чтобы животные были плодовиты <...>. «Свиной праздник» ... «в Вельском уезде Вологодской губернии бывает <...> вечером 31 декабря. Ритуальные блюда при этом – кишки, т.е. свиная колбаса с овсяной мукой, и сморчки, т.е. шкварки из свиного сала. Совершался магический обряд перед едой: все члены семьи берут в зубы колбасу и трижды по движению солнца обходят на четвереньках вокруг стола приговаривая: чухи-рюхи, чух-рюх!, т.е. подражают хрюканью и движениям свиней. Затем все садятся за стол и приступают к еде. Цель этого обряда – обеспечить свиньям здоровье и плодовитость. На следующий день эти ритуальные блюда несут в церковь в образе Святой девы, ставят их пред ее ртом и говорят «Ты еси и нам даси», т.е. «ешь и нам дай». Видимо, закалывание свиней к 1 января связано с древнейшими обрядами жертвоприношения. Об архаичности его свидетельствует и коллективный общинный характер. Так, в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии, крестьяне в день Нового года рано поутру съезжаются на погост со всего прихода и каждый приносит свиные туши: кто четверть, кто половину, а кто и целую свинью... Туши эти жертвуются в пользу причта, а головы их кидают в общий котел и варят щи которые и съедаются всем миром. Обычай этот соблюдается очень строго и не пожертвовать в Новый год духовным лицам свинины считается непростительным грехом, т.к. жертва эта делается в благодарность за благополучие скота в прошедшем году и с целью умиловить Бога и предохранить скот от падежа в наступающем году. «В Никольском уезде 1 января приносят в церковь головы убитых свиней без рыл: после молебна с водосвятием священник окропляет головы святой водой, часть их откладывается для причта, а прочие варят в котлах и едят в ограде или трапезе угощая богомольцев и нищих».

Обряд записан Д.К. Зелениным в 1921 г. в Вельском уезде Вологодской губернии. Зеленин Д.К. Восточно-славянская этнография. – М., 1991. – с. 92 – 93.

«Опахивание деревни» – охранительный обряд, связанный с падежом скота.

«Ни единого огня не было в деревне, а мимо избы Ильи шли, белея в темноте рубахами, «девять девок, девять баб, десятая удова»; все босые, простоволосые, с метлами, дубинами, вилами, и стоял оглушительный звон и стук в заслонки, в сковороды, покрываемый дикой хоровой песнью: вдова тащила соху, рядом с ней шла девка с большой иконой, а прочие звонили, стучали и, когда вдова низким голосом выводила:

Ты, коровья смерть,
Не ходи в наше село! –

Хор на погребальный лад, протяжно вторил:

Мы опахиваем –
И, тоскуя, резкими голосами подхватывал:
со ладаном, со крестом...¹

Описание обряда И.А. Буниным безупречно в этнографическом и художественном отношениях.

Обряд был широко распространен как средство защиты животных и людей от эпидемий.

И.А. Бунин достаточно точно описал все компоненты обряда опахивания: время проведения – глухая ночь; костюмы – белые рубахи, босые ноги, простоволосые женщины; реквизит – сковороды, заслонки, соха, икона; произносимое на «погребальный лад» заклинание.

В Вологодской губернии, отмечает Д.К. Зеленин², кроме сохи женщины тащили перевернутую борону. «На перекрестке прочерчивают сохой крест и при этом закапывают в землю ладан... Под

¹ Бунин И.А. Деревня. – Собр. соч., М., 1956. Т. 2. С. 75 – 76. (1910 г.)

² Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. С. 96 – 100.

конец нередко закапывают в землю живьем собаку, или кошку, или черного петуха...» ... Этот обход готовится и совершается в полнейшей тайне, иначе цель не будет достигнута. Если опахивающие встречают на пути какое-либо живое существо, то животное (особенно черное) разрывают на куски, так как видят в ней олицетворенную коровью смерть (т.е. эпидемию), а человека забивают до полусмерти.

Часто опахивающие выкрикивают: «Зарублю! Засеку!» (Московская губ.), или «Секи его! Руби его!» на перекрестках ударяют о землю топорами» (с. 97).

Поют печальные песни:
Выйди вон, выйди вон!
Из подмёта, из села!
Мы идем, мы идем,
Девять девок, три вдовы,
Со ладаном, со свечьми,
Со горячей со золой!
Мы огнем тебя сождем,
Кочергой загребем,
Помелом заметём,
Попелом забьем!
Выйди вон, выйди вон! (с. 97)

В песне перечислены все используемые в обряде предметы и обозначено, для чего они нужны.

«Коровья смерть» представляется в виде женщины, которая способна представляться в разных животных.

«Коровью смерть» отпугивают огнем, криком, железом, наготой. очерченный сохой круг должен преградить путь эпидемии в деревню. Круг недоступен для нечистой силы. Закапывая живьем черных животных, персонифицирующих смерть тех, которые находились «в кругу», т.е. в деревне, считали, что они поглотили смерть полностью и ее закопали вместе с ними, и, таким образом, обезопасили деревню от эпидемии.

На севере России было принято во время эпидемий строить «обыденные» церкви, которые должны поставить за одну ночь (с. 100).

Заклипания и заговоры

1. Поверие при посеве ярового хлеба. Многие старожилы нашего уезда утверждают, что если куры в начале какой-либо весны несут яйца крупные, потом через несколько недель мельче, то первоначальный посев яровых хлебов в то лето будет лучше, чем второй, и второй лучше, чем последний.

2. Поверие при жатве ржи и овса. В некоторых местах Кадниковского уезда, при наступлении ржаной жатвы, каждая женщина, являющаяся в первый раз с серпом на полосу, сжинает первую горсть ржи и делает из неё себе пояс, которым опоясываясь говорит:

Как матушка рожь стояла год
Да не устала;
Так моя спинушка
Жать бы не устала.

И после третьего нажатого снопа, жнея снимает пояс. По окончании же ржаной жатвы, после обеда или ужина, бабы – жнеи катаются по жниве говоря:

Жнива, ты жнива!
Поддай мою силу
На овсяную жниву.

Когда кончается овсяная жатва, и когда уже овса остается не много на одном загоне³, то все рабочие одной семьи или их наемные работники, сделавши из себя круг, поджинают остальной овес со всех его сторон, и в самом центре обжатого таким образом круга, оставляют на полосе с горсть овса не сжатым, говоря к нему:

Флор да Лавер!
Приходите коня кормить.

Один сноп овса уносится с полосы в деревню и ставится в передний угол избы, а после обеда или ужина (как уже случится окон-

³ Загон – часть полосы.

чание жатвы – к обеду или ужину) этим снопом выгоняют мух из избы, говоря:

Мухи вы мухи,
Ступайте вы вон:
Мы работу свою кончили,
Простору нам давайте и волю.

Тем же снопом в день Покрова Божьей матери, кормят лошадей, коров, овец и других домашних животных с тою целью, дабы лучше они ели весь приготовленный для них на зиму корм.

Во время жатвы часто попадаются на полосу мыши гнезда. если в какое лето находят их на ржаных волотях ближе к колосу, то в такой год думают у нас об осени, что она будет сырая, и цена на хлеб возвышенная; но ежели встречаются мыши гнезда низко, у самого ржаного корня – ожидают здесь сухой осени и дешевизны хлеба.

3. Поверия, касательно нового дома. При поднятии в новый дом матицы⁴, привязывают к ней лукошко с вином и пирогами, и лишь только совсем положат матицу на свое место, пьют поднятое с нею вино и закусывают пирогами, поздравляя хозяев. Это исполняется некоторыми нашими сельскими плотиками для того, чтобы хозяевам в новом доме было что пить и есть.

Все жители нашего уезда, при перехождении своем в новый дом, прежде всего переносят туда кошку и петуха, первую для того, чтобы мыши и крысы в новом доме никогда не водились, испугавшись раннего её там появления, а последнего – для освобождения дома от нечистых духов, подражая свой старинной пословицы:

Спел петушок,
Освятит вечерок.

Многие из наших простолюдинов первый ломоть хлеба, отрезанный за первым обедом в новом доме, зарывают в землю на вышке, в правом углу над избой, приговаривая:

⁴ Матица – поперечное, вытесанное брусом бревно в ширину всей избы, поддерживающее потолок ея.

Кормильчик, кормильчик⁵!
Приходи в новый дом,
Хлеба здесь кушать
И молодых хозяев слушать.

По переводе в новый дом коров, старший хозяин говорит дворовым:

Кормилец батюшко!
Кормилица матушка!
Как я люблю этих коровушек
Чернухонек, сивухонек
Так и вы их любите.

Если случится переходить и в старый дом новому хозяину, то прежний владелец дома непременно должен дать новому стол, дабы на нем, как и прежде, водились хлеб-соль. Это последнее поведение соблюдается почти всеми жителями и города Кадникова.

Заклинания и заговоры.

1 – 3. Записаны учителем г. Кадникова в 1918 году. Кичин Е. Историко-статистические заметки по г. Тотьме и Кадниковскому уезду//Архив географического общества, разряд 7, оп.1, № 15. Е. Кичин называет обрядовые формулы «поверьями». Перепечатано: Майков Л. Великорусские заклинания // Записки РГО по отделению этнографии. – СПб, 1869. Т. 2. №№ 283, 356, 366, 280.

4. Пастушеский заговор. (Скотский оберег)

Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Господи, благослови, истинный Христос. В моем широком дворе закладное, краевое бревно упоместилось. Как закладному бревну в лесе не бывать и на пеньке не стаивать, так бы и мою скотинку медведю, и медведице, и медвежонку, волку, и волчице, и волчонку, и росомахе, рысе, век живучи, не хватывать, не цапывать и не утаскивать. Ходила бы моя скотинка в темном лесе, в чистом поле, в зеленых лугах безызынно и беспропаду, и медведю бы, и медведице, и, медвежонку, волку, и

⁵ Кормильчик, кормилец – домовый-хлевник.

волчице, и волчонку, и росомaxe казалась бы она пенъем да колодою. Медведю, и медведице, и медвежонку, волку, и волчице, и волчонку, и росомaxe, и всякому хищному зверю в лес бежать, а моей скотинке из темного леса, из чистого поля, с зеленых лугов ко скотному двору. Солнышко праведное пониже, а мои скотинки Власевы к дому поближе. Слово мое крепко. Ключ, замок. Во веки веков. Аминь.

Записан А.А. Шустиковым летом 1904 г. Заговор списан с тетради, принадлежащей пастуху из Тотемского уезда. Пастух знал заговор наизусть, но считал, что его надо читать, иначе «никакой силы не будет, лучше не грешить». (Живая старина, 1907., вып. 2. – С. 65 – 66).

5. От дворовых и лещих.

На Страстной неделе в среду рано утром и поздним вечером ребята бегают с коровьями колоколами около деревни, приговаривая: «Около двора железный тын!»

А хозяйка дома до рассвета трижды обегая около дома, нагая, приговаривая: «Около двора железный тын; чтобы через этот тын не могли попасть: ни лютый зверь, ни гад, ни злой человек, ни дедушко – лесной!» По третьем разе хозяйка трижды перекатывается на двор через ворота, приговаривая: «Чтобы род и плод увеличился!»

(Л.Н. Майков, № 366. Белозерский уезд).

6. К лещему. В Великий четверг ходят за муравейником и при входе в лес говорят: «Царь лесной, царица лесная! Дай мне на доброе здоровье, на плод, на род! (Л.М. Майков, № 366, Белозерского уезд).

**Реконструкция крестьянского обрядового календаря
(по материалам коллекции А.А. Шустикова, 1893 – 1895 гг.)**

Идея изучения фольклора в этнографическом контексте не нова, хотя на практике собирательской и исследовательской работы учитывается далеко не всегда. Зачастую наши представления о бытовании фольклорных жанров складываются на основании региональных сборников, которые чаще всего демонстрируют работу собирателя, его вкусы и пристрастия, но не отражают реальную картину бытования фольклорных жанров, их трансформацию, функциональное назначение.

В этом плане бесценным источником изучения эволюционных процессов в устной поэтической традиции являются фольклорно-этнографические коллекции местных краеведов, работавших по программам Русского географического общества (далее – РГО), «Живой старины», «Этнографического бюро» Тенешева. Фольклорно-этнографическое собрание Кадниковского краеведа А.А. Шустикова (1859 – 1929 гг.) уникально и неповторимо. Его бесспорная ценность не в большом количестве разнообразного материала, а в принципах его освещения: крестьянин по происхождению, большую часть жизни связанный с деревней, он сам был носителем крестьянского фольклорного сознания. Этот факт определяет уровень научного доверия к материалам и позволяет зафиксировать не просто набор фольклорных жанров, характерных для региона, а восстановить, что особенно важно, естественный процесс бытования фольклора в эпоху ломки общественных отношений конца XIX – начала XX века (1883 – 1914/1919 гг.), в период революции и гражданской войны.

Собирательская работа в Кадниковском районе просматривается с 60-х годов XIX в. И четко разделяется на два периода по принципам отношения к материалу. Первые этапы связаны с именами В. Кичина, Е. Кичина, Н. Попова, П. Воронова, П. Шайтанова, их отличает субъективное отношение к материалу, фрагментарность записей – уровень «краелюбия». Второй период начинается примерно с 80-х годов. В основе его лежат принципы демократического

народоведения-краеведения. Это время Н. Иваницкого, П. Дилакторского, М. Ордина, М. Едемского, А. Шустикова.

В материалах Шустикова зафиксирован почти полувековой фольклорный слой культуры, в котором закреплена характерная для этого региона иерархия жанров, отражающая процесс переработки предшествующей фольклорной традиции, ее оформление в новую систему.

По активности бытования на первом месте стоит несказочная проза (предания, былички, бывальщины), отдельные обряды аграрного характера и лишь на третьем – песни, частушки (таратушки, голосянки, сборохи). Ниже мы рассмотрим комплекс календарных обрядов, особенность их функционирования и специфику в Троичине Кадниковского уезда, Тавреньге Вельского уезда Вологодской губернии в конце XIX в. (1893/1895 гг.).

Все обрядовые действия, связанные с севом, жатвой, уборкой урожая носят гиластический (умиловительный) оттенок: «При посеве озимого не едят в поле ничего», «В начале пахоты и сева едят толокно с квасом», «Яровое сеют с просфорой», «Соломат не едят, пока не поставят первый зарод сена» – стараются, как объясняет Шустиков, «разжалобить землю бедностью». В Тавреньге и Троичине «хлеба своего не хватает, хотя земли много», а «урожаи бывают один раз за десять лет», «сена не хватает».

Трудность обработки земли, мелкополосица, чересполосица, урожаи определили особый характер контактов с природой, духами-покровителями земли, лесов и рек, породили огромное количество оберегов, заговоров, заклинаний, поверий, гаданий. При начале косьбы, точут косу, заклинуют: «Коси, коса, гладко, люби, коса, лопатку, лопатке – песок, косцу – пирожок» (Троичина. С. 121). Когда гордят отсек для скота, не едят весь день, чтобы не съел медведь коровы, не борются, чтобы не было борьбы коровы с медведем, не дерут коры, чтобы медведь не задрал корову и т.п. (Троичина. С. 121 – 122).

Основным действием дожиночного обряда было завивание пожинальной бороды для Ильи. Слово в этом обряде обретало предметную значимость и ценность: «При окончании жатвы овса оставляется на последней полосе часть, с один сноп, не более, несжатою, и к концу жнива вся семья приходит дожинать эту полосу, храня гробовое молчание и оставляя недожатыми несколько волокон, ко-

торые берет наибольший из семьи и, закручивая их, не срывая, говорит: «Вот тебе, Илья, борода, а ты пой и корми моего дорогого коня» (Троичина, с. 123). Таким образом, участники обряда, как бы выкупали себе будущий урожай. Формула-благодарность обретает предметность, обозначает состоявшийся контакт с Ильей. Обычай хранить молчание во время завивания бороды таит в себе следы магии подобия: «Чтоб скотина зимой не ревела». Сноп, принесенный с этой полосы, хранится до Покрова, а потом скармливается скоту, чтобы «скот не околел с голоду и холоду во время зимовки» (Троичина). Следы симпатической магии видны в обрядах катания с гор в масленицу, когда женщины старались прокатиться на корежках (санках) как можно дальше и прямее, чтобы лен длинный рос; поднимали сноп во время жатвы: «уродись вот такой»; чтобы спорился хлеб, кладут в амбар какую-нибудь глиняную чашку или горошек, наполненный всяким житом, при настилении потолка к матрице привязывали каравай хлеба и соль, чтобы «жилося сытнее» (Троичина, Тавреньга).

Архаический компонент в обрядах довольно устойчив. Весь уклад крестьянской жизни определялся нормами общения с природой, под влиянием которых формировался этикет поведения во время полевых и домашних работ. В системе обряда сохранились черты мифологических представлений, связанные с почитанием Солнца. Шустиков пересказывает, бытующие в уезде предания о женщине, которая нарушила запрет: во время жатвы, в полдень, когда нещадно палило солнце, она грубо крикнула ему, чтобы оно ушло. И женщина превратилась в каменную бабу.

Этот пример интересен сохранность своей исходной формы (запрет – нарушение запрета – последствия), не утратившей к концу XIX века своего первоначального смысла.

Попутно можно заметить, что мифологический компонент проявлялся не только в календарно-обрядовых действиях, но и в быту. Шустиков отмечает, что некоторым крестьянам-охотникам фамилии заменяют прозвища: Олень, Волк, Лисич; у крестьянина сгорел дом, потому что он неуважительно относится к огню; во время обряда опахивания деревни женщины были простоволосы и распускали волосы.

Календарно-обрядовые действия в Тавреньге и Троичине отличаются узкосемейный, а не коллективно-общинный характер. В этно-

графических заметках Шустикова можно найти убедительное объяснение: это не следы угасания обряда, а результат приспособления его к новым бытовым условиям: «с отменой крепостного права крестьяне на работу вместе не собираются, работают в одиночку, на своих полосах, за 10 – 15 верст от дома» (Троичина. С. 75).

Как региональную особенность необходимо отметить стойкую тенденцию к переосмыслению трудовой аграрно-магической основы обрядов в празднично-игровую. В зимне-весеннем цикле обрядов, несмотря на сохранность некоторых архаических форм типа хождения со звездой, величаний-колядок («хозяину с хозяйкою...»), сохранившихся от времен формирования большой патриархальной семьи, остатков женской братчины, похорон жировки, архаических масок на святках («предки») – отмечается трансформация обрядовых форм в «игрища», «катанья», «хороводы», то есть в празднично-увеселительный комплекс. Наглядное тому подтверждение – обряд Масленицы в Троичине. Празднично-игровой характер определяет его ритуал, где обрядовые действия отнесены на второй план. Традиционное сжигание чучела Масленицы заменено окуриванием вересом дома, построек, скотины и «очищением домочадцев» (перешагивание через сковороду с горящим вересом), сжигание на реке Кубене накопившегося за год мусора.

Все это результат ослабления аграрного начала в обряде и свидетельство перекодировки старой фольклорной традиции в этнографическую реальность. Собранный Шустиковым материал позволяет судить о характере изменяемости традиционного обряда на определенной исторической стадии. Обряд сохраняет синкретическую структуру, внетекстовые связи, но утрачивает цельность и законченность цикла, теряет отдельные обрядовые звенья, фольклорный текст. Происходит сужение сферы функционирования традиционного обряда, но, претерпев определенную эволюцию, обряд продолжает жить, впитав в себя нефольклорный по своему происхождению, материал. Возникает региональный вариант коллективного обряда аграрного типа, приуроченный к христианскому календарю, но своими корнями уходящий в дохристианскую древность.

Речь идет об особенно почитаемых в Кадниковском регионе христианских праздниках, которые разделяются на две группы: Рождество, Пасху и те, «в которых варят пиво». Это 18 августа (Фрола и Лавра), 20 августа (Ильи Пророка), 1 октября (Покрова Богороди-

цы). Реже в качестве «пивных» фигурируют зимний и вешний Никола Чудотворец (6 декабря и 9 марта), Рождества Богородицы и другие. Подробно описаны лишь два: Фрола и Лавра и Ильи Пророка.

Материалы Шустикова позволяют их рассматривать в обрядовой структуре. Эти праздники логически вписываются в календарный обряд как его логическое завершение или как его составная часть.

В качестве заключения можно сделать следующие выводы: для Кадниковского региона конца XIX – начала XX века характерна деформация календарно-обрядового цикла, изменение акцентов того или иного календарного праздника, замена традиционных коллективных действий индивидуальными, гиластический характер всего обряда, преобладание этнографической сюжетики над фольклорной, вытеснении языческой символики христианской.

Морозов И. А., Слепцова И. С. Праздничная культура Вологодского края. – ч. 1 // Российский этнограф. – М., 1993. (выборочно)

Поздравительные обходы домов

КАЛЯДА, КОЛЕДА (д. Новоселово, д. Тимошино, д. Ганютино), КОЛЯДУ ПИТЬ, КОЛЯДУ ИЛИ КОЛЕДУ ПЕТЬ (д. Терехова-Малахова, д. Абаканово, д. Конец, д. Мондра), КОЛЯДУ СОБИРАТЬ (д. Починок Кадуй., д. Кузьминская Кадуй.), КОЛЯДОВАТЬ (д. Абаканово), С КОЛЕДОЙ ХОДИТЬ (д. Большой Двор В.-Уст., д. Селиваново, д. Телячье), КАЛИТОЙ ХОДИТЬ (д. Максимово).

Колядование. это есть рождественский или новогодний обход односельчан с поздравлениями и благопожеланиями уже в первые десятилетия нашего века встречалось далеко не повсеместно. Наиболее полные тексты коляд (песен, исполнявшихся при этих обходах) встречаются в западных и южных районах. В северной и северо-восточной части края колядой часто называли звезду, которую носили с собой участники обряда христославления, а само колядование к этому времени уже не было известно.

Обход, как и в иных местностях России, чаще всего совершался в Рождественский сочельник, то есть вечером накануне Рождества. В Присухонье участники обхода исполняли обычно «виноградия», некоторые из которых были очень близки к хороводным и величальным песням. А. Шустиков, записавших одну из таких песен («Как по морю, морю синему, / Виноградие краснозеленое, / По синему по морю хвалынскому»), отмечал, в частности, что «крестьяне разных деревень Турундаевской волости в первый день Рождества Христова, собравши хор в 12-15 человек, ходят к своим знакомым со звездою и по окончании рождественских стихов обязательно поют хозяину с хозяйкою эту старинную величальную песню».

На северо-востоке (Сольвычегодский и Великоустюгский уезды) виноградья почти не отличались от коляд и могли исполняться в сочельник, а в следующий вечер, независимо от «славления». Вот наиболее часто встречавшийся тип текста виноградья в этой части Вологодского края:

- Уж мы ходим, мы ходим
По Кремлю городу.
Виноградье красноезеленое (после каждых 2 строк)
Уж мы ищем, мы ищем
Господинова двора.
Господинов-то двор
На семи верстах,
На восьмидесяти столбах.
Среди того двора
Все трава-мурава.
Что трава-мурава,
Трава шелковая.
Трава шелковая,
Полушелковая.
Еще около травы Все железный тын,
(вар.: Тут трава шелковá –
Муравáя.
По траве округ двора
Тут железный тын. – г. Устьсысольск)
Что на каждой на тынинке
По маковке,
Что на каждой-то маковке
По крестичку (вар.: по жемчужку),
Что на каждом-то крестичке
По жемчужку.
Среди того двора
Да тут три терема стоят,
Да три терема стоят
Златоверховаты.
В первом терему –
Светел месяц.
В другом терему –
Красно солнце.
В третьем терему –
Часты звезды.
Светел месяц –
Наш хозяин во дому.
Красно солнце –

Хозяйка во дому.
Часты звезды –
Малы деточки.
А хозяин во дому –
Как Адам во раю.
Что хозяйка во дому –
Как оладья на меду.
Малы деточки – Как олябушки (вар. : олядушки)
Затем б'уди здоров,
Хозяин во дому,
Хозяин во дому
Со хозяйюшкою!
Далее говорили речетативом:
Нас хозяин-от дарил
По рублевичку,
Хозяйка-то дарила
По полтиночке,
Служаночки –
По полушечке.
Еще коляда
Не великая беда:
Не рубль, не полтина –
Одна пива братина,
Четверик пирогов –
Все гороховиков,
Гороховиков,
Сыромазаников.
(вар.: Уж как наша коляда
Невеликая беда.
Невеликая беда:
Только скляница вина:
Только скляница вина
Да тарелка пирогов;
Что тарелка пирогов,
Все гороховиков! – г. Устьсысольск (В.-Уст.)

По свидетельству А. Неуступова, в Кадниковском уезде в начале века колядовали чаще всего девочки, в то время как славили

обычно мальчики или взрослые. «Девочки ходят под окна избы и поют коляду:

- Коляда, ты коляда
Ходила коляда
По святым вечерам,
Искала коляда
Государева двора.
Государев двор
Середь Москвы
Середь ярмарки!
- Хозяюшка, подай пирога!»

В некоторых деревнях сохранилась и такая архаическая деталь, как ряжение колядовщиков: девушки переодевались «в мужское», «здоблялись баск'им» (т. е. наряжались в красивое) или рваным, лапти с оборами, лицо платком закроем, чтобы не узнавали, и коляду пили:

- Коляда, коляда,
Тетка (вар.: бабка), дай пирога!»
(дд. Кузьминская, Кадуй, Абаканово)

Тексты коляд несколько различались по районам. Скажем, в Вашкинском р-не девочки и мальчики лет 14-ти «утром рано, примерно в 6 часов под окошком хавкали («г'улом все кричали»):

- Коляда, коляда,
Накануне Рождества!
Мы ходили, мы искали
Святую коляду
По всем по дворам,
По заулочкам.
Нашли коляду
У (Ивана) на дворе.
(Иванов) двор –
Железный тын.
Среди-то двора

Три терема стоят.
Как во первом терему –
Красно солнышко,
Во втором терему –
Алы звездочки,
А в третьем-го терему –
Малы детушки.

Хором: «Коляда-а-а!» После этого один из колядовщиков заходил в дом, где ему подавали пироги, сахар. Хозяевам, которые много давали, пели:

- Дай тебе Боже
Семь(де)сят коров,
Пятьдесят нетелей,
Чтобы по полю ходили –
Только взбрыкивали,
Домой приходили –
По подойнику доили,
По ушату накопили.

Хором: «Коляда-а-а!» Если же колядовщикам подавали плохо, то они исполняли другую припевку:

- Дай тебе Господи
Одну корову
И ту нездорову.

Близкий текст исполняли девушки, став на мосту (в сенях), в деревнях Белозерского района:

- Каляда, каляда!
Зародилась каляда
Накануне Рождества.
Мы искали каляду
По заулочкам,
По задворочкам.
Мы нашли каляду

На поповом на дворе.
А попов-то двор
На семьдесят верстах,
На восьмидесяти столбах.
Хозяин, хозяйюшка,
Дай каляду!
Кто даст каляду,
Тому двор живота,
А кто не даст каляду,
Тому кошка в окошко,
Гнилые глаза!

(дд. Ганютино, Конец, Мондра)

Последние слова обозначали, что у того, кто поскупится, «курицы околеют, кошки околеют, глаза выскочат» (д. Тимошино).

Совершенно особую колядку пели в д. Монастыриха. Там во время обхода, устраивавшегося детьми под Новый год, собирали не угощение, а лучину, чтобы потом сжечь ее посреди деревни. При обходе пели:

- Коляда, коляда,
Не широко шла,
В двери-то не лезет,
В окошко шьет,
Сыр-масло берет,
На окошко кладет.
Дайте лучинки
На Новый год,
Старым посидеть,
Малым поиграть,
Потешиться,
Порешиться!
Кто не даст лучинки –
Тому сосновый гроб!

Лучину чаще всего использовали для освещения избы на игрище. По свидетельству С.В. Максимова, «в Кадниковском уезде

мальчишки 7 – 10 лет ходят по избам собирать лучины на вечера, причем распевают такие песни:

- Коляда, коляда,
Заходила коляда,
Записала коляда
Государева двора.
Государев двор
Среди Москвы,
Середь каменные.
Кумушка-голубушка,
Пожертуйте лучинки
На святые вечера,
На игрища, на сборища.

Если лучины дали, то в благодарность еще поют:

- Спасибо, кума,
Лебедь белая моя,
Ты не праздничала,
Не проказничала,
На базар гулять ходила,
Себе шелку накупила,
Ширинки вышивала,
Дружку милому отдавала.
Дай тебе Господи
Сорок коров,
Пятьдесят поросят
Да сорок курочек!

Если же лучины не дали, пожелания принимают совсем другой характер:

- Дай же тебе Господи
Одна корова
И та нездорова,
По полю пошла
И та пропала!»

Ряженье

Вологодских ряженных можно условно разбить на две большие группы: «люди» (антропоморфные персонажи) и «животные» (зооморфные персонажи). Группа антропоморфных персонажей довольно разнообразна. В нее входили старик и старуха, цыган и цыганка, покойник, белая баба или смерть, становой пристав или урядник, кузнец, рыбак, мельник, солдат. Кроме того у ряженных-«животных» нередко был хозяин – поводырь, вожак, цыган.

Наиболее популярными зооморфными персонажами были медведь, лошадь, бык. Нередко упоминаются гусь, журавль, курица или петух. Реже – коза, лебедь, собаки, овцы, верблюд.

Обходы домов ряжеными

I. СТРАШНЫЕ НАРЯЖОНКИ, СТАРИКИ И НИЩИЕ. Итак, все ряженные делились на две группы – страшны́е или смешны́е (именно их чаще всего называли кулесáми, кулешáми или кикимо-рами) и красивые или баски́е. И те, и другие обходили все дома в деревне. Первые отличались от вторых прежде всего одеждой: «Раньше вы́рядятся кулесо́м – как смешнее вырядятся. Выражу́хи – дак это когда ба́ско вырядятся, а как тряпье оденут, так это кулеса́» (д. Монастырская). Вот еще несколько описаний «страшных» наряжонок: «Ходили куляша́ми – наредяцца в ря́ски (= тряпье), худой пиджак, лицо завяжут платком, шалью – только глаза видать (д. Биричево). «Куляши́ наредяцца в шу́мное (=шубное, то есть в меховое), с заплатами, рукава разные, на головах тюрики́ (=остроконечные колпаки с рогами) да маски – и по деревне ходят по-под окошком» (д. Паново Кич.-Гор.). «В святые вечера ходили куляши – в полушубках, в туфлях на босу ногу, с бородой; лицо платком завязывали, чтобы одни глаза было видно; они в избе попляшут, а им за это роскоши дадут: конфет, орехов, пряников» (дд. Рябьево, Панкратово).

Весь наряд страшных наряжонок был построен на принципе «оборотничества»: переодевание в одежду другого пола (женщин в мужскую и наоборот), использование разных необычных, порой несовместимых элементов одежды и обуви («рукава разные», «шубу навыворот»), «на одну ногу надевали лапоть, на другую катанок»,

«на голове корзина или горшок»). И, наконец, к этому можно добавить прямые указания на «звериный» облик («куляши выворачивали шубу и заходили в избу на четвереньках», «надевали колпак с рогами: набивали штаны соломой и приделывали к голове как рога»). Вообще все без исключения зооморфные персонажи ряжения относились к страшным наряжкам.

Поведение страшных вполне оправдывало их название и устрашающий облик: они запугивали девушек и детей, заглядывая и стучали в окна; со стуком и звоном колокольцев, привязанных к одежде, врываются в избы и устраивали там шумные разудалые пляски, которые сопровождалось опрокидыванием кадок с водой, а порой и попавшейся под руки квашни с тестом, обсыпанием домочадцев золой или пеплом и прочими выходками. Одним их неперемных условий было стремление остаться неопознанным. Для этого не только прикрывали лица тряпками или платками, вымазывали их сажей, мукой, свеклой или клюквенным соком, навешивали бороды или усы из пакли или конского волоса, но и покалачивали тех, кто пытался приблизиться и опознать пришедших. Именно с целью не быть узанными ватаги ряженных уходили в соседние деревни, а также изменяли голос при пении и общении друг с другом – «переменяли рець на грубу или тонку» (д. Кузьминская, Тарн.).

Во многих местах входящих в избу наряженок встречали специальными песнями. «Как нарядами придем в другую волость, так они песни нам пели, стрица'ли с песнями как нарядах. Заиньком пели («Заинько по сенецькам гуляй таки гуляй!»): от прибежат да там народ сидит, да вот захватяца руками, да вот и пляшут около йих, а они и поют, и мы поем вместе» (д. Кошево). «Прибегаем наредихами – вот тут народ, сидят. Дак от мы приходим, они встают – нам руку подают, здраствуюцца. Мы пляшем, поем, они стоят, подпевают» (д. Калитинская). Нередко каждый из присутствовавших обязательно должен был поприветствовать пришедших нарядах. Так, в д. Дудинская игра «Заюшко» завершалась словами: «Заюшко, попытайся у ворот, / Серенькой, да поздоровайся!» - после чего все по очереди подходили к наряжухам и, взяв их за обе руки, говорили: «Здравствуйте!»

Во многих деревнях Верховажского и Тотемского районов каждый из пришедших наряженок непременно выполнял несколько фигур пляски или хоровода с присутствующими в избе девушками.

Церемония очень напоминала хороводную наборную игру, при которой «Женихами» были ряженные. Сами ряженные обычно пели короткие плясовые песенки.

К страшным наряжухам относились также «старики». Их костюм кроме вывернутого наизнанку полушубка мог включать привязанные к поясу или к шее старые лапти, пучки мятого, но не чесанного льна; на голову надевали берестяные туески, корзины, горшки или даже чугуны. Очень распространенными дополнениями к наряду были различные смеховые эротические элементы, возможно, привнесенные в более позднее время из нарядов свадебных ряженных, например, коровий колокольчик (колоколо́) на шее, в руках или между ног (его подвешивали и к одежде – спереди или сзади), морковка или заячья лапка – символы плодородия, половой потенции. Иногда на шею вешали шаркуны – связку лошадиных бубенцов, которые некогда, видимо, помимо своеобразного «аккомпанемента» при пляске, выполняли защитную, отпугивающую нечистую силу функцию. Вероятно как замену колокольцев можно рассматривать подвешивавшиеся к одежде картофелины, луковицы, пришивавшиеся к рукавам «для басоты».

Действия стариков не отличались особым разнообразием, хотя встречаются упоминания об участии стариков в различных сценках ряженных. Одну из таких сценок, предшествовавшую игре «в женитьбу», описал крестьянин из д. Ягрыш в конце прошлого века. «Часу во втором-третьем приходили ряженные – «старички». Приходило ряженных двое, трое, много – четверо. Между ними всегда бывали «старик» и «старуха». На «старике» одежда – вывороченная шуба или кафтан; на лицо надета маска из бересты, с выведенными углем бровями, с бородой из кудели и с пришитым носом тоже из бересты. На спине у «старика» горб, но такой большой, что его можно принять скорее за котомку. На «старухе» – старый холщевый красильник; лицо закрыто тряпкой, и кроме того, выпачкано сажей, к спине тоже приделан горб.

Сначала «старички» пугали своим нарядом девушек и нас, детей, а затем начинали «представление».

Обыкновенно изображали, что умерла «старуха». «Старик» плакал, говорил, какая у него жена была хорошая... «Старуху» вспрыскивали водой. Она, как бы очнувшись, вскакивала, наступало общее веселье «старичков» и пляска. «Старуха» рассказывала сон, ко-

торый она видела во время «умертвия». Иногда рассказывала очень гладко и увлекательно.

На радости «старички» начинали «варить пиво», что всегда изображалось до мельчайших подробностей...

По окончании «варки пива», «старички» брали на себя обязанности женачей и начиналась «женитьба». После игры ряженные уходили и игрище прекращалось».

К концу XIX века на наиболее архаические и менее сохранившиеся мотивы (обход домов с благопожеланиями хозяевам, стремление быть не узванными и стремление хозяев узнать пришедших, умирание и воскрешение и др.) наложился мотивы и верования, связанные с народным представлением о роли «убогих старцев», «ка'лик перехо'жих». На Руси издавна утвердилось отношение к нищим и «каликам», как к «божьим людям», посланцам Бога на земле. Не случайно поэтому, что в некоторых легендах Бог или Иисус Христос появляются перед людьми в образе нищего странника. Те, кто не внимает его смиренной просьбе о подаянии или ночлеге, обязательно бывают наказаны за жестокосердие и скупость.

Святочные старики, как правило, либо молчали, либо говорили «по-кудесью». Например, в д. Паршино ряженные-«старухи» плясали под глубокий горловой звук: «О-о-о!» В д. Юркинская они брали в рот маленькую картофелину и о чем-нибудь говорили между собой («куда-то пойдем», «что-то сделаем»), подкрепляя свои намерения соответствующей жестикуляцией, которая в большинстве случаев и была их «основным языком». В д. Пяжелка кудеса (в том числе нищие и старики) также разговаривали с хозяевами и друг с другом сдавленным горловым голосом – просили поиграть для них, сплясать с ними, закурить и т. п.

КРАСИВЫЕ КУДЕСА (Кирилл., Белоз., Вашк.), БАСКИЕ НАРЯДИХИ, НАРЯДИХИ, НАРЯЖУХИ (Верхов., Тарн.), ВОРЯЖОНКИ (У.-Куб., Кирилл., Тот., Сямж.). В святки у девушек появлялось больше возможностей показать себя с наилучшей стороны перед женихами и их родней, ведь игрища привлекали множество зрителей, которые приходили для того, чтобы присмотреть себе жену или невестку.

Отправляясь в такие обходы, надевали свои самые лучшие наряды, отчего этих ряженных и называли обычно баски'ми, красивы'ми или наряжу'хами, нареди'хами, воряжо'нками. Иногда такого

рода ряженных противопоставляли страшны́м (ряженым в зверей и нечисть), причем одно и то же слово в разных районах и даже деревнях могло обозначать и то, и другое. Например, наряжухами в одних случаях, наоборот называли страшных наряженок в противоположность красивым, а в других случаях, противопоставляли наряжух кулеса́м, то есть страшным наряжонкам. В Верховажье можно встретить и противопоставление наряжу́х («красивых») наряжо́нкам («страшным»).

Наряд баских наряженок состоял чаще всего из «прежнего», традиционного праздничного костюма. Обычно наряжались в сарафан и «русскую рубашку с маршетиком» (= широкой оборкой на запястье) или парочку. В д. Великодворская девушки надевали кофту в талию («семишо́вка»), красный суконный сарафан в клетку, расшитый и украшенный кружевами передник из сатина («ла́стик») и кожаные сапожки. Голову покрывали ситцевым платком так, что одна его часть свисала на спину, а другая завязывалась на шее и подворачивалась с боков, чтобы не было видно лицо. В других местах лицо завязывали двумя платками, оставляя открытыми одни глаза. Наряд нередко дополняла накинутая на плечи шелковая шаль.

Очень много надевали украшений: цепочки («поче́пки») с навесными украшениями («жучка́ми»), нагрудные украшения из металлических бляшек («гойтаны́»), ожерелье из трех-четырех ниток янтаря («лентари́»). Нередко употреблялись бусы из цветного стекла – «корольки́». Волосы заплетали в косу («плете́нь») с красной или розовой лентой и украшали их маленькими черными брошечками («тарака́шками»). Такие брошечки иногда изготавливали из конского волоса. Употреблялась и «косметика»: «Девки красиво набася́цця – углем брови наведут, щеки, губы алые сделают» (дд. Беловская, Хмелевица).

Часто баские наряжонки украшали свой костюм полотенцами-напишниками, которые обычно вешали на стены, иконы, зеркало, а также применяли для выделения почетных гостей на свадьбе. Использовали их баские по-разному: подпоясывались через плечо и делали из полотенца фартук, два полотенца перебрасывали через оба плеча крест на крест, третье – на шею, как шарф, а четвертым подпоясывались; или забрасывали два полотенца на шею концами вперед и назад, а третьим подпоясывались.

В тех местах, где входили в моду городской костюм, баские наряджонки могли предпочитать его. Надевали платье белое или розовое, под низ кофточку, набору'шник (= три нитки бисера) на шею, на голову белый платок, сверху шляпу с бисером и лентами, накидку из настила льника или тюля, на руки черные или белые перчатки, на ноги ботинки. Шею окутывали вышитым полотенцем, забросив свободные концы на спину. Соломенная или фетровая шляпа в костюме баских была одной из самых заметных деталей. Поля ее украшали перьями и бисером, цветами из бумаги или крашеной стружки, обтягивали тюлью и лентами. Причем этот элемент не обязательно сочетался с костюмом городского типа. Например, в д. Лучевник шляпа и ботинки в наряде кудесов дополнялись старинными сарафанами, подпоясанными «спереду назад» богато вышитыми полотенцами. Иногда в такого рода костюме появлялись и пародийно-комические элементы – платье было не по росту, а шляпы из тряпок или из картона (д. Данилково).

Баские наряджонки приходили, как правило, днем и плясали под музыку сопровождавших их гармонистов. Весь интерес этого обхода заключался в узнавании хозяевами пришедших и рассматривании нарядов пляшущих наряджонков.

Если баские приходили на игрище, их встречали специальными песнями, под которые они должны были плясать. В Тотемском уезде наредих, когда они приходили на игрище, встречали песнями: «Заюшка с-по сеничком гуляй, таки гуляй», «Я с-по бережку ходила, гуляла, белорыбицу ловила не одна». Эти песни служили своеобразным приглашением наредихам открыться и остаться на игрище. Если после этих двух песен они не открывались, то пели еще песню «Я бегу, бегу по поженьке, да добегаю до цясовенки» или «Я сиводни не хотела угорить» и коротушки (дд. Ереминская, Островская).

Если же наредихи, по мнению присутствовавших, были «не больно хороши», то им могли спеть шуточную песню.

ПОКОЙНИК. Смерть и воскрешение – древнейшие мотивы новогоднего ряжения, которые занимали важное место во всей драматургии этого святочного действия. Поэтому не случайно, что несмотря на весьма пестрый состав персонажей-ряженных, существенно различавшийся по районам, «покойник» встречался почти повсеместно.

Довольно полное и точное описание типичной для Вологодского края сценки из Череповецкого уезда можно найти у С.В. Максимова. «Ребята уговаривают самого простоватого парня или мужика быть «покойником», потом наряжают его все белое, натирают овсяной мукой лицо, вставляют в рот длинные зубы из брюквы, чтобы страшнее казался, и кладут на скамейку или в гроб, предварительно привязав накрепко веревками, чтобы в случае чего не упал и не убежал.

«Покойника» вносят в избу на посиделки четыре человека, сзади идет «поп» в рогожной рясе, в камилавке из синей сахарной бумаги с кадиллом в виде глиняного горшка или рукомойника, в котором дымятся горячие уголья, мох и сухой куриный помет. Рядом с «попом» выступает «дьячок» в кафтане, с косицей назад; потом «плакальщица» в темном сарафане и платочке и, наконец, толпа провожающих покойника «родственников», между которыми обязательно имеется мужчина в женском платье, с корзиной шанег или опекишей для поминовения усопшего.

Гроб с покойником ставят среди избы, и начинается «отпевание», состоящее из самой отборной, что называется «острожной» брани, которая прерывается только всхлипываниями «плакальщицы» до каждением «попа».

По окончании отпевания девок заставляют «прощаться с покойником» и насильно принуждают их целовать его открытый рот, набитый брюквенными зубами...

Кончается игра тем, что часть парней уносит покойника «хоронить», а другая часть остается в избе и устраивает «поминки», состоящие в том, что наряженный девкой оделяет девиц из своей корзины «шаньгами» – кусками мерзлого конского помета».

Кульминационным моментом сценки с покойником было «отпевание» и «прощание» с ним. Главными фигурами здесь были, конечно, поп и плакальщица («жена, «родственники» покойника). Возглавляли процессию поп с дьячком, размахивая «кадильником» - кринкой с тлеющими и чадящими угольями и брошенными сверху шерстью или пометом, иногда сушеными травами, серой, берестой, чтобы сделать чад как можно более неприятным. «Лампадочкой гридя́т – мовтают кругом» (д. Подсосенье). Иногда вместо «кадильника» махали подоженным старым лаптем.

Отпевая покойника, поп произносил: «Господи, помилуй / Усопшего раба (имярек)!» – называя при этом любое, произвольное имя (Сидор, Потап, Афанасий), что должно было отвести неприятные последствия «отпевания» от того, кто исполнял роль покойника.

С этой же целью перечисляли поименно («отпевали») всех присутствующих, браня тех, кого недолюбливали:

- Господи, помяни:
Трех Матрен,
Луку с Петром,
Дядюшку Захара,
Сашечку и Маню,
Починочнова Ваню,
Грищу Хомоськово,
Игнашу Притовского,
Микиту Рогоськово,
Фиста Молодьсково,
Ваню Каличёнка,
Он же и Романёнка,
Митю колдуна, и т.д.

В д. Зыков Конец «отпевание» завершалось припевкой: «Человек-от быв какой - / И с ногами, и с руками, / И с телечей головой!» О характере остальных припевок можно судить, например, по таким текстам:

- Покойничок, да умирочничок,
Умирав во вторничок.
Стали доски тесать,
Он и выскочив плясать.
Плясав, плясав,
Да и за ними побежав.

(д. Ереминская)

БЕЛАЯ БАБА (Бережнослободская вол., д. Ногинская, л. Олюшино, д. Титовская), СМЕРТЬ (д. Куревино, д. Кожинская, д. Власьевская, д. Скородумово, д. Слободка Ньюкс.), ОКУЛЯ (д. Терентьевская Тарн., д. Александровская).

Одной из разновидностей мертвеца была маска белой бабы или смерти, которая иногда очень близка к покойнику. Такой вариант белой бабы был, например, известен в конце прошлого века в Бережнослободской вол.: «Наряжают парня в белую женскую рубашку, в руки подают щетъ, какой бабы чешут лен, кладут его на скамью, вносят в избу и ставят на пол. «Баба» лежит будто мертвая; потом вдруг соскочит, бегаёт по избе и тычет в лицо щктью».

Чаще, однако, баба обходила дома в одиночку. Характерным признаком было длинное белое одеяние: простыня, балахон, белая рубаха, полотно. Лицо обычно вымазывали сажей или прикрывали полупрозрачной тканью. В руках у нее часто были скалка или скородник, которыми она могла запугивать или даже поколачивать девушек.

В сценках с ряженым «медведем» можно найти как более древние элементы, имеющие отношение к медвежьим культам, так и более новые, которые восходят к популярным сценкам «медвежьего цирка» и построены на насмешливом пародировании манер и повадок людей и исполнении команд вожака.

Рядились медведем довольно просто: выворачивали шубу или тулуп шерстью вверх, а на лоб и лицо опускали воротник и шапку. Часто мазали сажей лицо или завязывали веревочками воротник, придавая ему подобие морды зверя, а на руки напяливали шубные рукавицы, измазанные сажей. В д. Федяево ряженный медведем надевал «шубные штаны и пиджак шерстью на волю», которые сверху подвязывали веревкой.

В Верховажском и Тотемском р-нах для медведя шили специальную маску из овчины, а в д. Борисовская (Кирилл.) даже брали голову убитого медведя. Нередко для ряжения использовали и настоящую медвежью шкуру (дд. Хмелевица, Верхняя Горка, Дубровка).

В Сямженской р-не на ноги изображавшего медведя ряженого также нередко надевали мешки, набитые соломой.

Наиболее простые сценки с медведем были построены на показе самого «зверя» и его возможностей. Они скорее всего связаны с «медвежьим цирком», хотя сам факт вождения медведя по домам может быть объяснен и древними верованиями в благотворным влиянием такого обхода.

Мотивы, связанные с обрядами жертвоприношения, составляют наиболее архаичный пласт в сценках с участием «медведя». Смутные воспоминания об этом еще сохранились в некоторых отдаленных деревнях Тарногского и Кичменгско-Городецкого районов. Вот, например, что рассказала А. Ф. Армеева из д. Цибунинская: «О светье старики-те медвидя кололи... Гости найдут о светье, придут наряженные на игрище. Один на скамейку сядет, на другую скамейку палку положут. Там медвидь стоит в шубе вывернутой. Ево палкой и спѣхнут ...» К сожалению, свидетельства такого рода встречаются уже крайне редко. В восточных р-нах сценки с жертвоприношением медведя разыгрывались обычно на свадьбе.

В дд. Пустошь (Верхов.), Пялнобово после того, как медведь, приведенный на игрище, «поповзат и помявкат» и достаточно напугает девушек, вбегал парень с ружьем и с криком: «Медведя убить надо!» - палил из него в потолок, а медведь, оставив шкуру, убежал в сени.

В старину входящего в дом зверя задабривала чем-либо, приглашая войти. Остатки этого ритуала сохранились в д. Паюс. Здесь ряженный – медведь, подойдя к двери, начинал упираться: «Открыли двери, а он не идет». Тогда разыгрывалась церемония приглашения медведя в дом: «Хозяйка пошла в амбар, принесла решето овса». После этого медведь благосклонно соглашался зайти в комнату, и, встав на задние лапы и хлопая передними, обходил девушек, а те верещали.

Однако, пожалуй, наиболее распространенными были сценки с озорством медведя. Символика этих действий также, видимо, связана с древними воззрениями на медведя как на зверя, одаривающего плодородием и силой. Кувыркание, катание по полу с медведем, «борьба» с ним входили и в репертуар «медвежьего цирка», но эти действия все же гораздо древнее его. Так, в дд. Григорово, Брызгалово, Чеченинская, Патрекеевская «парни медведем наряжались и перекатывали по полу девок». В дд. Новая (Бабаев.), Паршино медведь хватал в охапку девушек и катал их по полу или катался с ними сам. В д. Сергеево (Белоз.) медведь мазал при этом девушек сажой, которой были замазаны его «лапы» - рукавицы.

В д. Данилково парни-ряженные, введя медведя в дом, командовали: «Ну-ко, девки, давайте, ходите вокруг, пойте песни!» Девушки становились в круг и под пение песен («кто какую может») хо-

дили вокруг медведя. После каждой песни хором скандировали: «Дед-медведь! Дед-медведь! Дед-медведь!» Потом парни приносили чистой воды в чашке (подливали туда воды из бутылки) и хлопали по воде тряпкой, приговаривая: «Надо медведя sprysнуть!» - хотя все брызги летели на девушек. В дд. Коробицыно, Чеченинская медведь сам обливал девушек, а парни-ряженные не выпускали их из избы, пока медведь всех не обольет. Обливание водой очень часто встречается в святочной обрядности и связывается обычно с пожеланиями здоровья и силы, поэтому не удивительно, что здесь эту церемонию выполняет именно медведь.

БЫКОМ ЗДОБИЦА (д. Истомино, д. Харино), БЫКА БИТЬ или УБИВАТЬ (д. Власьевская, д. Васино, д. Маслово), БЫКА ЗАПРЯГАТЬ (д. Колотовщина). Ряжение быком относится к числу древнейших из известных в Европе. Сценки с быком, как правило, завершались его «забыванием», что, видимо, является пережиточной формой ритуального жертвоприношения быка, которое на Русском Севере в прошлом веке и приурочивалось к крупным праздникам (Петрову, Николину, Ильину дню). Ряжение быками (турами) было известно на Руси еще в XVII веке.

Сопоставление и противопоставление быка и медведя довольно характерная деталь свадебных сенок в Велико-Устюгском и Кичменгско-Городецком районах, хотя это встречается и на западе области. Например, в д. Сергеево (Вашк.) на святки водили и быка, и медведя. Бык, зайдя в избу, буткал привязанными к его голове коровьими рогами девушек, валял их в растоптанных по полу угольях. Потом появлялся стрелок и пулял в него горохом из деревянного ружья. Бык ревел и падал замертво. Когда в избу вваливался медведь и начинал свое озорство и шутки, бык «оживал» и дрался с ним.

Именно в таком, шутливо-пародийном ключе решена сценка с быком, описанная Н.С. Преображенским. «На игрище бывает много мужиков из довольно дальних волостей... Мужика, не знавшего кудес с. Никольского, уговорили поучаствовать в местных кудесах... Ведут мужика на веревочке на четвереньках; мужик мычит. Все хохочут. Мужик еще сильнее ревет. Но в это время мужика шлепнули в лоб чем-то мягким. Он вскочил, как обваренный кипятком: лицо и пушистую бороду, которые были похожи на физиономию коров пивного праздника, когда они становятся рогам под те

отверстия, в которые валят всякий сор и «нечистоты», ему, я думаю, пришлось долго промывать. Эта выходка с мужиком означала, что «убили быка».

КОЗА (Нюкс., Тарн., Вожег., Тот., Кирилл., Сямж.) КОЗЕЛ (Кирилл., Нюк., Бабуш., Вашк.), БОРАН (Кирилл., Ваш.), ОЛЕНЬ (д. Меньшиковская). Исследователи справедливо считают, что этот святочный персонаж мало характерен для Русского Севера. Действительно, если в средней и южной России, да и у других славянских народов святочная коза распространена почти повсеместно, то в Вологодском крае она встречается, в основном, в Присухонье и в некоторых центральных и западных районах. Чаще всего этот персонаж мало отличался по своим действиям и облику от медведя и быка. Козла наряжали в вывернутый тулуп, на лицо напяливали маску из овчины, реже накидывали на двух парней козлиную шкуру (дд. Кокино, Кузеево, Брызгалово). Иногда для козы изготавливали голову из дерева (д. Сухонский Дор, д. Брусенец) или напяливали ряженому препарированную и высушенную козлиную голову (д. Новоселки). Внешность козе старались придать устрашающую: «Роги деревянные, вместо зубов гвозди, челюсть стучит» (д. Брусенец). Особого страху нагоняли болтавшиеся из стороны в сторону длинный огненно-красный язык и косматая льняная борода, открывавшаяся и закрывавшаяся пасть, которой коза «хамкала» на девушек, будто пытаясь их укусить, и рога – настоящие, козьи, или из вил, палок, ухвата и т.п.; ими коза пыталась наподдать всем, кто встречался ей на пути.

В Бережнослободской вол. В конце прошлого века коза ходила так: «Накрывают одного парня постилкой, привязывают деревянную голову с большими рогами, парень этот на четвереньках скачет по избе и тычет рогами без бережи кого попало; поднимается визг, крик, рев, а поводыри хохочут». Коза бляела, скакала по избе, шевелила рогами, трясла бородой, щелкала челюстью и, наконец, бодала девушек».

ЛОШАДЬ, ЛОШАДЬЮ ХОДИТЬ, ЛОШАДЬ ПРИВОДИТЬ (В.-Уст., Бабаев., Белоз., Вашк., Верхов., Бабуш., Нюкс., Тарн., Кирилл., Сямж., Кадуи., Череп.), КОНЯ или КОНЕЙ ВОДИТЬ, КОНИКОМ, С КОНИКОМ ХАЖИВАТЬ, НА КОНЕ ЕЗДИТЬ (Белоз., Верхов., Вытег., Нюкс., Кирилл., Тот., Сямж.), ДУГУ СРЯЖАТЬ, НА ДУГЕ

или НА ДУГАХ ЕЗДИТЬ. ДУГИ ЗАПРЯГАТЬ (д. Пеструха, д. Титовская, д. Фоминская Верхов., д. Середская).

Этот персонаж святочного ряжения был известен практически повсеместно. О том, что речь идет о типе ряжения, издавна распространённом на Руси, свидетельствует челобитная нижегородских священников патриарху Иоасафу (1636 г.), в которой говорится: «И делают, государь, лубяные кобылки и туры, и украшают полотны и шелковыми ширинками, и повешивают колокольцы на ту кобылку».

Можно выделить три основных типа святочной лошади. Один из них хорошо известен и описан. Лошадь изображали от двух до четырех ряженных. В разных деревнях они становились по-разному. Чаще всего за талию ряженого, стоящего первым, хватался второй, за него третий и т.д. Иногда на плечи ряженных клали жерди, синхронизировавших их движение и служившие опорой для всадника (дд. Конецкая, Паршино, Максимова), либо деревянную или плетеную зыбку (колыбель) на головы (д. Новец).

В дд. Аистово, Першинская два парня становились «задница в задницу», их связывали вместе в поясе, после чего она нагибались каждый в свою сторону, один держал голову лошади, другой – хвост. Сверху ряженных накрывали длинным пологом или попоной, реже – настоящей лошадиной шкурой (д. Першинская). Лошадь такого типа старались сделать внушительных размеров («голова до потолка»). Головой служила прялка, которую держали копылом вперед, обмотанная палками тряпка, набитый соломой или тряпками мешок с нарисованными на нем глазами и ушами, который ряженный, стоящий первым, напяливал себе на голову, или корзина.

Иногда лошадью рядился один человек, накрытый сверху лошадиной шкурой или вывернутой шубой и державший в руках «голову конёвую из шерсти», прикрепленную к палке. В д. Скородумово ряженому надевали на спину корзину, в руки давали ухват с привязанным между рожек снопом («головой»), а сверху накидывали полог. В д. Марачевская ряженный, накрытый пологом, ходил, слегка наклонившись вперед и опираясь на дугу, которой он постукивал, как копытами.

Второй тип лошади хорошо известен по детской игре «в лошадики». В этом случае лошадь изображала палка между ног «всадника» с надетым на нее валенком, пучком соломы или тряпок – «головой». В дд. Кузьминская (Кадуй.) и Осташевская всадник выезжал верхом

на снопе соломы с прикрепленной к нему соломенной «головой», на которой болтались «уши» из набитых соломой рукавиц. На шею лошади вешали колокольцы (боркуны или боркунцы, подгарники и колоколец) сзади прикрепляли пучок соломы, льняных оческов (повесмов), мочала или старый, обтрепанный березовый веник-«хвост».

Еще один тип ряжения лошадей связан с мотивом ее купли-продажи, который обычно возникал, если лошадь водил цыган. Сценки такого рода, как правило, были построены на импровизированном диалоге «покупателей» и «продавца», поэтому трудно воспроизводимы вне ситуации. Устойчивостью отличались лишь отдельные этикетные формулы, например, входя в дом, цыган кричал: «Разрешите с лошадью заехать!» (д. Скородумово). Поводив лошадь по избе цыган предлагал хозяину: «Давай, дяденька, коням менять!» (д. Новосело), или «Давай коня менять, у нас лошадь хорошая» (д. Побережье), после чего шел торг и цыган вымогал у хозяина то жену, то дочку, то корову, а когда тот наконец соглашался на его условия, лошадь ржала, лягалась, вырывалась из рук и убегала из избы.

Водили гуся (журавля) как на беседы, так и по домам. Наряд ряженого журавлем обычно состоял из вывернутого наизнанку тупла или пальто, которые накидывались на голову так, чтобы один рукав приходился над головой. В этот рукав вставляли палку с крючком на конце (клюшку – ею цепляли бельё, когда полоскали его в проруби), либо с привязанным к ней веретенком, зубом бороны или иглой, швейкой.

ОСЫ (Тот., сямж.). Многие сценки включали в себя такие действия, как укалывание и щипки. Чаще всего так ряженные оборонялись от любопытствующих (ср., например, старика с шилом). Однако иногда эти действия оказывались в центре всей разыгравшейся сценки, составляли «всю ее соль». Например, в д. Великодворская в мешок с сеном или куделью клали шило и били им девушек – «какая досадит».

Об их приходе оповещали криками: «Осы, осы пришли, осы!» Парнишка был в одной рубашке («голой»), жужжал («урчав») как оса и был вооружен длинным (до 20 см) шилом, которым подшивали катанки.

КУРИЦА, КУРИЦЕЙ РЯДИТЬСЯ, КУРОЧКОЙ (Белоз., Кирилл., Кадуй., Бабаев., Бабуш., Вашк.), ПЕТУХОМ ЗАПРЯГАТЬ (д. Облупинский Починок, д. Нижнее Чистяково), КУТЮШКА (д. Аве-

ринская). Существовало две разновидности этого типа ряжения. В первом случае петух представлял собой персонаж, близкий по своему поведению и наряду к журавлю. Его также одевали в вывернутую наизнанку шубу, а сверху прикрепляли картонную голову с красным гребнем и острым носом либо давали в руку палку с забитым в нее и загнутым «вроде клюва» гвоздем или швейку. Палка и швейка служили петуху «клювом», которым он выдергивал у девушек кудель или клевал их. В д. Чеченинская петух кувыркался по избе, забавляя и пугая присутствующих. В с. Шебенгский Погост костюм петуха украшали перьями, ноги заматывали тряпкой так, что он мог передвигаться только прыжками. Клюв делали из вилки или ножниц, обмотанных тряпками.

Другой, более распространенный способ ряжения петухом или курочкой заключался в следующем. В рукава вывернутой шубы засовывали руги и ноги – в каждый рукав по одной руке и ноге одновременно. Шубу застегивали на спине. Полы шубы завязывали полотенцем или еще чем-нибудь и получали «хвост». Иногда наоборот, на голову забрасывали подол шубы, а воротник служил «хвостом». На голове завязывали красный платок так, чтобы концы его торчали наружу наподобие гребня или банта (дд. Рогачиха, Кошево). Такой петух (курица) был очень скован в движениях, самостоятельно передвигаться по улице не мог, поэтому его перевозили на санях другие ряженные (д. Харитоновская): «иногда и с крыльца могли столкнуть в сугроб». В избе он развлекал зрителей тем, что «плясал», неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, и кукарекал. «Петух взад-вперед ходит, поёт» (д. Цыбунинская). Беспомощность петуха и курочки вызывала у присутствующих желание подшутить над ними. Стоило лишь дернуть петуха за хвост, как тот падал на пол (кувыркался). В д. Мамаево «курица слетела с печки на пол». Встать снова без посторонней помощи они не могли.

Ссылки на используемую литературу:

- Шустиков А. Виноградие: Старинная величальная песня//Известия Воиск. Вып. 4 – Вологда, 1917. – С. 105 – 106.
- Неустунов А.Д. Святочные обычаи в Кадниковском уезде//Известия А.О.И.Р.С. Вып. 1. – Архангельск, 1913. – С. 23 – 26.

- Истомин Ф.М., Ляпунов С.М. Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. – СПб, 1899.
- Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб, 1903.
- Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л., 1983.
- Пр[еображен]ский Н.С. Баня, игрище, слушанье // Современник, 1864, № 10. – С. 505 – 522.
- Иваницкий Н.А. Сольвычегорский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. // Живая старина, 1898. Вып. 1. – С. 3 – 74.
- Белкин А.А. Русские скоморохи. – М., 1975.
- Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. – Л., 1988.

Сокращения.

- Бабаев. – Бабаевский р-н
- Бабуш. – Бабушкинский р-н
- Белоз. – Белозерский р-н
- Вашк. – Вашкинский р-н
- Вож. – Вожегодский р-н
- В. – Уст. – Великоустюгский р-н
- Верхов. – Верховажский р-н
- Волог. – Вологодский р-н
- Гряз. – Грязовецкий р-н
- Кадн. – Кадниковский р-н
- Кадуй – Кадуйский р-н
- Кирилл. – Кирилловский р-н
- Кич-гор – Кичменгско-Городецкий р-н
- Ник. – Никольский р-н
- Ньюкс. – Ньюксенский р-н
- Сольвыч. – Сольвычегорский у.
- Сямж. – Сямженский р-н
- Тарн. – Тарногский р-н
- Тот. – Тотемский р-н
- У.-Куб. – Усть-Кубенский р-н
- Череп. – Череповецкий р-н.

Персонажи святочного ряженья (Восточные районы Вологодской области)

Схема составлена участниками конференции «Мир через культуру» (Вологда, 2007) Юрием Пелевиным. Руководитель – Игорь Владимирович Осокин, педагог дополнительного образования (Школа традиционной народной культуры, г. Вологда)

Название района	Способы перевоплощения	Поведение ряженого	Сопровождение ряженого	Примечание
Медведь				
Сямженский	<ul style="list-style-type: none"> - Надевали вывернутые на левую сторону шубы; - надевали настоящую медвежью шубу; - вставляли на четвереньки. 		- Водили на цепочке.	- Ходили мужики.
Кичменгско-Городецкий	<ul style="list-style-type: none"> - Выворачивали шубы и шапки. 	- Медведь лез обниматься.		
Тотемский	<ul style="list-style-type: none"> - Выворачивали мехом наружу шубу; - лицо закрывали платком; - надевали на лицо маску в виде медвежьей морды; - выворачивали рукавицы; - вешали коровий колокольчик 	<ul style="list-style-type: none"> - Хватал девок, которые досаждали; - кувыркался. 	<ul style="list-style-type: none"> - Приводили охотники с ружьями; - Приводили на веревке. 	<ul style="list-style-type: none"> - Парни рядились; - рядились как медведем, так и медвежонком.

Название района	Способы переворачивания	Поведение ряженого	Сопровождение ряженого	Примечание
Тарногский	<ul style="list-style-type: none"> - Шубный пиджак выворачивали, на ноги надевали рукава; - выворачивали шубу, шапку; - иногда ходили на четвереньках. 	<ul style="list-style-type: none"> - Рычал; - уркал; - ползал по полу. 	<ul style="list-style-type: none"> - Водили на веревке; - у медведя был поводырь; - баба наряжалась мужиком и водила медведя на поводке, хлестала плетью. 	<ul style="list-style-type: none"> - Рядились как медведь, так и медвежонком.
Нюксенский	<ul style="list-style-type: none"> - Выворачивали тулуп шерстью наружу; - на лоб и лицо надевали шапку или поднимали воротник; - лицо мазали сажей. 	<ul style="list-style-type: none"> - Медведь стаскивал дивок с лавок и валял по полу. 	<ul style="list-style-type: none"> - Был хозяин – пестун. 	
Бабушкинский	<ul style="list-style-type: none"> - Выворачивали шубы; - на лицо надевали капроновый чулок; - сажей мазались; - медведь ходил на четвереньках; - на руки и на ноги надевали валенки. 	<ul style="list-style-type: none"> - Медведь дивок хватал; - медведь плясал. 		<ul style="list-style-type: none"> - Рядились как медведь, так и медвежонком.

Название района	Способы перевоплощения	Поведение ряженого	Сопровождение ряженого	Примечание
Курица, петух				
Сямженский	<ul style="list-style-type: none"> - Ноги и руки просовывали в рукава куртки или фуфайки, сзади застегивали; - надевали в руку клюку или швейку с крючком вместо клюва; - брали швейку, могли привязать к голове. 	<ul style="list-style-type: none"> - Курицу таскали по избам, т.к. она сама передвигаться не могла; - курица могла и сама пытаться ходить по полу – получалось очень неуклюже; - курицу сажали на воронец; - подругу, которая обидела, клевала. 		<ul style="list-style-type: none"> - Могли нарядить и ребенка.
Кичменгско-Городецкий	<ul style="list-style-type: none"> - Вместо клюва делали ножницы. 	<ul style="list-style-type: none"> - Клевал. 		<ul style="list-style-type: none"> - Местное название «Гоголь»
Никольский	<ul style="list-style-type: none"> - Выворачивали шубу. 	<ul style="list-style-type: none"> - Кололи ножницами. 		
Тотемский	<ul style="list-style-type: none"> - Выворачивали шубу; - в руки брали батог с вколоченным гвоздем на конце. 	<ul style="list-style-type: none"> - «Клевали» гвоздем девок. 		
Тарногский	<ul style="list-style-type: none"> - Из палки делали шею; - одевались в белое, держали ножницы у лица. 	<ul style="list-style-type: none"> - Клевали кого попало. 		

Название района	Способы перевоплощения	Поведение ряженого	Сопровождение ряженого	Примечание
Нюксенский	<ul style="list-style-type: none"> - Взрослый мужчина засовывал обе руки в один рукав тулупа и брал в них ножницы – «клюв»; - через рукава балахона пропихивалась воробья (часть приспособления для перематывания ниток), в конец ее втыкалось веретешко; - лицо ряженого закрывалось. 	<ul style="list-style-type: none"> - Клюет зерна, насыпанные на полу хозяйкой. 		<ul style="list-style-type: none"> - Рядились мужчины.
Осы				
Сямженский	<ul style="list-style-type: none"> - Закрывались масками, гасили свет. 	<ul style="list-style-type: none"> - Парень тыкал девку, которая с ним не хотела гулять, крючком из рукава шубы; - хлестали девок вицами. 		<ul style="list-style-type: none"> - Парни рядились.
Тотемский	<ul style="list-style-type: none"> - Сажали в мешок пару маленьких детей, давали им в руки шило. 	<ul style="list-style-type: none"> - Тащили девок к мешку, чтобы осы покусили. 		

Название района	Способы перевоплощения	Поведение ряженого	Сопровождение ряженого	Примечание
Коза, козел				
Тотемский	<ul style="list-style-type: none"> - Делали из метелки хвост; - на ягодицы надевали решето; - рыло делали из двух досок. 	- Хлопал рылом, пугал.		
Нюксенский	<ul style="list-style-type: none"> - Изготавливали голову из дерева; - рога делали деревянные, вместо зубов гвозди, челюсть стучала. - Нижняя челюсть открывалась, когда ее дергали рукой за веревку. 	- коза блеяла, скакала по избе, шевелила рогами, трясла бородой, шелкала челюстью, бодалась.		<ul style="list-style-type: none"> - Рядился мужчина; - местное название козы «Чакаўка»
Бабушкинский	<ul style="list-style-type: none"> - Выворачивали шубу на левую сторону, приделывали рога, сзади привязывали хвост или решето; - на голову надевали маску или шапку, пришивали рога; - могли надеть на голову голову зарезанного козла. 	- Ряженный козел пел частушки.		

Название района	Способы перевоплощения	Поведение ряженого	Сопровождение ряженого	Примечание
Корова				
Бабушкинский	<ul style="list-style-type: none"> - Рога прикрепляли от настоящего животного; - вымя делали из одежды; - хвост делали из сукманы, шерсти. 	<ul style="list-style-type: none"> - Корову продавали, заставляли доить. 		

«Мужик в козьей коже пляшет с медведем».
 Конец XVIII в. Акварель из альбома Т. И. Енгальцева

Народный календарь Кокшеньги

Систематизирован М.А. Вавиловой по дневниковым записям М. Б. Едемского, полученных им от крестьян Спасской волости Тотемского уезда Вологодской губернии: М. М. Нагишева (23.08 – 29.08 1924); А. В. Едемского, О. А. Баскарева, М. М. Золотцева в 1924 г. (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 99; № 101; АГМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 38).

Январь

1.01/14.01	<p>Новый год «[Если] на Новый год звездистая ночь – ягод и грибов много [будет]». «На Новый год на небе звезды да на снегу звезды, – ягод будет много».</p>
6.01/19.01	<p>Крещение «[Если] в Крещение была бутора, а 6 июля будет дождь». Ежели в Крещение снег – урожай на грибы». «Крещенские морозы, а афанасьевские буторы». « В Крещение Иисус Христос креститсе, на какой-то рике, не знаю, не помню, а креститсе. В Ёрдане, это вместо пролуби. В то времё явиусе андел господний над ним в виде голубя. Потому-то мы и ходим с Крестным-то ходом на воду, тоже на Ёрдань, пролубь. Крестиу Иван Креститель. И празнуём ему, Ивану эту Крестителю». «В Крещение поутру стаем и смотрим, какая погода. Если ясная, то летом будет жар. Не будет овощи (грибов, ягод. – М. Б. Едемский), обилья худыя. Ковда дак с иконами пойдут на воду, иней и снежки – мы говорим: “Слава Богу, год будет хороший. Обильё родитсе и овощ будет вякой”». «Восток лето и зиму становит».</p>

	<p>«В крещенский сочельник кур не кормят, зовут [их] в этот день пельками, щобы никто их летом не тронуў».</p> <p>«В крещение ясно – зебель того году будет, а как облачно, дак тово году урожай хороший»</p>
18.01/31.01	<p>Афанасий (Офанасий) Ломонос</p>
20.01/1.02	<p>Филарет «На Филарета звездисто – урожай на грибы и яго- ды».</p>
25.01/6.02	<p>Оксинья «Какова Оксинья, такова и зима» (весна). «Оксинья – полузимница» (половина зимы). «[Погоду определяют] зимой по мисяцу. Мисяц в рукавицах – на сутках будет снег. К снегу к мягкой погоде звезд появитце много за сутки».</p>
9.01/22.01	<p>Филиппов пост «Три нидили в честь Филиппа Митрополита – был такой знаменитый человек. Хоть по три день солнце проглянет, дак будет хороший год, плодородный».</p>

Февраль

1.02/14.02	<p>Трифон «На Трифона заговаривают мышей, щобы хлеба не или».</p>
2.02/15.02	<p>Стретенье «Зима с летом встречается».</p> <p>На Стретенье зима с летом встречаются. Звездисто – много [будет] ягод.</p>
3.02/16.02	<p>Власий «У Власия – борода в масле». «У Власия – борода в масле. Он был священник, дак любий собирать, любий ходить по хлеба – солома-ту» (насмешка. – М. Б. Едемский).</p>

28.02/13.03	<p>Василий Капилья «[Если] на Василья-Капилья тает – весна скорая» «[На] Василья Капильника и Овдотьи Плющихи – со крыши поплещет – ранняя будет весна».</p>
29.02/13.03	<p>Касьян Немилостивый «Касьян [29.02]. В этот день все три года не начи- нают ничево важново: сять, жать и пр. Будто Кась- ян как зглянет: хорошо – дак хорошо, а худо – дак худо. На лес зглянет – три года лес валитце. На хлеб – плохо родитце три года. На народ зглянет – народ помирает три года [больше бывает умерших. – М. Б, Едемский]. «Паре, Касьян как огляянуўся на народ – редкой день покойника нет».</p> <p>«Будто бы Касьян с Николаем спорили. Николай говорит: “Надо миловать людей”. А Касьян и гово- рит: “Ой ты, - говорит, - дурак: тебе поставь свичку с перс(т) дак ты и милуешь. А мне хоть с пес(т), дак я и то не помилую”.</p> <p>Касьян и называется Немилостливым, а Микола – Милостивой».</p> <p>В этот день все три года не начинают ничего важно- го: сеять, жать.</p>

Весна холодная – год плодородный (М. С. Едемский).

«Воробьи к теплу залетают всё выше, на дереве зимой к морозу
ниже спускаютце – к дождю или к снегу».

Ворона закаркает – к теплу или снегу. В речку западет – к теп-
лой погоде.

Дорога стоит, а снег стает раньше – горохи хорошие будут
(А. В. Едемский, ед. хр. 99, оп. 1, л. 11).

Март

1.03/14.03	<p>1 марта тепло – весна скорая будет. Коровушка па-сется да Николы.</p> <p>Овдоотия (Евдокии) Плющихи «Какова Евдокия – таково и лето». Откуда на Евдокию витер – оттуда все лето». «Евдокия лето устанавливает. Какая погода, какой ве-тер, таким будет лето». Ежели под жолобом сосульки нависли доўги – хлеба будут доўги (и льны)». «Тепло в Евдокию и лето будет теплое и обратно».</p>
5.03/18.03	<p>Конон Градобой (Грядобой) «В этот день не кидают в печь камня. Иначе будет грядоба». «Чайки к холодной погоде доўго голосу не оказыва-ют».</p>
17.03/ 30.03	<p>Алексей Тёплый «На Олесия Тёплова вода с гор броско побежит – скоро лето будет». «Алексий-то, Божий человек, на плите, говорят, приплыў в Верховажье. Дак его отпехнули! Вот он им и сказаў: “Ну, живите-тко не серо, не бело!” так и живут. Не могут хорошо совсем зажить!»</p>
19.03/1.04	<p>Дарья-говнопрорубница Говно в проробу плавает.</p> <p>«На Дарью назёмная, вода (навозная) побежит».</p>
24.03/7.04	<p>Благовещенье «Жаворонки на Благовещенье прилетают, а другие после гуси – за ниделю до Николы». «На Благовещенье снег или дожди – урожайная рожь, пшеницы не так будет хороший урожай. Если [день в] Благовещенье чистый, ясный, то жито и пшеница – урожай хороший, а рже не так урожай бывает».</p>

	<p>«В Благовещенье птичка гнезда не вьет, девица косы не плетет. Волосы не чешут».</p> <p>В Благовещенье нельзя спать после обеда. «Не ложись в Благовещенье спать, дак пчёлёе гниздёе найдешь». «В какой день Благовещев день, в тот день не начинай сеять, жать, овец не выпускают. Скот не выпускают так, чтобы кто-нибудь попался встречу – будет несчастливо» (волки и пр. – М. Б. Едемский).</p>
--	--

Апрель

5.04/18.04	<p>Федул Тёплый</p> <p>«На Тёплова Федула отворяй окна. Тепло будет».</p>
8.04/21.04	<p>Родион Ледолом</p> <p>«На Родиона Ледолома ставь соху и паши под овес». «[Нужно считать] сколько ниделей отстоит вода подо льдом: 20, 21, 22 и 23, даже 24 нидели. Если дольше – будет повреждение хлебу. Ежели рыба вдруг отходит (нереститце) – вдруг хлеб поспеет, а не вдруг – и хлеб медленно [поспеет]. Вот в нынешнем году вся рыба вдруг в трои сутки отходила – и все поспело вдруг: рожь, жито, овес. Если комары толкуются весной рано, дак первый посев льна будет лучше».</p> <p>«Если в апреле загремит гром, то недород житу и пшенице».</p>
15.04/28.04	<p>Виталий</p> <p>«После Вита[лия] плохое бывает жито (поздно)».</p>
17.04/30.04	<p>Зосима Пчельник</p> <p>«Как пчела полетела весной – отзимка не будет».</p>
23.04/6.05	<p>Егорий (Юрий) Вешний</p> <p>«Егорий с водой – Никола с травой».</p> <p>«На Юрья роса – не надо коньям овса (травы скоро и много нарстет)».</p> <p>«На Юрья дождь – скоту год лёхкой (овса, травы будет много)».</p> <p>«На Юрья мороз – будет просо и овес».</p>

	<p>«Коровам покровитель Егорий. Служат молебны. Хвосты подрезают».</p> <p>«Коров выпускают. Кормят досыта. Отрезают с хвосты и с хребта шерсть, зарывают в навоз [и говорят]: “Эта шерстка лежите с хвостиками в мисте, так бы наши коровушки всё лето ходили на пастьбе в мисте, не расставались”».</p> <p>«Много есть приговоров, многое есть приворотов, отворотов, порчей на людей и на скот у пожилых людей... Наделали по насердию что-то над коровами у такова-то – и вот не стали ходить и все примучились в поисках за коровами. Но как-то подружились с этим знахарем и хорошо угостили и попросили, не знает ли чего, не пособит ли? И вот гляди-ка! Ведь стали после тово ходить сами».</p> <p>«Когда коров выгоняют, икону ставят над воротами с внутренней стороны. Дают кусочек, начинают со старшей [коровы], и кончают младшей» (РГАЛИ, Ф.573, оп. 1. Ед. хр. 101. 23.08 в д. Подгорной от М.М. Золотарева).</p> <p>«На Егорья морос, дак и за колодинкой овес».</p>
--	---

Май

1.05/14.05	<p>Еремей Запрягальник</p> <p>Начинается подготовка к севу. Приметы:</p> <p>«Если поедешь сиять, чайки заревят – снегу еще нанесет, отзимок может быть, или так, холодно будет».</p> <p>«Еремей-запрягальник – запрягать сохи [пора], надо сиять».</p> <p>«Поезжаешь сиять. Жука-навоздника имаем: если у нево под первыми ножками детки – первый сев будет лучше. Под задними – поздний, под средними – средний».</p>
2.05/15.05	<p>Афанасий (Офонасий) Теплый</p> <p>«Офонасий с теплом, а Никола с возом» (травы много. – М. Б. Едемский).</p>

	<p>«Если второго тепло – весна теплая и травы хорошие».</p> <p>«На Офонасия теплова кукушка прилетает».</p> <p>«На Ракуле олень прибегаў, на жертву (2.05). Празднество было. И приходил из лесу олень. Станет к церкви. Ево зарежут и едят, варят враз в котле. Угощают и всех проходящих. Один раз поп отслужил [в] Ракуле обыкновенно (нетрезвой). Олень змверкаў и убежаў – с тех пор и не прибегаў. Тут пенек был. Олень придет, стаент у пенька и грызёт ево. Пенекто и топерь грызут, у ково зубы болят. Была зяблуха каждый год. Явилась икона Тихона и Варнавы на [этом] месте. И когда стали служить молебны – зяблухи не бывало с тех пор».</p>
5.05/18.05	<p>Ирина (Орина) Рассадница «Если наклевала рассада [5.05], то плюют [ее] Николе под бороду» (т.е. сажают на Николу. – <i>М.В.</i>).</p>
6.05/19.05	<p>Иов Горосец «На Ивова-горосца горох сеют бабы».</p>
8.05/21.05	<p>Иван Пшеничник (Иоанн Богослов) – Иван доўгой «На Ивана-доўгова (в мае) сеют доўгой лен (растет)».</p>
9.05/22.05	<p>Никола теплый (Вешний, Милостливый) «Никола с возом, Никола с травой». Никола к семичаеськой поплывит. На Раменью будто бы приплыў... И Алексей-от, Божий человек, на плите, говорят, приплыу в Верховажье. Дак ево отпехнули! Вот он и сказаў: “Ну, живите-тко не серо, не бело!” Так и живут. Не могут хорошо совсем зажить». «Изосимы-те СовватиИ шли откуль-то. Несли иконку. Оставили в Долговицях, где монастырь-то, да в Стёпанихе. В Стёпанихе пиво варят каждый год [27.09], в Ростове, в Усачихе тоже. Вот оне ушли да там и поселились. Живут и на лошадке соловке во-</p>

	<p>зили большие каменя. Вот почему и монастырь прозывается Соловецкий. (У нас этта есть будто тоже Святая кост[ь] на кладбище-о. Скорочи выйдет, ожидаемсе тоже.)</p> <p>«Никольска [неделя] для ярового, а Преображенская ниделя (Преображенье господне, 6.08/19.08) для озимого лучше всего».</p>
11.05/24.05	<p>Мокий Мокрый</p> <p>«На Мокия мокро – все лето мокрое». «На Мокия мокрова если дож[дь] – все лето дож[дь]».</p>
14.05/27.05	<p>Сидор (Исидор) Огуречник</p> <p>«Игра есть – Сидора колоть: “Витер Сивер потянул, да Сидор ноги протянуў, Сидориха молода да кверху ноги подняла. Сидор баню продает, да Сидориха не дает. Сидоренки верещат да баню под гору тащат”».</p> <p>«Если на закате солнце в круге и круг не разорваўсе – к вёдру. Разорваусе – к дождю».</p> <p>«Если солнце закатите, да после заря – к вёдру. В облако – так завтра дож(дь). Сделаецце в пасмурную погоду как сметанное облачко – через сутки дож(дь) будет».</p> <p>«Пройдут Сидоры – дак пройдут и сиверы».</p>
20.05/2.06	<p>Фалалей Мокрый</p> <p>«[Если дождь] весна будет сыроватая, а год влажный, хороший для хлебов и трав. Если майский жук съедает листься берез и ольхи, - будут градобитки и голод».</p>
21.05/3.06	<p>Царев день</p> <p>«В Царев день до обеда пшеницу сей – дойдет, а после обеда – не дойдет. Мураши с крыльем залетают, дак рожь сий. Сей овес в грязь, дак будет князь»</p> <p>«Оглоблю смочит, дак навозу уж не закрывай».</p>
29.05/11.06	<p>Феодосья Колосницы</p> <p>«Рожь на колос [идет]. Последний сев льна». (Первые семь ден семь дев сеют лён – пояснение М. Б. Едемского.)</p>

Июнь

09.06/22.06	Кирилл Белозерский «На Кирилла сеют галанку. Дак хорошая бывает галанка» (брюква – М. В.).
12.06/25.06	Спиридон Солнцеповорот (првильно Петр. – М. В.) «Пречистов день солнце на лето, а лето на жары – дни короче».
11.06/24.06	Пахом «[На] Пахома если холодно – все лето холодно. Говорят: “Пахом срядиўсё в балахон, да все лето и давит”». «Какой Пахом – такое и лето».
23.06/6.07	Аграфена Купальница Рвут траву накануне Иванова дня. «Травка изгон – для мытья головы от болезни». «Елочки (мытник болотный) от головной боли. Полевой хмель. Пьют от головной боли хоробрец-траву, поят и моют скот, когда ноги болят» (д. Сорбала).
24.06/7.07	Иван Купала «[На] Ивана Купала рвут траву купальную и другую. Трава для лечения. Купальницей моются в бане накануне Иванова дня». «На Иванов день виник завязывают, потом зимой коров моют, когда отелятся, квашню и подойник такими венниками перекрывают на Иван-день» «На Иванов день купальница – как краска, головки у шерстянок». «Папертник – 12-ти статейница цветет на Иванов день, в полночь, когда петухи поют, дак не покажутся, а не поют, дак покажутся. От всяких болей. Ходить воровать, дак не увидеть, если иметь цветок один, милует Иван великий».

	<p>Семь годов не носила (не рожала – М. Б. Едемский), напоила старушка травой в пиве в живучем – и вот теперь беременна.</p> <p>Трава-от – пырей, на котором вырастает шишка зеленого цвета».</p> <p>«Белый клевер (сосулька), у которого цветы направлены кверху, напитокя настою – тогда будешь носить (рожать) парней, а не девок; настой в живучем пиве».</p>
27.06/10.07	<p>Самсон Сеногной</p> <p>Если дождь – весь сенокос дождлив.</p>
29.06/12.07	<p>Петры и Павлы</p> <p>«На Петров день цветет рожь, на Ильин – хлеб».</p>

Июль

5.07/18.07	<p>Афанасий Афонский</p> <p>Месяц играет. Предвещает хороший урожай и хорошую уборку урожая.</p>
8.07/21.07	<p>Летняя Казанская</p> <p>«Частая рожь хозяина радует, а редкая кормит».</p> <p>«На Казанскую поспела черника. На Ильин день поспеет рожь».</p> <p><i>Обряды, выполняемые в Кокшеньге.</i></p> <p>Когда идут зажинать, выполняют обряды сначала дома.</p> <p>1. Все участники жатвы с молитвой обращаются к Христу, к Богородице, к святым.</p> <p>Перечисляют, кто будет жать. После молитвы подходят к топящейся печке, по очереди приговаривают: «Как эта печка стоит весь век и не устаёт, не боится ни жару, ни пару, ни стужи, ни нужи, ни холоду, ни голоду, так бы и я, раба божия, (имя) жала [бы], не уставала».</p> <p>Все члены семьи подходят к печке и произносят заговор 3 раза.</p>

	<p>2. Обряд в поле. Когда начинают жать, вырывают по три волота ржи, перепоясываются; приговаривают: «Как эти три волота целый год кланялись на четыре стороны, так у меня (имярек) спина [бы] клонилась, [и] поклонялась во все четыре стороны и не знала ни устатку, ни пристатку». Повторяется три раза.</p> <p>3. Первый сноп жнут молча. Сожнут, завяжут, приговаривают: «Где сноп – тут суслон; где суслон – тут копна; где копна – тут и скирда (или: тут хлеба амбар)». Повторяется три раза.</p> <p>4. Когда поставят первый суслон. Суслон закрывают снопом (шляпой, ... называют), ставят горсть житвины корнями вниз на суслон и приговаривают: «Вот это вам, вороны, питера и мидера!» (Это говорится и ставится к тому, чтобы вороны не ели суслон.)</p>
20.07/27.08	<p>Ильин день На Ильин день поспеваает рожь.</p>
24.07/09.08	<p>Борис и Глеб «Борис и Глеб сиют хлеб – ржаные засеватели».</p>
27.07/09.08	<p>Николай Кочан (блаженный Николай Кочанов) «Под кочнем капусты спаў (или скрываўсе)». Начинают завиваться кочаны капусты. (О. А. Баскарев, во-первых, перепутал дни, приурочив день Николая Кочана к 24.07, правильно – 27.07 по старому стилю. Во-вторых, он по аналогии отнес к этому дню запрет брать в руки круглое, связанный с церковным праздником Усекновения главы Иоанна Крестителя.)</p>
29.07/11.08	<p>Калинник «Пронеси Бог Калинника туманом и мороком, а не морозом – инеем. Слышал, в Архангельске это число – критическое для созревания хлебов, ибо нередко бывают инеи».</p>

<p>1.08- 14.08/14.08 -27.08</p>	<p>Успенский пост. «Присвита Богородица умерла, дак пос(т)ничают». «Главное – лук до Успенья урвать».</p>
<p>1.08/14.08 6.08/19.08 16.08/24.08</p>	<p>Первый Спас (медовый). «Прошел первый Спас – бери рукавицы на запас, а прошел второй Спас (яблочный) – бери и с vareжками, а третий Спас (ореховый) – бери и валенки на запас». «[Если] первый Спас с инеем – бери рукавицы про запас». «Первый Спас - [бывают] иньи».</p>
<p>6.08/19.08</p>	<p>Преображение Господне. «Никольска [неделя] для ярового, а Преображенская неделя для озимого лучше всего».</p>
<p>8.08/21.08</p>	<p>Изосимы – Саввати, Соловецкие чудотворцы. «Изосимы – Саввати избавили по молитве от болезни лошадь. Потом сына. Ничем не личиў».</p>
<p>18.08/11.09</p>	<p>Фролы и Лавры, лошадиной праздник «Приезжают в Ракулу. Молебн служат, кропят [лошадей] водой. На лошадях в этот день не работают, если обещанные кони. У ково не обещаны – робят». «На Фролы-Лавры еще у нас бывают иньи». «Фролы-Лавры – конные пастыри». «Коновалы молятся Флору и Лавру. Будто бы последние были коновалы». «Пекли каравай лошадям в этот день и скармливали: лошадь считалась именинница в этот день».</p>

29.08/11.09	<p>Иван Постной.</p> <p>Название церковного праздника Усекновения главы Иоанна Крестителя. Существуют запрет брать в руки что-либо круглое, резать и есть круглое. Считается, что все круглое напоминает голову.</p> <p>«Не ходить в огород по галанку (брюкву. – <i>М. В.</i>) и репу. Под листом срывается [голова] Иван Креститель. Отсечена голова, так не надо снимать голову с галанки или репы».</p> <p>«В Иванов день в репу не ходят и брюкву, и капусту не берут. Иван Креститель спасаётся под листьями. Есть [в этот день] горох или репу считается большим грехом. А ребят обманывают, что зубы заболят – нельзя есть».</p> <p>Бабье лето.</p> <p>С Иванова дня бабье лето до Богородицына дня (то есть с 29.08/8.09 – 11.09/21.09), до Рождества Пресвятой Богородицы (8.09/21.09) – десять дней.</p> <p>«В бабье лето лен убирают, мнут» (чистят).</p> <p>«[Если в первый день бабьего лета] выглянет красивая баба в окно – будет красное лето, а выглянет некрасивая алипатра – будет лето мурговато и дождливое, с ветром».</p> <p>(В Кокшеньге бабье лето не имеет единого срока. В д. Якуринской Павла Ефимовна Фомина, в отличие от О. А. Баскарева, называет сроки бабьего лета другие: с 5.09 по 24.09 (18.09/7.10), то есть 19 дней – <i>М. В.</i>)</p>
-------------	---

Сентябрь

1.09/14.09	<p>Симеон Столпник</p> <p>«Симеон Столпник отдал свое тело на съедение мухам. Стоял на столбе, покуда не упаёт – овод съел. В этот день хоронят мух: после этого мухи умирают, осень не надоедают».</p>
------------	---

	<p>«Семенов день. Мух хоронят: тогда все мухи примрут».</p> <p>«На Семена не продают луку, иначе лук доведется. Если продают, то с договором и высыпают, расפורовши мешок в дне или сбоку. То же с пшеницей. А надо развести пшеницу, то ее воруют (ночью из суслонов или зародов)».</p>
8.09/21.09	<p>Рождество Богородицы</p> <p>«Ива рано покроется цветом – шишка такая, белой цвет пух, за мисяц до снегу (осенью). Бывает после Богородицына [дня] или на Звиженье».</p> <p>«Богородицын день – кончают жниву. Богородская губа последняя».</p>
14.09/27.09	<p>Звиженье (Воздвижение Креста Господня)</p> <p>«Звижев день – кафтан с шубой надень».</p> <p>«После Здвиженье медведей в берлогах обходят: уже легли».</p> <p>«Вздвиженье медведь в берлогу забираетсе».</p> <p>Начало охоты на рябчиков и тетеревов.</p>
22.09/5.10	<p>Фокин день</p> <p>«Ясный, дак и осень протяжная, дождливый – скоро снег будет и осень холодная. Если первая половина дня сухая – весна будет сухая, вторая ясная – осень будет сырая. День чистый с солнечным сиянием – засуха будет большая, день ясный, но с облаками и ветренный – то лето будет ветренное и холодноватое».</p>
24.09/7.10	<p>Феклы зажигательницы</p> <p>«Если ясный день бывает, это в тот год пожаров будет много. Ежели день серой, мы говорим: «Слава Богу! Пожаров в этом году будет мало». (Замолотки в овинах идут с огнем. В натопленных овинах молотят. Бывают пожары).</p> <p>«Фекла Зажигатьеница красиво – пожаров бывает много».</p>

27.09/10.10	<p>Савватиев день «Жнивье кончали даже в поздние года». Пивной праздник в честь Зосимы и Савватия в Ростове, Усачихе, Степанихе (Верхняя Кокшеньга). «Изосимы-те Савватии шли откуль-то. Нёс икону. Оставили в Долговицях, где монастырь-то, да в Степанихе. В Степанихе пиво варят каждый год (27.10), в Ростове, в Усачихе тоже». Пожелание варящим пиво: «Мед да патока! Двоевара хмельная! Просим милости». «В сентябре начинают стелить и бучить лен. Здороваются с теми, кто стелет: “Шоук тебе на руки!” – “Спасибо!” или: “Спасибо, лебедь белая”. Когда бучат лен, мужчины здороваются: “Бог на помочь!” Женщины вместо “Бог на помочь!” [говорят] “Лебеди лители, бело крылушко уронили”. За тепаньем или чесаньем льна [говорят]: “Шеўк на руки!”»</p>
-------------	---

Октябрь

1.10/14.10	<p>Покров «Покрыл землю снежком, девицу – женишком». На Покров день бывает снег. «Батюшко Покров, покрой теплом (углы конопатят старухи)» «Покровская суббота по голу, дак и Дмитриевская по голу (если и попадет [снег], дак растет)». «Божатко Покров! Покрой землю снежком, а меня хорошим жонишком». «Конопатят избы: “Тятенько Покров, покрой избу теплом”».</p>
14.10/27.10	<p>Параскева Пятница «Пятница Парасковья, пошли жонишка поскоряе».</p>

27.10/8.11	<p>Дмитриев день (Информатор ошибочно относит этот день к 26.10.) «Овин именинник. Испекут ярушничек, хозяин пойдет на овин и там поздравляет, отломит ярушничек и скажет: “Доброво здоровья овиннику-имяниннику”. Иногда все семейство поздравляет овин».</p> <p>«Овин именинник. Испекут пироги и ходят человек (двое) на Овин молить здоровье. В этот день мало уже молотят. У меня робятишка ходили, дак щи-то еще кичурикают: “Доброва здоровья Овиннику! Кичурика, Овинная матушка! Сто лет стоять да богату быть!”»</p> <p>«Осенью гуси литят низко – скоро снег будет. Лебеди литят – снег будет, самое большее, через пятеро суток снег будет. Лебеди пролители снег на крылушках пронесли.</p> <p>(У Спаса – утки.) Лебеди со снегом литят – скоро снег будет».</p> <p>«Дмитриевская суббота – поминание родителей».</p>
------------	--

Ноябрь

1.11/14.11	<p>Козьма – Демьян «Козьма – Демьян братья родные были». «На Козьму – Демьяна кашу варят. Пойдем сиять. Дежени намисят: «Козьма – Демьян, пособляйте посеять, идите каши хлебать (или соломату, или дежени)»».</p>
14.11/27.11	<p>Свинобитное заговенье «К этому времени свиней бьют, после начинается Филиппов пост».</p>
21.11/4.12	<p>Введение, Введенъев день (Введение во Храм Богородицы, информатор ошибочно указывает дату (24.11)). Введенская оттепель.</p>

	«Введение ломает леденье». «На Введение оттепель – и на Николу (6.12) оттепель, и на Рождество (25.12) – оттепель».
26.11/9.12	Егоргий (Георгий) Осенний (холодный) «Свинья к морозу забирает[ся] в солому и визжит.»

Декабрь

1.12/14.12	Наум Грамотник Устраивают молебен, чтобы дети хорошо учились. «Пророк Наум, наставляя детей на ум». «С 1 декабря начинали учить грамоте».
6.12/19.12	Николай Зимний 6.12 – 12.12 – Никольская неделя. «Копят на Никольской неделе масло и возят в казну, шоб для коров полегче было год прожить, здоровья Бог дал [бы]».
12.12/25.12	Спиридон Солнцеповорот «Солнце не лето – зима не мороз».
25.12/7.01	Рождество «С Рожества начинают примечать, какая погода. В Рождество снег – пчелы будут хорошо роиться». «Погода соответствует: Рождество – Иванов день. Рождество – против Рождества». «Если на Рождество дож[дь] или мокрота, то урожайная рожь». «На Рождество ясная погода, кружев[ной?] лес, так хлеб хорош будет».
25.12/31.12 (26.12/5.01)	Святые вечера (Святки) «Девки-матки, проспали святки. Будем масленицы ждать».
31.12/13.01	Маланья «На Новый год [в день] Маланьи-Кишочницы – кишки начинивают». В конце Нового года – Щедрый вечер. Связано с представлением об изобилии. Выражение «маланьяина свадьба» – значит изобилие».

Переходные праздники
(от В.П. Кузьмина, А.В. Едемского)

Масленица – неделя перед Великим постом. «Если в который день красиво на масленице, надо в тот день сит[ь]».
Вербное воскресенье – за неделю до Пасхи. «На вербице сиверко, дак и в Троицу сиверок».
Пасха – по старому стилю приходилась на период с 22 марта по 21 апреля.
Троица. Воскресенье, 50-й день после Пасхи. «В Троицу красиво – сенокос хорош. И наоборот».
Семи́к – седьмой четверг после Пасхи. «Троицкий Семи́к – праздничек невелик, да виден».
Чистый четверг (Великий Четверг) – на последней, Страстной неделе Великого поста.
На Чистый понедельник ветра – корм выдует, не хватит кормов, весна будет холодной, трав не будет долго.

**Приметы, связанные со скотиной,
приуроченные к Великому Четвергу**
(от А.В. Едемского)

«Ходят по муравьище и рассыпают по двору, щобы велась скотинка лучше и говорят: “Цярь-Муравей, Цяриця – муравьица, об цём я тибя покорюсь и помолюсь. Как у тебя мужицки ведутца на муравьищалке, дак так бы у меня велась скотинка в доме”»
«В Великий Четверг, когда ударят к заутрине, хозяйка бежит коров будить, чтобы коровы все лето сами приходили домой»
«В Великий Четверг пекут четыре корова. Один коням, один коровам, два сами едят. Из этих короваев хлеба на разнос не дают (попам или нищим)».
«В Великий Четверг хозяйка забирается на крышу и спрашивает в трубу хозяина, дома ли кони и весь скот. Тот отвечает: “Дома”».
«В Великий Четверг в трубу говорят: “Дома кони, дома коровы, дома овцы, дома свињи, дома весь скот”. Повторяют три раза».

Девичьи обряды Великого Четверга

(от А.В. Едемского)

«Девичьи ходят на муравьища, борушку закапывают еще накануне в среду. И в Великий Четверг подходят к муравьищу и говорят: “Царь-Муравей, Царица – Муравьица, об цём я тебя покорюсь и помолюсь: как на етом муравьищнике мурашки сповзаютца со всех четырёх сторон и никто не может их задержать, не конные, не пешие, не вершныи, так бы ко мне, рабе божией (имярек), ехали жонихи со всех сторон и никто бы их не мог задержать: не пешие, не конные, не вершныи”».

«В Великий Четверг котора девка насиделась в девках, дак в Великий Четверг всю скруту и дары перебирает в клетки [и приговаривает]: “Вы, дары, належались, а я в деках насиделась. Вас пора дарить, а мне замуж выходить”. Повторяет три раза».

«В Великий Четверг нарядится девка во всю скруту и выйдет на крышу. Подходит к трубе. Снизу спрашивают: “Чья эка деука, да чья эка красавица?” Девичья отвечает: “А Иринья Александровна!”»

Приметы, связанные с переходными праздниками

(от О.А. Боскорева, А.В. Едемского)

«В который день Петров день (29.06/12.07) – в тот день Ильин (20.07/2.08) день» (то есть такая же погода. – М. В.).

«А в который день Ивана – в тот Прокопьев день».

(Информатор не указывает, кого он имеет в виду: Иоанна Богослова или Иоанна Крестителя. Скорее всего, он имел в виду дни памяти Иоанна Крестителя, отмечаемые зимой и весной -- 7.01/20.01 или 27.02/9.03. День памяти Прокопия Устюженского – 8.07/21.07. В этот же день – праздник явления иконы Казанской Божией Матери; с ним связано представление о начале лета, подготовке к жатве, сенокосу. – М. В.).

«А в который Успенье [Пресвятой Богородицы, 15.08/28.08] – в тот и Веденье» [Введение во Храм Пресвятой Богородицы, 22.11/4.12].

«В какой день Благовещев день (Благовещенье, 26.03/7.04) – в тот день не начинают сеять, жать, овец не выпускают. Скот не выпускают так, чтобы кто-нибудь попался встрече – будет несчастливо (волки и пр.). Если кто из дому отъезжает, в тот день не выпускают скот».

«В Балговещенье птичка гнезда не вьет, девица косы не плетет. Волосы не чешут».

«На Благовещенье нельзя спать после обеда. Не ложись в Благовещенье спать, дак пчёлъе гнзидье найдешь».

«В какой день Благовещев день, в тот день на зачинают жать, скота не выпускают в этот день».

«Ежели как в Чистый понедельник чистая погода (ясно), то год будет плохой».

«В Чистый понедельник за сеном не ездят – все сено вычистит, выберет».

Последняя неделя Великого поста – «Страстная седмица».

«Страшная нидиля – мы признаем, що Иисус Христос приготавлиўсе к смерти, дак он всю ниделю молиўсе Богу, а в петницу ево придали смерти, в субботу ево хоронили. Дак [вот] почему ето страшная суббота. Я уж и не знаю: может быть и не ему было страшно, а матери ево, уж и не знаю, що ето такое».

Рекомендации по сборанию фольклорно-этнографических сведений о календарных обычаях, обрядах, поэзии

Предлагаемая форма работы рассчитана на привлечение учащихся к поисковым формам научно-практической деятельности. Беседы с исполнителями-информантами позволят познакомить учащихся со старой крестьянской бытовой культурой, сохранившейся в наши дни в пережиточном виде в форме воспоминаний, зафиксировать новые обычаи и новые ритуалы, привязанные к традиционным народным (масленица, семик и др.) или даже церковным праздникам.

На современном этапе наблюдается забвение некогда важного хозяйственно-практического назначения обычаев и обрядов, превращение их в увеселительные праздники или детские развлечения, игры.

Это самая характерная форма бытования календарных обрядов в наши дни.

Большое распространение получили в последнее время фестивали народного творчества, оживившие интерес к народной культуре, продолжающие и развивающие вековые национальные традиции на новом уровне. Изучение этого процесса – научная проблема, в решение которой школа способна принять участие и оказать практическую помощь ученым, занимающимся исследованием эволюции традиционной народной культуры.

Рекомендации по подготовке к записи.

1. Знакомство с информантом: место рождения, возраст, личные качества (хорошая память, общительность, образование и т.п.).

2. Рекомендуется предварительно договориться с информантом о беседе в удобное для него время. Беседу желательно проводить в домашней обстановке, в отсутствие родственников, которые могут слушать рассказчика, Необходимо расположить к себе информанта, вызвать у него желание поделиться воспоминаниями о прежней жизни, ее культурно-бытовом укладе.

3. Необходимо продумать последовательность вопросов и тем предстоящей беседы. Желательно записывать на диктофон, о чем поставить в известность рассказчика. Если разрешения не

получите, нужно записывать, не перебивая, не поправляя собеседника. Непонятное отмечайте по ходу работы, чтобы спросить после сообщения. Вопросы формулируйте просто и доступно, не используя жанровых обозначений. Следует четко фиксировать речь информанта, особенности диалекта. Независимо от результата беседы, поблагодарите за помощь.

Все записи только тогда представляют научную ценность, если они правильно паспортизированы:

- дата записи (число, месяц, год);
- место записи (деревня, село, город, область);
- сведения об информанте (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, образование);
- фамилия, имя, отчество собирателя, возраст.

4. Примерная схема опроса по каждому календарно-обрядовому циклу.

— Общерусское и местное название календарного обряда (праздника).

- Время проведения обряда (дата, суточное время).
- Место проведения обряда (праздника).
- Содержание и структура праздника.
- Праздничная одежда.
- Праздничная еда.
- Праздничные гулянья (вечорки, беседы и т.д.).
- Половозрастной состав участников обряда (праздника).
- Какие праздники справлялись здесь раньше?
- Какие праздники справлялись только в вашей деревне / селе?
- По каким приметам определяли приход зимы, весны, лета, осени?
- Какие приметы, поверья, запреты связаны с обрядами (праздниками)?
- Какие песни, припевки исполнялись во время обрядов, кем и как они исполнялись?

Примерные вопросы по собиранию календарных обрядов и календарной поэзии

1. Новый год. Святки. Рождество.

1. Какие обряды и праздники, народные и церковные, отмечались в вашей местности, в вашей деревне / селе, в вашей семье?

2. Какие обряды совершались на святки, ходили ли колядовать, кто ходил (дети, взрослые), в какое время суток, получали ли вознаграждение? В каком виде? Как им «распоряжались» (делились, устраивали коллективную еду, и т.п.). От информантов какого возраста записали обряд и сопровождающие его песни? Какие песни исполнялись?

3. Устраивали ли посиделки? Вечорки? Что делали на вечерках? Какие песни пели?

4. Сохранился ли обряд ряженья? Кем рядились? Кто рядился? Какие действия проводили ряженые? Как объясняли их смысл?

5. Какие типы гаданий известны информантам, как и где они проходили, кто в них участвовал, какими словами (песнями?) сопровождалось гадания? Как объясняли предсказания? Какие предметы были задействованы в гаданиях?

6. Сохранились ли приметы об урожае, приплоде скота, погоде, в каких формулах (текстах) они высказывались?

7. Помнят ли информанты обряд «кликанья» (зазывания) Мороза, его приглашения на трапезу? Кто выполнял этот обряд? Где он проводился? С какими словами обращались к Морозу, что у него просили? Какие приметы связаны с крещенскими и рождественскими морозами? Каким рисуется образ Мороза? Каким представляется современный Дед Мороз и каковы его функции?

8. Какие вам известны литературные обработки представлений о Морозе, как природной стихии, и как символе праздника Нового года.

9. Какие семейные традиции связаны с Рождеством, Новым годом, Святками? Как готовилась семья к этим праздникам? Как

было организовано праздничное застолье? Как располагались за столом члены семьи и гости? Какие тосты произносились? Принято ли было одаривать членов семьи и пришедших гостей?

10. Какие предания, былички, рассказы, воспоминания, приуроченные к Новому году, Рождеству, Крещению, Святкам.

II. Масленица

1. Как в вашей местности праздновали Масленицу? Как назывались дни масленицы? Как ее встречали, провожали, делали ли чучело Масленицы? Во что одевали?

2. Какие обряды устраивались на Масленицу (катанье с гор, кулачные бои и т.д.)?

3. Какие песни исполнялись, только масленичные, или и другие?

4. Где устраивались масленичные костры, какие ритуалы вокруг костров проводились?

5. Устраивались ли в Масленицу «смотри молодоженов»?

6. Известны ли в вашей местности поминальные обряды, посещение кладбища, поминовение предков?

7. Какая еда считалась обязательной? Как готовилась блинная опара? Какими обрядами сопровождалась выпечка блинов? Кому посвящался первый блин?

Как отмечалась Масленица в вашей семье? Как отмечается Масленица в вашей местности (деревне, селе, городе) сейчас?

III .Весенние обряды

1. Известны ли в вашей местности обряды, связанные с приходом весны?

2. По каким приметам отмечали ее приход?

3. Помнят ли информанты обряд закликания весны?

4. Какие птицы первыми прилетали из теплых краев?

5. Как их встречали?

6. Какие песни и приговорки исполнялись?

7. Когда начинали весной водить хороводы? Как они назывались?
8. Кто принимал участие в хороводах?
9. Как разыгрывалось содержание песни?

IV. Егорьев день

1. Как проходил первый выгон скота?
2. Почему он был приурочен к Егорьеву (Юрьеву) дню?
3. Зависел ли выгон скота от погоды?
4. Как выбирали пастуха? Каким требованиям он должен был отвечать? Какие функции выполнял?
5. Какие предметы-обереги должен был иметь пастух?
6. Какие обычаи чествования пастухов существовали в вашей местности?
7. Как назывались тексты, с которыми пастух обходил стадо? Каково содержание пастушьих текстов (заговоров, отпусков, слов)?
8. Какие обряды перед выгоном скотины проводились в каждой семье?
9. Какие обереги предпринимали хозяева скотины (чтобы скотина не отбивалась от стада, не задрал волк и т.д.)?
10. Знает ли информатор заговоры о приплоде скота?
11. Какие приметы, пословицы связаны с этим днем?

V. Церковные праздники

Вербное воскресенье, Страстная неделя, Великий четверг, Пасха. Как отмечались эти праздники?

VI. Семик – Троица

1. Какие обряды совершались на Троицу?
2. Помнят ли информанты обряд завивания березки? Какими действиями он сопровождался?

3. Помнят ли информанты обычай хоронить кукушку? Кострому? Как оформлялись эти обряды?

4. Какие поминальные обряды справлялись во время Троицы?

5. Какой зеленью украшали дом, улицу, церковь? Какие функции приписывались обрядовой зелени?

6. В романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» есть упоминание о девичьем обряде ронять слезы во время Троицкого молебна на букет цветов («Умилно на пучок зари / Они роняли слезки три...» Гл. II, стр. XXXV). Спросите информанта, помнят ли они подобный обычай?

7. Изготавливали ли девушки в Троицу венки? Когда надевали венки? Как долго хранили?

8. Известны ли гаданья по венкам? Какими словами сопровождалось гаданье? Какие приметы связаны с пусканием венков по реке?

9. Какие песни исполнялись во время семицко-троицких праздников?

VII. Иван Купала

1. Как отмечался в вашей местности день Ивана Купалы? Аграфены Купальницы? Петров день?

2. Как в вашей местности назывался праздник (Травный, Веселый, Цветный и т.п.)?

3. Какие обрядовые действия совершались в эти дни? Кто принимал в них участие?

4. Разжигали ли в вашей местности купальские костры? В каких местах их разжигали? Что делали у горящего костра? Прыгали ли через огонь? Зачем?

5. Какие обряды связаны с культом воды? Существовал ли обычай париться в эти дни в бане купальскими травами?

6. Какие поверья связаны с купальскими травами? Какие рецепты известны информантам?

7. Какие рассказы о цветке папоротника бытуют в вашей местности?

8. Известны ли информантам поверья об «игре солнца»?

9. Какие действия предпринимались для защиты от нечистой силы, которая была наиболее активна в ночь на Ивана Купалу? Какие растения использовались в качестве оберега?
10. Существовал ли обычай коллективной трапезы в поле?
11. Какие песни пели, в какие игры играли, как танцевали?
12. Какие предания о купальских праздниках сохранились в вашей местности?

VIII. Ильин день

1. Каким рисуется информантам образ Ильи-пророка (опасный, могучий, огненный и т.д.)? Существовали ли обряды задабривания «сердитого Ильи» (Дары Илье)?
2. Какие запреты существовали в Ильин день? Какие охранительные меры предпринимались, чтобы гнев Ильи-пророка не обрушился на людей?
3. Какие обряды выполнялись с первым хлебом, испеченным из зерна, собранного в Ильин день?
4. На какие крестьянские дела распространялось покровительство Ильи?
5. Известны ли в вашей местности, проводимые в Ильин день, «мирские складчины»?
6. Какие приметы, пословицы, поговорки связаны с Ильиным днем?

IX. Флор и Лавр – лошадиный праздник

1. Использовались ли в этот день лошади для работы?
2. Известен ли в вашей местности обряд «конной мольбы»? Как он проходил? Кто проводил обряд?
3. Устраивались ли в день Флора и Лавра конские скачки? Кто в них участвовал?
4. Выпекали ли обрядовое печенье для лошадей?

Х. Жатвенные обряды

1. Какие действия выполнялись в последний день жатвы? Из каких элементов состоял обряд?
2. Оставляли ли на поле несжатыми несколько волоток? Как их называли («борода», «косица», «коза» и др.)?
3. Известен ли информанту обряд «завивания бороды»?
4. Кто завивал «бороду»? Какими формулами сопровождался обряд? Кому предназначалась «борода»?
5. Существовал ли обряд «кормления земли»?
6. Как изготовлялся последний сноп? Какие предохранительные действия выполнялись при этом? Как его называли (овсей, баба и др.)?
7. Совершали ли гаданья по снопам?
8. Какое угощение готовили в честь последнего снопа и завершения жатвы?
9. Известен ли обряд возвращения силы после жатвы (катанье по полю)? Как он проходил?
10. Какими заклинательными формулами сопровождался обряд?
11. Известен ли информантам обряд похорон мух? Как он проходил? Какими приговорками сопровождался? Каким образом этот обычай связан с мотивом жатвы?

ХІ. Покров Богородицы

1. Как информанты объясняют символику «покрова» Богородицы (Покрой (спаси) от врагов, беды, покров земли снегом, покров невесты свадебным платком и т.д.)?
2. Какие действия девушки приурочивали к Покрову Богородицы, чтобы найти суженого?
3. Какие заговоры произносили?
4. Ткали ли в вашей местности девицы «Обыденную пелену»? Каково ее назначение?
5. Проводились ли в вашей местности Покровские вечеринки молодежи? Посиделки? Какие песни исполнялись? В какие игры играли?

6. Какие обряды выполнялись в Покров-день, чтобы уберечь скотину от бескормицы и болезней?

7. Проводились ли в вашей местности Покровские ярмарки?

XII

1. Какие календарные обряды бытуют в вашей местности до сих пор?

2. Какие обряды инсценируются, перешли в художественную самодеятельность?

3. Какие новые обряды оформились и активно бытуют в вашей деревне, селе, районе, школе и т.д.?

Вологжане – краеведы:
Николай Александрович Иваницкий
Андрей Алексеевич Шустиков
Михаил Борисович Едемский

ИВАНИЦКИЙ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (12(24)02, Вологда, 11(23)XI.1899, Никольск-Уссурийск) – ботаник, этнограф, фольклорист, поэт. Из дворян Вологодской губернии. С 1858 г. живет с семьей в Петербурге. В 1868 г. исключен из Военно-юридического училища, сослан в Вологду по подозрению

Н. Иваницкий

в «политической неблагонадежности». В 1871 г. получил право жить где угодно, «за исключением столиц и столичных губерний». Отбывал ссылку в Вологде, Тотьме, Кадникове, был знаком с политическими ссыльными П.Л. Лавровым, А. П. Чаплицкой, Н.А. Гернетом, Д.К. Гирсом.

По своему мировоззрению Н.А. Иваницкий был материалистом, разделял идеи революционеров-демократов, относился с особой симпатией к Д.Н. Писареву, но активного участия в революционной деятельности не принимал, хотя страстно любил обездоленный народ, о чем свидетельствуют его этнографические очерки, и жаждал обновления России. Годы с 1871 по 1899 беспокойные и «кочевые»: Иваницкий служит в разных заведениях: телеграфистом (Ярославль, Вытегра), библиотекарем (Вологда), почтмейстером (Никольск), младшим помощником правителя канцелярии архангельского губернатора, секретарем губернской управы (Петрозаводск), в земской управе (Кадников), «в разных учреждениях» в Грязовце, Устюге, Усть-Сысольске. Постоянно и безрезультатно хлопочет о «самом скромном месте» в столице. В 1899 подал прошение и был зачислен чиновником особых поручений VIII класса для оказания помощи крестьянам-переселенцам в Уссурийский край. С первой партией переселенцев он отплыл к месту назначения. По прибытии в Никольск-Уссурийск заболел тифом и скончался 11 ноября 1899.

Н.И. Иваницкий вошел в историю Вологодчины как краевед. Он ревностно занимался ботаникой и составил гербарий и список растений Вологодской губернии, получив высокую оценку ученых-специалистов, активно интересуясь жизнью простого народа, занимается этнографией, издает «Материалы по этнографии Вологодской губернии» (1890). За эту работу «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии» при Московском университете избирает его в действительные члены и присуждает серебряную медаль. Пишет большую работу «Сольвычегодский крестьянин. Его обстановка, жизнь и деятельность» («Живая старина», 1898, вып. 1).

Интерес к фольклору и этнографии сближает Н.А. Иваницкого с академиками Я.К. Гротом, В.И. Ламанским, А.А. Шахматовым, собирателем народных песен П.В. Шейном. Иваницкий активно сотрудничает с Русским географическим обществом, печатается в «Живой старине», «Вологодских губернских ведомостях». В «Вологодском статистическом сборнике» (тт. 3, 4, Вологда, 1883, 1885), где публикуются 361 песня, 90 загадок, 1026 пословиц и поговорок. В 1887 г. он составляет песенный

сборник (631 текст). В 1891 г. составляет новый сборник песен, состоящий частично из старых и новых записей. Тексты систематизированы по темам: любовные (156 номеров), бытовые (199), игровые (99), свадебные причеты (202), свадебные песни (44), сатирические (49), повествовательные (17), перегудки (27). Кроме того им подготовлены к печати рукописные сборники пословиц, поговорок (2078 номеров) и загадок (251 номеров). Н.А. Иваницкого отмечала тщательность и достоверность в отборе фольклорно-этнографических фактов, демократические воззрения на народ и народное творчество.

Методика собирательской практики Н.А. Иваницкого связана с его общественно-политическими взглядами. В его фольклорном собрании широко представлены антибарские и антипоповские тексты, в которых классовый и социальный характер их творцов и носителей выражался достаточно ярко. Н.А. Иваницкого интересовало общее состояние фольклорной традиции Вологодского края. Он стремился к наиболее полной и точной записи текстов, запись пословиц и поговорок сопровождал пояснениями, записывал фольклор не только от крестьян, но и от городского населения. Фольклорное собрание Н.А. Иваницкого за небольшим исключением охватывает все жанры устного народного творчества и свидетельствует о беззаветной любви собирателя к родному Северу и его народу.

Первым сводным собранием фольклорных материалов Н.А. Иваницкого является труд Н.В. Новикова «Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии» (Вологодское книжное издательство, 1960). В сборнике помещен портрет Н.А. Иваницкого, открывает сборник статья-очерк о жизни и творческой деятельности, примечания, перечень текстов, не вошедших в сборник, полная библиография научных и литературных трудов Н.А. Иваницкого.

См. так же: Вологодская энциклопедия. – Вологда, 2006. – с. 220.

ШУСТИКОВ АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (19.08 (31.08)1859, д. Хмелевская (Бережок) Верхнекубенской волости, Кадниковского уезда, Вологодской губернии. – 1929, Вологда), из семьи крестьян, перешедших после отмены крепостного права в купеческое сословие. Получил домашнее образование. Близкое знакомство с образованными местными дворянами и помещиками

(А.А. Квашнин-Самарин, А.Е. Мерцалов, А.Е. Бурцев, П.А. Дилакторский), чьими библиотеками А.А. Шустиков пользовался, позволили ему подготовиться и поступить на естественное отделение Киевского университета вольнослушателем, но по доносу в «политической неблагонадежности» он был исключен, вернулся в Кадников, крестьянствовал, имел земельный надел, был членом сельской общины. Под влиянием политических ссыльных, особенно Г. Лопатина, проникся идеями «демократического народоведения», но улучшение жизни крестьянства он видит не в социальном перевороте, а в сохранении патриар-

хального уклада, в усилении роли общины в деревне. Эти идеи он излагает в ряде работ: «Взгляд крестьян Кадниковского уезда на земельную собственность» (1907), «Право семейной и личной собственности среди простого народа Кадниковского уезда» (1909) и др. Его приход в фольклористику и этнографию не был случайным. В провинциальном Кадникове был очень тесный круг общения. А.А. Шустиков служил в земстве вместе с Н.А. Иваницким, членами РГО были хорошо знакомые Шустикову братья Дилакторские, Сергей и Прокопий, учителя Е.В. и В.Е. Кичины, священнослужители Н.С. Воронов и П.М. Шайтанов и др.

Шустиков активно включается в краеведческую работу. Он член-сотрудник РГО, один из сотрудников «Словаря» А.А. Шахматова. Систематически отвечает на анкеты «Этнографического бюро» князя Тенешева, печатается в «Вологодских губернских ведомостях» (1883, 1885, 1887), в «Живой старине» (1892, 1895, 1898, 1902, 1903, 1907, 1909), награжден серебряной и золотой медалями Императорского Русского географического общества за очерки «Троичина» (1883) и «Тавреньга» (1895).

А.А. Шустиков – фигура довольно типичная для фольклористики конца XIX – начала XX века. Крестьянин по происхождению, он знал «изнутри» быт, нравы, умонастроение крестьянства. В фольклорно-этнографических очерках он выступает не как человек со стороны, а как один из представителей крестьянства, угнетенного и обездоленного. Наиболее ярко и последовательно Шустиков изложил свои общественно-политические взгляды в публицистическом сочинении «Плоды досуга» (1900).

Как собиратель и исследователь фольклора, Шустиков стремился записать все фольклорные жанры, бытующие в Кадниковском и Вельском уездах: «Предания, обычаи, заговоры. Суеверия и ворожба в среде населения Кадниковского уезда» (1885), «Лирические песни, частушки, пословицы...» (1891), «Речи дружки» (1893), «Свадебные причитания» (1894), «Народные игры...» (1895), «Сказания и сказки Вельского уезда» (1895), «Перегудки» (вместе с Н.А. Иваницким) (1898), «Сказки Кадниковского уезда» (1919 – 1920) и др.

Примерно в 1909 – 1910 гг. Шустиков переехал в Вологду, служил в Вологодском губернском земстве; 1909 – 1912 гг. – был гласным Вологодской городской думы. А.А. Шустиков был председателем географо-этнографической комиссии (1915), членом историко-культурной секции Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК) (1924), почетным членом ВОИСК (1924), печатался в «Известиях ВОИСК», «Вологодском листке» (1913 – 1917): «По деревням Олонецкого края», «Предсказания и приметы из жизни животных», «Хулиганство в деревне и его поэзии» (частушки), «Виноградье...» и др.).

К собирательской работе А.А. Шустиков приобрел своих детей: сына Константина, который вместе с ним ездил в Тавреньгу (1913) и записывал сказки, и дочь, Марию Андреевну, учительницу Троицко-Енальской школы 2-й ступени. Вместе с учащимися она записала 33 листа текстов различных фольклорных жанров. В 1920 г. сгорел дом А.А. Шустикова в Вологде на Фрязиновской набережной. Сгорел архив Шустикова и переданные ему на хранение архивы историка А.Е. Мерцалова.

Литература:

Азадовский М.К., История русской фольклористики. – М., 1963. – С. 246.

Дилакторский П.А. Вологжане – писатели. Вологда, 1900. – С. 133 – 134.

Швецов М. Из прошлого: Историко-литературные очерки. – Вологда, 1913. – С. 19 – 20. – Веселовские А. и А. Вологжане – краеведы: Источники словаря. Вологда, 1923.

Дилакторский П.А. Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 до 1904. – Вологда, 1921.

Вологодская энциклопедия. – Вологда, 2006. – С. 548.

ЕДЕМСКИЙ МИХАИЛ БОРИСОВИЧ (24.05.1870, деревня Рыколовская (Угольная) Спасской волости Тотемского уезда Вологодской губернии – 28.12.1933, Ленинград). Крестьянин по происхождению, получивший высшее образование. Окончил Спасское земское училище, Тотемскую учительскую семинарию (1890), был сельским учителем. С 1895 – 1898 – заочно обучается в Петербургском учительском институте. До 1903 г. учительствовал в Псковской, Петербургской губерниях, затем в Петер-

бурге. В 1903 г. выдержав экзамен за полный курс гимназии (учительские дипломы не давали права поступления в университет), был зачислен на естественно-историческое отделение физико-математического факультета Петербургского университета «сторонним слушателем» (заочно), который окончил в 1912 г. с дипломом первой степени по специальности геология и минералогия.

Увлечение Едемского фольклором и этнографией началось с собирания материалов для «Словаря» академика А.А. Шахматова (1895), дружеские отношения с которыми повлияли на становление Едемского как ученого-этнографа и фольклориста. Первые публикации появились в «Живой старине»: «Говор жителей Кокшеньги» (1905), «Вечерованье, городки (хороводы) и

песни в Кокшеньге Тотемского уезда» (1905) – открывают серию публикаций, воссоздающих целостную и многогранную картину культурной истории Кокшеньги конца XIX – начала XX века, освещая разные стороны жизни кокшаров: хозяйственный быт, типы построек, торговые связи, ремесла, историю, обряды, обычаи, нравы, народное творчество, язык, календарь, праздники и т.д. («Загадки в Кокшеньге» («Живая старина», 1906); «Прозвища в Кокшеньге» («Живая старина», 1907); «Свадьба в Кокшеньге» («Живая старина», 1907); «Семнадцать сказок Тотемского уезда» («Живая старина», 1912); «О крестьянских постройках на Севере России» («Живая старина», 1915). М.Б. Едемский – сотрудник «Живой старины» (с 1905 г.), член-сотрудник РГО (с 1906 г.), действительный член РГО (с 1913 г.), пожизненный член ВОИСК (с 1916 г.), активный участник «Сказочной комиссии» (1911 – 1917; 1924 – 1928 гг.), пожизненный член Тотемского общества изучения Северного края, член общества естествоиспытателей, Русского минералогического общества, Русского палеонтологического общества и т.д. С 1912 г. активно заниматься геологией: участвует в ежегодных экспедициях (30 за 17 лет) на Северную Двину, п-ов Канин, Мезень, Печору, Пинегу, Кулой, участвует в разработке кадастров Белого моря, занимается научной работой («Атлас руководящих ископаемых» (Л., 1932), «Геология полезных ископаемых Северного края» (Архангельск, 1934), «Полезные ископаемые Северного края» (М.; Л., 1932), готовит к печати дневники проф. В.П. Амалицкого (1931) и др.

Фольклорно-этнографические интересы М.Б. Едемского (1917 – 1933 гг.) сосредоточены на подготовке к изданию собрания вологодских сказок. Фольклорно-этнографическую деятельность Едемского высоко ценили академики А.А. Шахматов, С.Ф. Ольденбург, этнографы-фольклористы Д.К. Зеленин, Н.Е. Ончуков и другие.

Подробно и М.Б. Едемском можно прочитать:

Вавилова М.А. Из истории Вологодского краеведения (М.Б. Едемский, 1870 – 1933) // Вологда: Краеведческий альманах. – Вып. 3. – Вологда, 2000, – С. 576 – 591 (там же библиография его работ. – С. 589 – 591).

Вологодская энциклопедия. – Вологда, 2000. – С. 201.

Примечания

1. Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 1. – М., 1887; т. 2 – М., 1910; т. 3 – М., 1924. Сперанский М.Н. Народная словесность. – М., 1917. Соколов Ю.М. Русский фольклор. – М., 1938; 2-е изд. 1941. Русское народное поэтическое творчество./Под общей ред. проф. П.Г. Богатырева – М., 1956. Чичеров В.И. Русское народное творчество. – М., 1956. Баранов С.Ф. Русское народное поэтическое творчество. – М., 1962. Русское народное поэтическое творчество./Под ред. проф. А.М. Новиковой. – М., 1969; 2-е изд. – М., 1978; 3-е изд. М., 1982. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество. – М., 1977. Юдин А.В. Русская народная духовная культура. – М., 1999. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М., 2001. Зуева Т.В., Кирдан Б.В. Русские фольклор. – М., 2002. Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору. – М., 2004.
2. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семантическом механизме культуры//Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. – Таллин, 1993 – Т. 3. – С. 326.
3. Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов. – СПб., 1913. – С. 2.
4. Пропп В.Я. Морфология сказки. – М., 1969. – С. 26.
5. Сказки Ф.П. Господарева/Записи текстов, вступительная статья, прим. Н.В. Новикова. – Петрозаводск, 1941. – С. 41
6. Померанцева Э.В. Коллективное и индивидуальное начало в сказке.//Художественный фольклор. – Вып. V. – 1929. – С. 119.
7. Пропп В.Я. Специфика фольклора.//Фольклор и действительность. – М., 1976. – С. 24 – 25.
8. Пропп В.Я. Специфика фольклора. – С. 36.
9. Элиаде Мирча. Священное и мирское: Перевод с французского, предисловие и комментарии Н.К. Гарбовского. – Изд. Московского ун-та, 1994. – С. 65.
10. Элиаде Мирча. Священное и мирское. – С. 69.

11. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора//Фольклор: Поэтическая система. – М., 1977. – С. 29-30.
12. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М. 1989, – гл. 1: Наука о культуре. – С. 28.
13. Пропп В.Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е, М., 1958. – С. 122.
14. Повесть временных лет./Вступ. статья Д.С. Лихачева. Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева//Памятники литературы Древней Руси XI – начала XII века. – М., 1982. – С. 24
15. Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня. – М.; Л., 1962. – С. 40.
16. Геродот. История в 9-ти книгах. – Л., 1972. – С. 150.
17. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М. 1940. – С. 207 – 208.
18. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. / Коллектив авторов. – М., 1983. – С. 203.
19. Толстой Н.И. Вторичная функция обрядового символа//Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – С. 167.
20. Цит. по хрестоматии: Русское народное поэтическое творчество/ Составители: Э.В. Померанцева и С.И. Минц. – М., 1959. – С. 49 – 50.
21. Цит. по книге: Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору. – М., 2004. – С. 55.
22. Вавилова М.А. Календарь Кокшеньги: по материалам полевых дневников М.Б. Едемского 1924 года//Вавилова М.А. Фольклор в контексте культуры. – Вологда, 2005. – С. 116 – 139. Материалы М.Б. Едемского хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве. Ф. 573, оп. 1, Д. 99 – 101. Все ссылки под цифрой «22» из этого источника.

23. Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории, 1947, № 1. – С. 9. Его же: Космогония и мифология земледельцев. / Советская археология, 1965, № 1. – С. 30.
24. Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования – М., 1982. – С. 136 – 138.
25. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб, 1994. – С. 267.
26. Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: Иллюстрированная энциклопедия. – СПб, 2001. – С. 522 – 523.
27. Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия... С. 136 – 138.
28. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI – XIX вв. // Труды института этнографии А.Н. СССР. Новая серия. – Т. 40. – М., 1957; Чичеров В.И. Русские колядки и их типы / Советская этнография, 1948, № 2. Земцовский И.И. Календарные песни как цикл (К вопросу о музыкальном словаре) // Вопросы теории и эстетики музыки. – Вып. 8 – М.; Л., 1968.
29. Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия... С. 136 – 138.
30. Цит. по: Соколова В.К. Заклинания и приговоры в календарных обрядах // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. – С. 20.
31. Андреев Н.П. Русский фольклор: Хрестоматия. – М.; Л., 1936. – С. 43.
32. Русский праздник. – С. 113.
33. Агапкина Т.А. Мифологические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. – М., 2002. – С. 33 – 34.
34. А ван Геннеп. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. – М., 1999. – С. 161 – 166.

35. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – М., 1994 – 1995. – Т 1. – С. 556.
36. Покровская Л.В. Земледельческая обрядность // Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. – С. 68 – 69.
37. Русский праздник. – С. 457.
38. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX – начало XX в. – М., 1971. – С. 31.
39. Чичеров В.И. Календарная поэзия и обряд//Русское народное поэтическое творчество./Под ред. проф. П.Г. Богатырева. – М., 1956. – С. 228 – 236.
40. Белозерье: Историко-литературный альманах. Т. 1. – Вологда, 1994. – С. 165 – 266.
41. Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. (Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), Т. LXIX. Труды этнографического отдела. Т. XI, вып. 1. – М., 1890. – С. 38.
42. «Отпуск» пастуха из Каргопольского района Архангельской области./Подготовка к публикации И.А. Морозова. // Мужской сборник. – Вып. 1. Мужчина в традиционной народной культуре. М., 2001. – С. 120 – 124.
43. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды. – С. 174.
44. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – С. 441-442.
45. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды. – С. 179.
46. Пропп Владимир. Русские аграрные праздники. – М., 2000. – С. 24.
47. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С. 357.

48. Коринфский Апполон. Народная Русь. – М., 2006. – С. 234.
49. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – С. 353 – 357.
50. Агапкина Т.А. Морфологические основы славянского народного календаря. – С. 408 – 412.
51. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды. – С. 174
52. Архив автора. Зап. В 1963 г. в д. Ананьевская Тарногского района Вологодской обл. от А.И. Едемского «Слышал от старика-соседа». На вопрос: «Как снова превращались – из медведей в людей» – ответил, что точно не объяснит, но «раньше все могло быть!»
53. Агапкина Т.А. Мифологические основы славянского народного календаря. – С. 410 – 411.
54. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды. – С. 220 – 221.
55. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. – М., 1978. – С. 167.
56. Едемский М.Б. Свадьба в Кокшенинге Тотемского уезда / Составление, подготовка текста, комментарии М.А. Вавиловой, С.Н. Смольникова. Отв. ред. С.Ю. Баранов. – Вологда, 2002. – С. 92, 93 и др.
57. Ончуков Н. Печорские стихи и песни. – СПб, 1908. – С. 32.
58. Терещенко А.В. История культуры русского народа. М., 2006. – С. 524.
59. Цит. по статье: Грысак Н.Е. Лечебные и профилактические обряды русского населения бассейна Ваги и Средней Двины: Пространственные и временные координаты. // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. – СПб, 1992. – С. 62, 70.
60. Русский праздник. – С. 196.

61. Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. – С. 91 – 92.
62. Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. – С. 103.
63. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. – Л., 1988. – С. 172 – 173.
64. Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. – С. 127.
65. Власова Марина. Русские суеверия. – СПб., 2001. – С. 529 – 530.
66. Русский праздник. – С. 45 – 46.
67. Агапкина Т.А. Мифологические основы славянского народного календаря. – С. 549 – 550.
68. Горький М. Собр. соч. – М., 1951. – Т. 13. – С. 316 – 317.
69. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды. – С. 252
70. Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. – М., 1915. – С. 404.
71. Русский праздник. – С. 233 – 234.
72. А ван Геннеп. Обряды перехода. – С. 168 – 169.
73. Толстая С.М. «Житие» растений и предметов // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 183 – 184.
74. Бернштам Т.М. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. – С. 156 – 157.
75. Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – 2-е изд. – М., 1986. – С. 418.
76. Русский праздник. – С. 131 – 133.
77. Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. – С. 434.

78. Пропп Владимир. Русские аграрные праздники. – С. 80.
79. Шустиков А.А. Троичина. Кадниковского уезда: Бытовой очерк // Живая старина, 1892. Вып. 2 – 3. С. 71 – 91; 106 – 138.
80. Духовная культура северного Белозерья: Этнодиалектный словарь/Коллектив авторов. Отв. Ред. И.А. Морозов. – М., 1997. (Далее – Сев. Белозерье).
81. Русский праздник. – С. 127.
82. Потанин Г.Н. Этнографические заметки по пути от г. Никольска до г. Тотьмы//Живая старина, 1899. Вып. 1 – 2. – С. 202.
83. Тексты словесных формул приводятся по следующим источникам: Архив М.Б. Едемского. РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1, ед.хр. 99, 101; Бурцев А.Е. Обзор русского народного быта Северного края. – Т. 2. – СПб, 1902; Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губ.; Шустиков А.А., Троичина, Тавреньга; Сев. Белозерье.
84. Власова Марина. Русские суеверия. – С. 143.
85. Шустиков А.А. Тавреньга. Вельского уезда: Этнографический очерк//Живая старина, 1985. Вып. 2, 3, 4. – С. 171 – 191; 359 – 375.
86. Шустиков А.А. Троичина // Вожега: Краеведческий альманах. Вологда, 1995. – С. 131 – 132.
87. Семенов Ю.Н. Как возникло человечество. – М., 1966. – С. 671 – 672.
88. Шустиков А.А. Тавреньга. – С. 171 – 191.
89. Шустиков А.А. По деревням Олонецкого края: Поездка в Каргопольский уезд//Известия ВОИСК. Шереметьев. Зимняя поездка в Белозерский край. – М., 1902. – С. 136 – 137; Сказки и песни Белозерского края. – С XI – XII; Шаповалова Г.Г. Севернорусская легенда об олене // Фольклор и этнография русского севера. – Л. 1973. – С. 209 – 223; Едемский М.Б. Архив РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1. ед. хр. 101, л. 41.

90. Шустиков А.А. Простонародное лечение болезней в Кадниковском уезде. // Живая старина, 1902. – Вып. 2. – С. 13.
91. Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. – С. 135.
92. Макашина Т.С. Ильин день и Илья Пророк в народных представлениях и фольклоре восточных славян // Обряды и обрядовый фольклор. – М., 1982. – С. 83 – 101.
93. Майков Л. Великорусские заклинания – СПб., 1869. – С. 113. Великорусские заклинания: Сборник Л.Н. Майкова./Послесловие, примечания и подготовка текста А.К. Байбурина. – Изд 2-е, испр. и доп. – СПб, 1994.
94. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997. – С. 436 – 438.
95. Майков Л. Великорусские заклинания. – С. 112.
96. Манойлова Ольга. Обряд похорон мух в осенние праздники в восточных районах Вологодской области/Известия ВОИСК. Вып. XV. Материалы научно-практических краеведческих олимпиад школьников «Мир через культуру». – Вологда, 2006. – С. 63 – 65.
97. Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 1. Пг., 1914 – 1916. – С. 261.
98. Цит. по книге: Гура А.В. Символика животных... – С. 445.
99. Сахаров И.П. Сказания русского народа. – М., 1989. – С. 298.
100. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. С. 446.

Принятые сокращения

1. ВОИСК – Вологодское общество изучения северного края.
2. РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
3. (И)РГО – (Императорское) Русское географическое общество.
4. ОЛЕАЭ – общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.
5. Ж.С. – «Живая старина».
6. Шейн – П.В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т.п., Т. 1., СПб, 1898.
7. Земцовский – Поэзия крестьянских праздников. / Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И.И. Земцовского (Библиотека поэта, Большая серия, второе изд.) – Л., 1970.
8. Сев. Белозерье – Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. / Коллектив авторов. Отв. ред. И.А. Морозов. – М., 1997.
9. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В трех томах/подготовка текста, предисл. и примеч. В.Я. Проппа – М., 1957. Т. I.

К иллюстрациям

Иллюстрации перепечатаны из книг:

Земцовский И.И. «Поэзия крестьянских праздников»;

Некрылова А. Ф. «Русские народные праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начала XX века»;

Шангина И. И. «Русские праздники. От святок до святок»

Указатели

Теоретические понятия.

- Специфика фольклора 6
- Устный и письменный фольклорные тексты 6
- Вариант, вариативность 7
- Фольклор по происхождению и по бытованию 8
- Периодизация фольклора 9-10
- Фольклор и мифология 10-11
- Двоеверие, синкретизм 12-14, 16, 20, 53, 54
- Обычаи, обряды, праздники 14, 17, 20
- «Культурный текст» 15, 23
- Обряды перехода (умирающее и воскресающее божество) 34, 39-41, 59, 79
- Магия: подобия, контактная, карпогоническая, гиластическая 24, 26
- Культ предков 28, 50
- Предметность слова 23
- Амбивалентный образ

Обычаи, обряды, обрядовая поэзия.

- Календарные приметы 17
- Колядование. Зимний обход дворов 21

- Заклятье на урожай, приплод скотины, благополучие 26
- Ритуальное поведение колядовщиков 28
- Пожелания хозяевам 25, 27-28
- Одаривание колядовщиков 28
- «Кликание Плуги» 29
- Ряжение 29-30
- Гаданья на урожай и судьбу 30-34
- Касьян немилостивый 34-35
- Встреча масленицы 36
- Амбивалентность образа Масленицы 36-37, 40
- Ритуальное поведение во время масленицы 38
- Обрядовая еда 38
- Проводы Масленицы 39-41

Весенние обряды

- Закливание весны 42-43
- Обрядовая еда 45
- Первый выгон скота 44
- Егорьев день, егорьевские обряды. Окликание Егория. 44-46
- Ритуальное поведение пастуха 47-48
- Обряды, связанные с оберёгом скота 45

Троицко-семицкие обряды

- Пасхальные праздники 49
- Культ предков 50
- Обрядовая еда
- Волочebники. Обход домов молодоженов 49
- «Зеленые святки». Культ березы 51
- Кумление 51
- Гадание по венкам 52
- Хождение в жито 53
- «Поднятие богов на зелeня» 54
- Проводы русалок 55
- Иван Купала. Культ растений «Иван да Марья» 55
- Культ солнца. «Игра» солнца 56-57
- Гулянья молодежи, купальские костры 61-63
- Очистительные обряды. Культ воды. Заклинания нечистой силы 57, 58-60
- Поверья о цветке папоротника 64-65
- Сбор целебных трав 63-64
- Ярило 65
- Петров день – «макушка лета» 65, 67
- Похороны Костромы 65-67
- Качели (качули) 67

Обряды, связанные с уборкой урожая.

- Обряды перед выходом в поле 68
- Зажинки. Заговорные формулы. 69-70
- Дожинки. Завивание «бороды» 71
- Гадания у завитой «бороды» 72
- Спорынья 72
- «Навязывание килы» 73
- Обряды с последним снопом 73-74
- Катанье по полю – возвращение силы 73
- Коллективная трапеза 74
- Кормление последним снопом скотины 75
- Договор с домовым-хлевником 75
- Лошадиный праздник (хроленье) 76
- Мирское пиво. «Мольба» – коллективная складчина/братчина по поводу окончания жатвы 76
- Пережитки зоофагических праздников. Предания о жертвенных животных. Эволюция обряда. 77
- Ильин день и образ Ильи 78
- Похороны мух 79-80
- Конец календарного года 80-81

- Схема календарного цикла. 82-92

Календарно-обрядовые тексты, записанные
в Вологодской губернии и области.

- Молодежные вечерования в Кокшеньге 93-110
- Комментарий к текстам, записанным М.Б. Едемским 111-115
- Колядки и Виноградья, песни святочных гаданий, записанные братьями Соколовыми, Ф.М. Истоминым, М.Б. Едемским 117-126
- Обрядовая новогодняя еда («Свиной праздник») в записи Д.К. Зеленина 127
- Охранительный обряд «Опахивание деревни» в записи И.А. Бунина и Д.К. Зеленина 128-129
- Заклинания и заговоры Кадниковского уезда в записи Е. Кичина 130-133
- Пастушеский заговор в записи А.А. Шустикова 132-133
- Заговоры от нечистой силы. Запись Л.Н. Майкова 133
- Реконструкция календаря Кадниковского уезда 134-138
- Обряды и колядование. Ряженье: из книги И.А. Морозова и И.С. Слепцовой «Праздничная культура Вологодского края» 139-161
- Схема «Персонажи святочного ряжения» 162-167
- Народный календарь Кокшеньги. Архив М.Б. Едемского 168-187
- Рекомендации по собиранию обрядового фольклора 188-198

Вологжане краеведы

- Н.А. Иваницкий 197-199
- А.А. Шустиков 200-202
- М.Б. Едемский 203-204

Примечания 205-213

Указатели теоретических понятий, тем, сюжетов, мотивов календарных обрядов и обрядовой поэзии. 214-217

Колядовцики

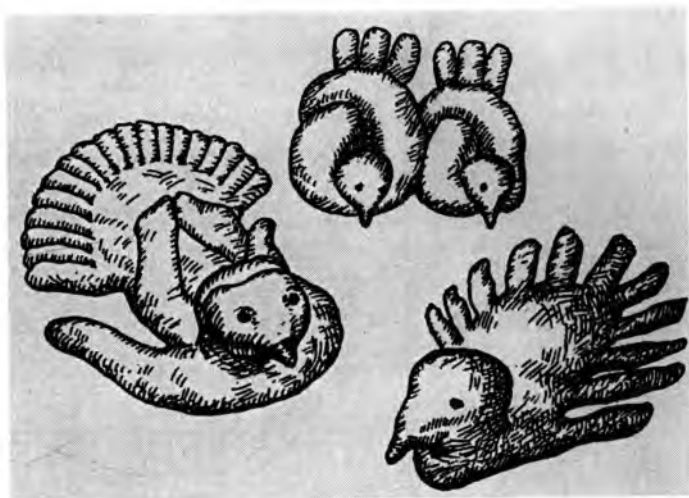

Изготовление чучела Масленицы

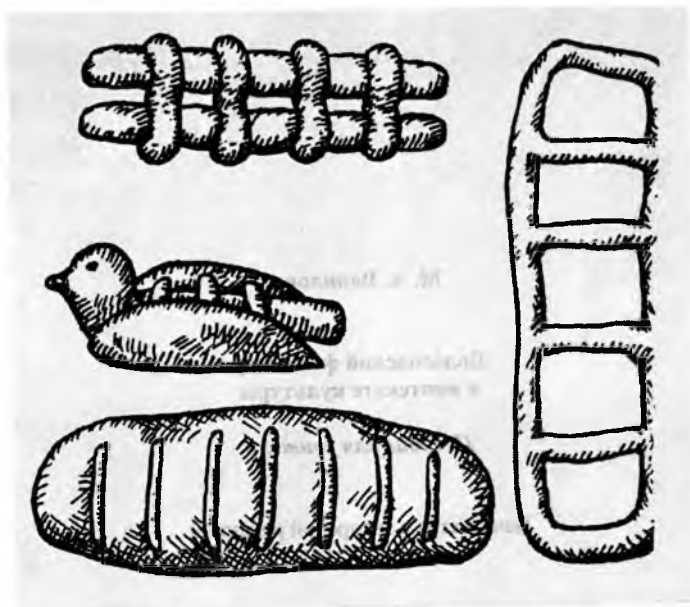

Гулянье молодежи в Семик и на Троицу

Обрядовое печенье

Жаворонки

Лесенки